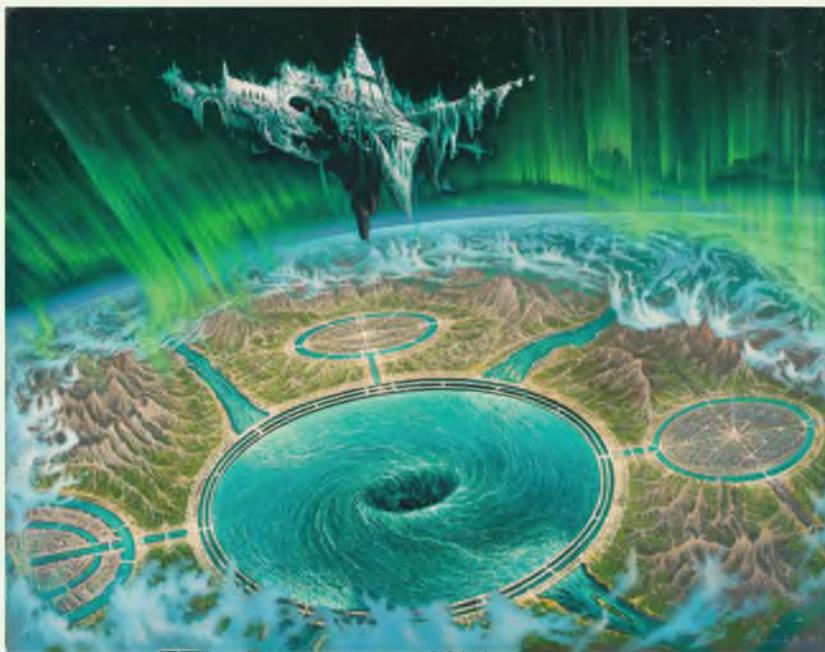

ГИПЕРБОРЕЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ №4(7)

«СОЮЗ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ»
ТЮМЕНСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Специальный юбилейный выпуск
Союзу российских писателей – 30 лет

2021

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

ГИПЕРБОРЕЙ

№4(7)

Издаётся с 2019 года

ул. Осипенко, 81
+7 3452 56 56 50

АО «Тюменский дом печати»

Тюмень
2021

УДК 82

ББК 84

Г50

ГИПЕРБОРЕЙ: Литературно-художественный альманах. Юбилейный выпуск.
Автор идеи и куратор издательского проекта: Сопредседатель Правления
Союза российских писателей Н.М. Шамсутдинов. Тюмень: АО «Тюменский дом
печати», 2021. – № 4(7). – 320с.

Издано при финансовой поддержке Правительства Тюменской
области и при техническом содействии Союза российских
писателей Тюменского областного отделения

**Авторы выражают благодарность
депутату Тюменской областной Думы
Зайцеву Артёму Николаевичу
за оказанную финансовую поддержку в издании юбилейного
выпуска, посвященного 30-летию со дня образования
Общероссийской общественной организации
«Союз российских писателей»**

ISBN 978-5-87591-313-6

ISBN 978-5-87591-362-4

Возрастная категория: 18+
(в соответствии с ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ)

ВСЕ ПРАВА ЗАЩИЩЕНЫ

© Тюменская региональная организация
«Союз российских писателей», 2021

**Союзу
российских
писателей –
30 лет!**

Уважаемый читатель!

Седьмой по счету номер литературно-художественного альманаха «Гиперборей», который Вы сейчас держите в руках, приурочен к знаменательному событию в жизни профессиональных литераторов Российской Федерации и всех ценителей отечественной словесности – тридцатилетию со дня образования Союза российских писателей. Созданное группой единомышленников в декабре 1991 года, новое творческое объединение, отринув догмы социалистического реализма, возродило и продолжило гуманистические традиции Великой Русской Литературы. Все эти годы посильный вклад в решение важнейшей задачи по развитию культуры и духовности вносят члены Тюменской региональной организации СРП – писатели-северяне, авторы «Гиперборея».

Юбилейная дата для нас не столько праздник, сколько значимый повод подвести итоги и отчитаться перед читателями своими произведениями – рассказами и стихами, воспоминаниями и размышлениями, радостью и тревогой... Вот этот отчёт – на страницах альманаха. Знакомьтесь, читайте и откликайтесь, становясь соучастниками общего творческого процесса, – мы пишем для Вас!

ШАМСУТДИНОВ

Николай Миркамалович – советский и российский писатель, публицист, переводчик и общественный деятель.

Член Союза писателей СССР с 1982 года и Союза российских писателей с 1991 года – родился на полуострове Ямал 26 августа 1949 года.

С 1994 года – более четверти века – председатель Правления Тюменского регионального* отделения Союза российских писателей (ТОО СРП). Сопредседатель Союза российских писателей, член Творческого совета Ассоциации союзов писателей и издателей России, Всемирной ассоциации писателей Международного ПЕН-клуба, Заслуженный работник культуры РФ, академик Российской академии поэзии, Международной академии литературы, искусства, коммуникаций (Германия), Почётный работник культуры и искусства Тюменской области.

Лауреат многочисленных международных и отечественных премий, в частности: Общенациональной премии им. А.М. Горького, Премии им. М.А. Волошина, «Золотое перо», Золотая медаль Фестиваля «ЛиФФт» (Россия), Всеканадского литконкурса «Взрослые – детям» (Канада), «За выдающиеся открытия и развитие новых эстетических принципов в литературе» (Германия), Премии им. Нобелевского лауреата Генриха Бёлля «За выдающиеся достижения в литературе и общественной деятельности» (Германия), дважды «Бриллиантовый Дюк» премии им. де Ришелье (Франкфурт-на-Майне – Одесса), Гран-при премии им. А.Г. Сниткиной-Достоевской за цикл стихов о сподвижнице (Монреаль – Нью-Йорк), фонда «Доминанта» (Германия), Международной Лондонской премии им. лорда Джорджа Ноэля Гордона Байрона в категории «Мегазвезда» (Лондон – Москва).

Автор пятидесяти трёх поэтических книг, около четырехсот публикаций в отечественной и зарубежной периодике.

Живёт и работает в Тюмени.

---

* ТОО СРП объединяет литераторов трёх субъектов Российской Федерации: Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (ХМАО), Ямало-ненецкого автономного округа (ЯНАО).

***

*Столетию со дня рождения моей мамы,
Юмабики Атыкашевы, посвящается*

Вестнице непредвиденностей не с руки
праздность, и, пока ты – за дежурной «нетленкой»,
матушка, напевая, печёт пирожки,
словно здесь вот, за стенкой... В компании с венкой,
прилетевшей вчор, чьё призванье не спит,
а – язвит, под призором былого, недаром
темнота за окном в воплощеньях темнит,
пока печь наливается, грузная, жаром.

Не подметная память, что сны бередит,
донимая резонами, – сущее бденье,
здравый смысл, помня, что нам ещё предстоит,
искренен, ископаемый, в искорененье
«вояжеров» из прошлого... Ночь за окном,
и душа, в сострадании, всхлипнула хлипко,
услышав, как в простуженном шарнире дверном
вскрикнула, ненароком разбужена, скрипка.

Под её причитанья, скорей, вопреки
им, как давеча, в неискушённые леты,
матушка, напевая, печёт пирожки –
в трансцендентности явной, на отмели Леты....
Прошлое привораживает? Но, не чтя
чутких ассоциаций, их коловращенья,
да не ты ли, дежурный хронист бытия,
не прихлопнутого хлопотами забвенья, –

обречён каверзам захолустья, слывя
не затворником – ясным паломником к Горним

высям, фибрами – токи бывшего лова,
посторонний рефлексиям потусторонним?
В мире, что на один, злополучен, покрой
с преисподней, чьих бесов лишь больше и больше, –
выпекающая долгожданный покой
в неизбывной душе, пой же, матушка, пой же!...

* * *

В ночь – сосредоточенней суровое бденье
за Тацитом, претором, ведь, искони
наставник рефлексий, самозаточенье –
самоистязанью (?) сродни... Эти дни

не топят в фиале, клонясь к пасторали:
с брожением замшелых коллизий на дне,
самозаточенье в фиале – едва ли
из фабул, играющих автором... Вне

и смысла, и логики, но, в назиданье,
из памяти сущего выставлен, стар
сатирам и нимфам (?), своё дарованье
всё чаще приносишь забвению в дар.

Так, въявь безразличие масс постигая,
при тех же феминах, зовущих под зонт,
душа забывает себя, простирая
своё обаяние за горизонт...

Язвительна в сухости, невозмутимость
диктует едва ль в эмпириях парить,
ведь возвращает в каждом необходимость
наследственной совестливости: не слыть –

быть, не поступаясь достоинством. Бденье
за Тацитом, претором, славный итог,
одухотворяет самозаточенье
в «Анналах» историка, для диалог

с его диалектикой, ибо в обильной
на козни реальности – бдение есть
самозаточение в жизни, двужильной
уже по природе, чьих сюрпризов не счесть,

ведь, что в ней, с отлетом иллюзий, ни чают,
она, аскетизма духовного вне,
есть пир интонаций, что ум помрачают
своей интуицией, чьи интонации не –
повторимы...

* * *

Вопреки нашей бренности, по наблюденью –
ордер на дарованье, святому служа,
нежность к жизни, подверженная вырожденью –
по убытию лет, неизменно свежа.

При сердечном ресурсе, что не убывает,
но – выветривается, что горше всего,
исключительность автора не исключает
ни отдушины тонкой души, ни того,

что, с обменом язвящими обиняками
с турбулентной действительностью – испокон,
он аттическими, дегустатор, тычками
спутницы по абсурду воодушевлён:

с технологиєю обольщенья – быв смелой,
женщина, что, по отзываю: «Не хлороформ...»,
преуспела в пропорциях – судя по зрелой
выразительности недвусмысленных форм...

И при ней, сызмала лириками запетой,
неужель, свежестью неизбывной дыша,
всё ж выглядываема (?) летальной Летой, –
попечением вечности выжив, душа?

В арендуемом времени, что б нам ни пели,
безысходность, высматривающая всех
в колыбели, равно и в последней купели,
предрекает, дозируемая, успех

отстранённости и от чрезмерных оваций,
и увесистой ненависти... Плод чужих
упований, она с мастером мотиваций,
жизнь (сестра ли?..), верна постоянству в своих

переменах... Как мы в откровеньях ни вещи,
отзывается, и – непременно в судьбе,
что в затравленном взгляде заношенной вещи
мы прочитываем второпях о себе.

Мысли эти – ночные наперсники... В сфере
мироздания – своё мироздание творя,
под весенний гул в сквере,
с «Memento viveri!»,
помни, скептик, о жизни, что сутью – твоя...

* * *

«Вечный двигатель» – по заключенью прозаика,
в желчегонной действительности мерзостей сих,
человек, унаследован снами, – мозаика
хромосом, проецируемых на иных
из попутчиков по эволюции вида... Но,
воплощённый дидактик, далеко не бурбон, –
при рефлексии присных & (где ж это видано?),
ровно с музой на выданье, выделен он

перекрёстным опылением мозгов, «ископаемый» – по умозаключению роящихся: чтим чаепитьями под остракизм, приручаемый трезвостью, привечаемой бдящими... Сим отвечая ревнителям, стыдного сходства вне, крепко внял он, уже по тому одному, что досада других на его превосходство – не досаждаёт, в ущербности оных, ему.

Не пеняя за взвинченность логики – втянутым в тяжбу мировоззрений, мордующих всласть, о призвании судят, язвя, по натянутым отношениям с действительностью: прижилась ложь в любом из сограждан,

кому правда – бременем...

Почему ж тогда, не из духовных калек, дегустатор надежд, прорежаемых временем, частною безучастностью – жив человек?

В ипостаси статиста сопутствуя Лиру, он поглощён рокировкой рока. В «чужих», с мором в ногу просторно шагает по миру он, выдворяем из памяти присных своих.

Травоядные лирики, будучи лишними, по наитью (?), себе ж вышибают мозги: срежиссированная, уж точно не Вышними силами, правомерна ли жизнь, ведь ни зги

в её вечных загадках? Надсадней миграция увлечений, к тому ж, по Амьего, «пейзаж – состоянье души...». Родниковая интонация в голосе спутницы. Рядовой персонаж

пасторали, над ними царит – неменяемый
в невесомости, так увлекаем душой,
что уходит в зенит, – птичий клин, разбиваемый
на пернатые кланы – Бореем... Чужой?

* * *

Не осаживая вождельня, при квоте (?)
на полярные искусы, отрока вяжет
золотистую пластиковую женской плоти...
Ошарашиваем на полуденном пляже

шармом смуглых сирен, помнит мистик, что Ницца
за спиною? Снимающая угол в «гугле»,
откровенней в стервозности отроковица,
взбадривающая жестом всадницы букли

на виске... С отрешеньем в покое искомом,
под призрением призраков, бдящих в эклоге,
выдыхаясь, роман эзотерика с ромом
движется к единенью полов – в эпилоге.

С грациями он, практик, дистанцию держит,
при душистой их близости... Но, с досадой в осадке,
эмбрион заскорузлого образа брезжит
в плотных складках лица демонической складки –

vis-a-vis, под зонтом. Неизвестно кто... Склочник?
Из плеяды плейбоев? На фоне предгорий,
собеседует с воображеньем – источник
аллергических, сутью своей, аллегорий

с падшим ангелом... Не поступайся собою,
будучи и раскованным, и эпатажным,

ведь игра дивергента вслепую с судьбою –
непрерывно отыгрывается на каждом

из партнёров по миру. Меняя личины
фатума, тем и парадоксальней подробность,
что в присутствии феноменальной фемины
не желание жалит – ретроспективная робость

неофита, горячими ступнями – в пене,
помнящей и Улисса... И явно, и тайно
каждый дарит не-селекционной сирене
вид на жительство в сердце своём. Не случайно,

при брожении ассоциаций в стакане
с коньяком, он любезен фортуне, гонимый –
за служенье лексической сложности, а не
ложности интонаций, наш мистик, сводимый

к персонажам таинственного... Что вы там ни поёте
эзотерике, но, опекаемы далью,
заглянув за предел её, тотчас стаёте
в механизме античного мифа – деталью,

при курьёзах чужой куртуазности, ибо,
одевая разбуженной нежностью прочих,
что не вхожи под своды судьбы её либо
истязаемы завистью, всем она прочит

неизбежность ухода, покуда, не вправе
на размолвку, лишь для комплексующих – жница,
повелительна в великолепии яви,
из семьи оцифрованных символов, – Ницца...

* * *

При адамической свежести с моря, в полу-
мраке, по курсу курсива на карте, язвима
воспомианьем, с молчаньем твоим на молу,
яхта, в безветрии, прошелестевшая мимо,

поздним фланёрам, как шиш, предъявив полуют...
Жизнь, в изоляции от неусыпных иллюзий,
сучною патиной взявшись, и есть абсолют
лютости воспоминаний, достойных аллюзий.

Встречный свежак обдирает лицо, как наждак.
В гулкой пивной, став, по слухам,

активным транжирой
жизни, гудит «социальный (по уровню) шлак»,
спутники Бахуса, манипулируя лирой

будничной выделки... Не утешая юнца,
лепится к памяти, тлея, полоска заката
на воспалившейся, пылкой лепнине дворца
за Массена, родословная чья небогата

на парадоксы... Обязан клеветущим тем,
что обстоятелен в выводах, из бескорыстных,
он не один из «блаженных, подталкиваем
толками, тихо уходит из памяти присных,

внешне вполне уважаемых... Не толмачи
стереотипов, что, в сущности, посеребрили
хрестоматийные не-харизматики, чьи
счёты к реальности помолодели... В прицеле

у неизбежности, ей ассистируя, вне
классификаций «в резерве у вечности» либо

приотворившись притворщице в нежности, не
спрашивай правды с её искущённости, ибо,

не оставляя сомненьям, один на двоих,
лунной полночью, неуголимый учитель
сон, неусыпный хранитель секретов чужих,
мыслей твоих о себе – духовник и целитель...

* * *

Повергаемы в ступор, как даве – базарными
нравами, сокрушаются, вот, мол, беда:
вивисекция, мой комментатор, бездарными
виришами – первый шаг к паранойе, когда,

не срывая, при тяжбе амбиций, овации,
плод духовной инфляции, логики вне,
генерации лириков – в дегенерации,
изживая былые триумфы, вполне

не в себе... Как, плодясь, ни убоги двуногие,
чьей настырностью сущее заражено,
инстинкт истины – вот он: по идеологии
Логоса, первозданно – духовное, но

и травимо действительностью: заморённому
пандемией, о чём бы он и ни просил,
миру, при катаклизмах его, умудрённому (?)
мором, не достаёт на признание сил:

с правдою, что на птичьих правах, в неотложности
здравомыслия, ибо – изловлено злом,
бытие, что заложено, в догмах, на ложности
заблуждений в нём, неискупимо в своём

фарисействе, но сызмала – всё ж в иерархии
архетипов. Какой, серостью изводим,
ни кудесник наш автор в своей же «епархии», –
фатум, пристален, манипулирует им...

Обрекаем рутиной на непонимание,
и поэтому, лишь причастившись любви,
человек, что прозрел, есть своё ж отрицание,
из души вытравляя сомненья... В свои

семьдесят – пылко отсалютуем: «Брависсимо!»
той любви, что, спасая от ступора нас, –
вещь в себе, ведь, по Канту, *ma shere*, независима
от сознания и – непознаваема, да-с!

* * *

Под брожение роящихся фабул в стакане,
погружаемо в смог ассоциального ада,
будущее, что вглядывается в тебя, – не
избегает, набычась, ответного взгляда.
Убаюкиваемо (?) воркотнёю Эола,
но – ревнуя к тому, чем убойна виагра,
бодро бодрствуя, бдит еженощное соло
солевых отложений в суставах – подагра
лишь подыгрывает... Но, с небесным созданием
из попутного бара, ночного роенья,
деликатности учат нас – иносказаньем
невесомого женского прикосновенья,

и желанья, кустьясь, оживляются... С *credo*
кредитора (?), кустарного, впрочем, пошиба,
мир, уже в конфидентах держа кифареда,
вымывает иных из внимания, ибо

что без-образно, то, постарев, безобразно...
К воркотне просыпающегося артрита,
знойной плазмой любовного, «котик», соблазна
в направленье к оргазму ведёт неофита,
коль, осваивая плодородный фарватер
полунощницы в мини, смена приоритетов,
при её формах, – приобретает характер
пандемии, ввергающей в ступор эстетов:

грёзами обращаем к лирическим сферам,
проницая в иных кровеносные зовы,
и твой опыт, премьер, – примеряем к примерам
Казановы, инспектирующего альковы –
те-е-е оковы для лирики.... Став ретроградом,
но – во мненье среды, не заслав свою славу,
ты, ревнуемый музой, утиль (?), под приглядом
возраста, уступаешь капризам по праву,
ибо строишь, холерик, прелестницам куры,
дабы встретить, уже с миною страсготерпца,
обличения громоподобной Лауры –
срочной эвакуацией граций из сердца...

ПАРИЖСКИЙ ЭСКИЗ

Под категорическое и вдогонку – «tout-beau!*»,
на грани коллапса, в холодные дышат ладони,
на фоне, читатель, крупногабаритной Гарбо,
надолго зависшей, капризом «прогресса», в айфоне:

душа инженерю, приоткрытая ангелам, к нам
не обращена – вовне фабул, зело конъюнктурных,
и прям её взгляд, переадресовав облакам
эклетику архитектуры на жидких котурнах...

Вербуемому вероятностью случая – с ней
себя не достичь, словно обетованного берега:
что есть в воплощении сиюминутных страстей? –
они нерестятся, кустанья, в ожидании снега.

Сопутствуя сточному времени, толков среди,
но, будучи (старости не сторонясь) конфидендом
затравленной яви, чураются потной среды,
сводимы с ума кафкианским коэффициентом

её уплотнённости. По дантовым, аспид (?!), кругам
предзимней подземки уносит вас в морок, и всё же...,
grimасы без лиц, провисая, сопутствуют нам,
пока миражами забрасываемы мерёжи

в сознание, с плодоношеньем химер в нём. Стекла
в забвенья та, властная, из почитательниц терций,
что, в непредсказуемой жалости, взглядом прижгла
горючую ссадину в авторском сердце? Проперций

заносит свой стилос. Уж так ли, ранимый, он мним,
Дух, опорожняем, дробясь, пораженьями? Сирость
вверяемой верности случая – сумрачней с ним...

Пеняют ли здравому смыслу, сдаваясь на милость

иллюзиям юности, чаще – себе на беду,
когда, под «tout beau!»,

чьи оттенки предельно сугубы,
строптивее старость (?!) грядущего,

с хрустом (в виду
промозглого Стикса) в кровь стискивающая зубы?..

---

* Тубо – межд. (франц. «tout-beau») Запретительное слово: нельзя!
смирно! будь на месте!

Интрижками взял ты –
взбодрённый борьбою
С её предрассудками... Сумерки... Штиль...
Она уже, как и предрёк ты, готова...
И только (голимый до сладости лёд)
Сосулька из детства, родная, с резного
Карниза нет – нет, да и в сердце кольнёт...

* * *

Протопать Латинским кварталом,
потом в Люксембургском саду
спуститься к пруду и, у зыби,
забывшей себя, на виду,

на стул, тяжело опустившись,
в полуденной лени своей,
с рассеянным взглядом на зыби,
приватных кормить лебедей.

В сени геральдических лилий,
листая линейные дни,
занятнее жизнь, зарастая
проулочками Сен-Дени,

так ярок у дамы в бакарра,
призывает обвальный кармин,
что яростней просверки жара
в крови, и куда там камин...

Но, не возмещая опеки,
апрель возвращает в Пантен –
антенн в подсознание, аптеки
близ кирпичи, близ оспенных стен,

Там свет без присмотра в передней
скучнее... Случайный союз
помешанных – не обращает
любовь сотрапезницей муз,

Застав ее в образе рока...
А на Елисейских полях
мерцает вольфрам одиноко
в припухших со сна фонарях,

и вновь – Иль де Франс, Бузенвиль
и.., пока куафер рококо
обходит вниманьем барокко... –
весь мир не от мира сего.

До жара в предсердии впиться,
теряя пристрастья свои,
в лепнину, в прохладные лица
с прививкою вечности и

вернуться Латинским кварталом,
неся, как подарок, любовь
к решёткам, каштанам, порталам,
фонтанам, амурам, и вновь

соборы, дворцы, стайки фавнов,
сады в ожиданье весны
ведут по ночам переплавку
роскошной реальности в сны,

в которых, сумбурный, мятешься и,
глядя, как дремлет вода,
смятение пряча, споткнешься,
вдруг встретив себя у пруда...

* * *

Окна, заплывшие снежными розами,
В оттепель канут, как в небытие...
Не разминутся нам, розным, с морозами,
Дикорастущее бу-ду-ще-е,

Загромождённое – людом? – подобьями...
Небу, отвесному днесь, – до утра
Хлопотно жить новогодними хлопьями:
Ёлки, петарды, шары, мишура –

Для приручающих вечность в одической
Силлабо-тонике, ибо в долгу
У испещрённой дактилоскопической
Строфикой дактиля там, на снегу, –

Ночи с тенистыми тайнами... В наледи
Явочной вечности, к слову, в глазах
Чисто у музы альпийское алиби,
Вот и вьюжит в её черновиках.

«Мальчик, шампанского!» Эякуляция
Мощной струи в задубевший зенит!
Кто ж верещит, что в поре девальвация
Вальса?! – он не иссякает, царит

Здесь, на лужайке. В пронзительной свежести,
Периферийными феями пьян,
Снег, если вслушаться, – это снег нежности,
В шёпоте, в шелесте сущего дан.

Если же, не разрешаясь прострацией
И с прилежанием в лени досель,
И уязвима душа, то миграцией
Граций за до-олгие ночи отсель...

* * *

С вещим ознобом, побледневший, вдоль
Спины, с бордо, волхвующим в бокале,
В гранитном доме, в доме у Николь
Гипербореец пел в каминном зале.
Шибало в окна зноем плотных роз,
Пел в жилах жар, бил в голову, и крепко
От ясной, проголосной *«Ой, мороз...»*
В глухих углах знобило тени предков.
Пел – с неизбывной вьюгою в глазах,
И пело, выпеваемое вчуже,
Альпийским летом, в знойных витражах,
Дыхание гиперборейской стужи.
Пел страннице страниц, и, по всему,
Чужие, в одиночестве ревнивом,
Внимали, отстранённые, ему
Вершины Альп с серебряным отливом.
Любовь к непостоянной – не беда
Под отрешённым небом голосила,
И выси отзывались – никогда
Так музу далеко не заносило.
Ещё недавно – от родных высот,
Он пел, счастливец... Слава не минует,
Горячая, за плечи обоймёт
И с нежностью отважной поцелует.
Так, значит, жадным ожиданьем жить
И, побледнев, затерянным в пространстве,
Неуловимой нежности служить –
Порывистой, родной в непостоянстве,
Чтобы затосковать, уехав, и,
Средь лиц отчизны, набранных петитом,
Открыть, что упования твои
В родстве с обезглавленным зенитом...

**«КРИТИКА – НАУКА
ОТКРЫВАТЬ КРАСОТЫ И НЕДОСТАТКИ В
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИСКУССТВ И ЛИТЕРАТУРЫ»**

А. С. Пушкин

ЗОРКОЕ ЗРЕНИЕ ДУШИ

Рецензия на книгу «Избранное» в пяти томах

Николай Шамсутдинов – исконный северянин, внешней суровостью и глубоко запрятанным лирическим темпераментом схожий с героями северных произведений легендарного Джека Лондона... Ямал, это Великое северное пространство, простирающееся на долгие тысячи вёрст, вплоть до океана, воспитал в нём эпическую размеренность его строфики как залог гармонического развития его северной лирической одиссеи...

Биографию едва ли не любого поэта, за редчайшим исключением, вполне уместно отождествлять (извините за тривиальность сравнения) с традиционной травинкой, пробивающейся сквозь непременную коросту людской косности и ограниченности, не уступающей по крепости панцирю вечной мерзлоты, покрывающей северную землю...

И, в данном случае, стихи Николая Шамсутдинова с их фиксацией душевных состояний, переживаемых человеком, с полным основанием уместно уподобить своеобразной лирической кардиограмме, отражающей бытийные и психологические перепады человеческого, нелегкого в критических ситуациях, бытия.

Характер любого человека, а уж тем более человека, занимающегося творческим трудом, непосредственнейшим образом проецируется на его судьбу.

И вот ей-то, судьбе, и было угодно свести, нет! смешать в своеобразном поэтическом тигле тюркский холерический темперамент Николая Шамсутдинова – с чуткой ко всему живому, субстанцией русского языка, который он в совершенстве постиг, так как служению этому лексическому феномену посвятил мастер пятьдесят лет интенсивной работы в отечественной словесности, до сих пор обогащая её своими произведениями, неожиданными и зачастую парадоксальными, редкими образами, блистательными метафорами, отточенными эпитетами.

Этот удивительный симбиоз великого языка и сложной, щедрой на горькие потрясения и утраты судьбы дал, как это ни парадоксально, свои позитивные плоды, то бишь стихи и

поэмы, вводящие читателя в атмосферу родного поэту уникального северного края. Да, самое начало творческого пути поэта отмечено поистине живодарящей мощью образов, раблезиански живописным изображением и северной природы, и недюжинных характеров северян.

Н. Шамсутдинов творил свой предметный, абсолютно наглядный мир из реалий северного, трудно поддающегося постижению и воплощению в слове, бытия.

Загорел и скуласт, в белоснежных, тугих торбасах...
Плотное солнце прижалось к сатиновой красной рубахе.
Спит забытый кисет в волосатых, тяжелых руках,
шитый ворот коробят лиловые, алые птахи.
Разметался мороз на окне... Яркий жар очага.
Бесконечна, как эпос, великая зимняя тундра.
/«Табунщик Микуль»/

Читая стихи Николая Шамсутдинова, вспоминаешь слова Федина о том, что талант несёт надежду.

Полифонию многочисленных жанров заложил писатель в основание своего творчества, и жанровое изобилие его поражает и завораживает... Едва ли найдётся в современной поэзии поэт, обладающий таким широким жанровым диапазоном: стихи о сибирской глубинке, её обитателях, чьи трудовые будни неповторимы, а военные потрясения выявляют в их характерах и судьбах неизменную стойкость и непоколебимую любовь к родине и родной природе.

С ними дружески соседствуют щедрые на эмоции и краски стихи для детей, а тонкий юмор и сатира во всех их градациях щедро рассыпаны по страницам тома.

Его стихи 70-80-х годов прошлого столетия – уникальный творческий дневник молодого рабочего человека, не отделяющего себя от реальности авральных суток, когда на 40-градусных морозах действительно крошилось железо, но души людские приобретали такую кремнёвую закалку, что возникала убеждённость в том, что именно в этих душах, таятся бездны, познание которых богато постижением корневых тайн бытия...

Одухотворяемое их волей и присутствием, это, дисгармоничное, на первый взгляд, северное пространство обрело, наконец, своего зодчего...

И не расставайся до сих пор Н.Шамсутдинов со своей, магистральной в ту пору, северной темой, это было бы вполне и объяснимо, и оправдано сложностью и обширностью интенсивно разрабатываемого им. Недаром же под его пером возникали такие яркие, колоритные, с любовью и мастерством выписанные натуры «Поджигательницы Зинки», «Гулёны», «Табунщика Микуля», «Стармеха Соколова», а также и геологов, авиаторов, строителей, авторской волей вовлечённых в силовое поле его творчества, в котором, герой не является «плоским, одномерным элементом авторской маски...», а становится выразителем авторского мировоззрения, его взгляда на мир.

Сибиряк, поэт открывался читателю и как сибиряк по месту приложения дарования, гражданского темперамента, опыта.

А что герой? Моих кровей – его тревоги, размышленья.
В нём черт моих – наперечёт. Я вижу: суть его – иная,
хоть от судьбы моей – отсчёт ведёт судьба его, мужая,
мою же душу, в свой черёд, в чужие страсти погружая...
/«Герой»/

Каждое стихотворение Н.Шамсутдинова тех пор – своеобразный портрет времени в контексте пристальных авторских пристрастий. И стихи его, источники размышлений для читателей, насыщены атмосферой со-причастности, со-творчества, духовного со-беседования с читателем.

Человек – «место встречи времени и пространства», передающего свою энергию людям, населяющим данный ареал. Мой герой, вспоенный целебным воздухом северных просторов, оказался погружённым в современный, урбанизированный мир. В отражаемой им действительности, приобретшей монструозные черты, всё большую актуальность приобретает потребность освободить от балласта душу, заключающую в себе этот противоречивый, непредсказуемый мир.

Неистоцимо тревожные мотивы, овладающие душой российского поэта, составляют психологический стержень того состояния, что называется им, по словам критика Станислава Золотцева, «социальной экологией души».

Поэт, в силу своего исконного, родового свободолюбия и прямодушия, руководствуется независимыми представлениями о добре и зле, примером чему служит создание им в восьмидесятые годы прошлого века поэмы «Покорители», ставящей под сомнение целесообразность «покорения нефтяной целины», при котором беспощадно уничтожается природа, и при этом – искони святое отношение к ней всё того же человека.

Смысла нет, как и нет правоты – в поединке/ с терпеливой природою! Словно зерно,/ в милосердьe к безбрежным массивам, к былинке –/милосердие к нам же заключено,/ пробиваясь в урочные сроки ко свету,/ где наглядна трава, достоверна роса...

При обращении Николая Шамсутдинова к проблемам бездумного, хищнического отношения, а верней, безудержного истребления природы, беззащитной перед лицом слепого индустриального техноса, стиль его становится откровенно жёстким, соответственно правде, исходящей из самых глубин его равнодушного и отзывчивого на бытийные перипетии сердца.

В этом уникальном по своему гражданскому накалу и поистине отеческой тревоге за судьбу нашей планеты художественно-литературном произведении – заключена квинтэссенция нашего тревожного бытия.

Замечательно, что лирические циклы поэта сохранили для нас неповторимые сибирские ландшафты, необозримые пространства тайги и тундры. На фоне их так выразительны и проникновенны лица его земляков-сибиряков, посвятивших судьбы свои – жизни и работе на этой трудной для постижения и освоения земле, но такой отзывчивой на заботу о ней...

В центре исследования Шамсутдинова явственно зримо, прежде всего, не потуги на порицание и обличение происходящего с нами, а стремление понять, каким образом

деятельность человека проецируется на судьбу родной земли, а, следовательно, и на судьбы людей.

Гражданская позиция лирического героя заключается в активизации его медитативного зачастую противостояния агрессивной реальности сегодняшнего дня, и этот процесс раскрывает его образ. Поэма Шамсутдинова могуча не только по объёму, но, прежде всего, по мистическому звучанию многочисленных северных, поистине магических символов.

Наделённый чистым в основе своей Божьим Даром, он поставил его на службу Правде и Красоте, выражая органические для человека духовные устремления.

Годы интенсивного духовного и эстетического возмужания отдал он возделыванию в читательских душах любви к родной сибирской земле.

Но не просто взывает автор к совести и народной духовности, не только выводит он на Божий Свет их, но с болью и гневом бичует бытующие до сей поры в современном народном характере и досель не редкие в нём бездуховность, раболепство и сопутствующие им безразличие, и не только к своим соплеменникам, но и к братьям нашим меньшим, незащитным и безответным перед человеческим злом и чувством вседозволенности. От имени обижаемых взывает поэт к читателю с призывом к добру.

*Отчего же тоскливо/ песнопевцу железных,
промышленных зорь?/ Да разве возможен/ взгляд иной на
творимое здесь? Мало – знать!/ Мало – сетовать на
умолчанье! Я должен/ обо всём, что мятётся во мне, –
рассказать!/ Не сулит моё дело покоя мне.../*

Интонационно богатый язык произведений Николая Шамсутдинова отличают яркая образность, заложенная в нём, выпуклость, энергичность интонаций, что делает речь поэта, в силу набатной природы своей, зовущей к прозрению и неперемennomу действию.

К его подвижнической работе с полным основанием приложимы слова выдающегося художника Кузьмы Сергеевича Петрова-Водкина: *«Искусство – это не забава и не развлечение, это способ ясновидения, способ высшей беседы с природой...»*.

Квинтэссенция философско-мировоззренческих взглядов поэта на процессы, происходящие в мире, характеризуется феноменом духовного открытия для современников, к активизации усилий по спасению и возрождению природы к жизни.

Свежая по звучанию и изобразительной роскоши, его поэзия принципиальным образом расширяет наше сознание до, говоря образным языком, параметров Вселенной, в которой нам предстоит не только жить, но и уберегать нашу общую жизнь от катастрофических катаклизмов.

Традиционные достоверность и, правда в изображении бытия, в котором нам и жить, и творить его, так же, как и совесть классиков отечественной словесности Ивана Бунина, Виктора Астафьева, Валентина Распутина и др., получили в его творчестве достойное продолжение как развитие их общечеловеческих гуманистических принципов.

Самодостаточность литературы зиждется на авторской речи, на языке, произведения. А эта речь не просто самобытна, что отмечалось критиками, но напоена таёжными, первозданными – свежестью и чистотой, и в силу этого живительна и духоподъёмна.

Голос Шамсутдинова – это не приплюснутый пугливой шепоткой шепоток за спиной, не угрюмое диссидентское горение втуне, а свободный, равно открытый и хуле, и хвале голос совестливого человека, мудрого мыслителя, выдающегося художника, Гражданина.

И не могу, поэтому удержаться от желания привести отклик старшего собрата по перу В. П. Астафьева. Вот что пишет выдающийся художник слова по поводу произведения младшего своего собрата:

«...поэма «Покорители», написанная уверенной рукой, восходит от экологических к общечеловеческим проблемам... Всё и вся связано между собой... Кто мы? Что мы? Единое целое с беззащитной земной жизнью? Её палачи и погубители,... или всё-таки разумные существа, способные не только «покорять», брать, истреблять?..

Поэма – боль, поэма – крик, поэма – смятение нашего разума, воззвание к нему, ибо только разум способен спасти нас и летящую в безбрежном пространстве планету, по нашей

вине и разнужданности всё более впадающую в инвалидное состояние».

Характерно, что поэма «Покорители» была отмечена и пристальным вниманием, и общественным признанием...

Впрочем, по порядку: несколько лет назад автор обнаружил в интернете сообщение следующего характера: «...ученица 11 класса МОУ ПСОШ №1 (Ямал) Кристина Гноевая стала лауреатом VI Всероссийского молодёжного конкурса «Меня оценят в XXI веке». Конкурс проводится при поддержке Госдумы РФ, Управления делами Президента Российской Федерации, Роскосмоса, Российской академии образования, Росвоенцентра при Правительстве РФ. Наградой за победу стало приглашение ученицы... на защиту научно-исследовательской работы «Проблемы экологии в поэме Н.М. Шамсутдинова «Покорители» и повествовании в рассказах «Царь-рыба» В.П.Астафьева». Для Кристины поездка в детский дом отдыха Управления делами президента РФ в Нецепино стала победной. Среди 50 человек, в числе которых были даже студенты 3-4 курсов филфаков, в номинации «Литературоведение» Кристина стала обладателем диплома первой степени. /Газета «Северный луч», г. Тарко-Сале, ЯНАО/».

А теперь – самое время, наконец, обратиться и к пятитомнику «Избранное», в котором Николай Шамсутдинов предстаёт в нескольких бытийных ипостасях: человека, патриота своего отечества, члена Творческого совета Ассоциации писателей и издателей России, который адресует к читателю с поэзией, прозой, публицистикой, сатирой и юмором, детскими стихами, переводами.

Не обошёл поэт отстранённым молчанием проблему наркомании, которая достигла такой остроты и накала, что приобрела черты натуральной пандемии, способной, по теории Мальтуса, обезлюдить планету, довести её до инвалидного состояния.

Верный своей традиции говорить правду, одну лишь правду и только правду, публицист Н. Шамсутдинов создал произведение такой внутренней силы и убеждённости в необходимости борьбы с этой «чумой XXI века», что, по

отзывам читателей, она исторгала из них не только слёзы, но и проклятия в адрес «менеджеров» это убийственного процесса.

Автор предложил своё произведение под названием «Параллельный мир» одному из журналов. Когда же справился он о судьбе поэмы, которая так и не появилась в печати, ему было отвечено, что, мол, очень остро она, эта поэма, написана.

Странная, если не сказать большего, складывается ситуация с проблемой её публикации, и возникает закономерный, требующий незамедлительного ответа вопрос: а в каком же социально-эмоциональном ключе подавать эту страшную проблему? Сглаживать острые углы, нивелируя эту, уже пустившую по всему миру, страшные метастазы?

Замечательно, что в основу подвижнической деятельности закладывает он принцип общественно-полезной значимости своих произведений. Недаром завершает он свою поэму «Покорители» горячим гимном людскому единению в защите всего чистого, дорогого нам, вечного

/Мы единством спасёмся! В раздумьях светает:/ в них шумит – закипающий, солнечный! – лес.../ Так пускай изначальная связь не остынет!/ Да пребудут в веках, словно Храм на Крови,/ в категории национальной святыни/ – Лес на Памяти, Лес на Любви,/ Лес на Совесть.../ ... жив я, что верой в грядущие древа,/ как в исход кропотливой работы души!/

Пятитомник «Избранное» состоит из нескольких самостоятельных разделов... Но магистральной темой в нём является любовь между людьми, любовь глобального масштаба.

А душа писателя ищет свободу волеизъявления как форму своего существования и находит её в «акустике ассоциаций», аллюзий, в фабульных хитросплетениях и метафорических откровениях.

Альтернативная к повседневному убожеству, поэзия Николая Шамсутдинова, поэзия оголённых нервов, не есть отрицание мира, она не переключает энергию аффективных явлений на творческие цели, не является продуктом

сублимации, а стремится к максимальному самовыражению автора, далеко не безразличного к переживаемым согражданами перипетиям. Он не теряет надежды на благой пример мировой, как и отечественной, литературы, ведь *«воображенье – самый лучший из гидов»* по Дантовым кругам современной реальности, да потому хотя бы, что *«мысли следуют, не изменяя себе, за сердцем...»*.

При исчерпывающей достоверности образа, констатация самого факта человеческого увядания окрашена интонациями умудрённой сдержанности, примирённости с подступающей старостью.

«Эстетика – этика будущего...» – прорицал на заре XX века М.Горький. На заре века XXI Н.Шамсутдинов, словно следуя завету классика, служит эстетике, выполняющей для него роль Вергилия в этом непрстом мире, становящемся *благодаря усилиям мастера «миром собственной выделки»*.

Неистребима жажда объять гармоний этот расхристанный мир.

Духовное смятение автора, поэтому и вызывает к жизни *«стальную стилистику»* его филиппик, придающих стихам захватывающее звучание.

«Хищный глазомер», особое умение ставить слово к слову проявляются у Шамсутдинова... прежде всего в эпитетах, в определениях, обретающих многозначность, дополнительный смысл в их слиянности с определяемыми словами...» – так писал о нём критик Станислав Золотцев.

Сегодняшний Н.Шамсутдинов не изменил остроте своего взгляда, не отвлекаясь на выбор – «высокого» или «низкого» ранга предмет, избранный им не только для изображения, но и для одушевления бытия этого предмета. *А б ы т и ю г л о б а л ь н о г о т о л к а* подобное одушевление вещей необходимо как условие выживаемости в психофизической чересполосице неизменно критических состояний действительности.

Метафизическая амбициозность современных нуворишей привела к катастрофической инфляции таких сакральных понятий, как «добро», «милосердие», «справедливость», «бескорыстие». И мой друг, выброшенный более двух десятков лет назад происками судьбы из квартиры

на улицу, а в руках бездарного эскулапа лишившийся дара речи, выстрадал несомненное право на болевое: *«Достоинство – мое последнее достояние...»*.

Более того, он, можно сказать, утилизировал своё негодование, создав не один обличительный цикл для пятого тома «Избранного».

А творимый моим героем мир не интерпретируется дефинициями (определениями) пристрастий, ибо в нём, этом не демонизируемом мире, *«опустошённом пустынею в женской душе»*, царит *«акустика ассоциаций»*, вызывающих к жизни *«застыранную в сравнениях осень»*, в которой *«две стихии борются, врозь и в дрязгах, за память»* героя.

Шамсутдинов обладает богатой творческой родословной, исполненной мощи и полифоничности соседствующих в пантеоне мировой поэзии творцов.

И если, *«в виду Террачина»*, рвётся к морю студёный *«эрудированный родник,/ ещё помня Овидия, Тацита, Ювенала...»*, откроем ему дорогу туда, где его ждут не *«пожиратели зрелищ и колы,.. чьим редким отсутствием облагорожена морская гладь»*, а – хотя бы – те, *«чья фантазии жарко вынашивает Сапфо,/ под парусящими снами, хрониками Хроноса...»*.

Его поэзия отнюдь не потеряла в пронзительности прямого высказывания, но приобрела в ходе эволюции такие черты – как подчеркнутая утончённость лирических характеристик, как многослойная, насыщенная явными и зашифрованными цитатами философов и писателей художественная ткань его произведений, отсылающая читателя к неисчерпаемому кладезю культурных и исторических реалий.

Но поэт, фигура из плоти и крови, не укрывается за новомодными увлечениями, как и за текстом, а отождествляет себя с персонажами своих произведений, в которых он предельно автобиографичен.

Не голословно утверждение о том, что читатель дождался от Николая Шамсутдинова выхода на новые форматы общения, которые расширили их диалог и до проблемы авангарда в целом, которому предстоит взорвать

представление о перспективах слова, самой образной системы. Эволюционный дух, жажда эксперимента над валентностью их характеризуют его приоритетное отношение к тем областям, которые были в недавнем прошлом «областями умолчания».

Образно говоря, истинная литература даёт миру инъекцию от бездуховности и безразличия к судьбе цивилизации, так как в ней заложены те ресурсы духовного пространства, которые не назовёшь «анклавными», так как объединены они идеей творческого притяжения, и в работе Николая Шамсутдинова действительно обозначена стратегическая цель его поэзии. И на этом императиве строится его рабочая перспектива.

Он далёк от публичных деклараций о стремлении жить с народом – его горестями и надеждами, так как живёт он этими горестями и надеждами – вместе с народом. И поскольку литература – мощная гуманитарная опора самосознания народа, его мироощущения, то эти её качества, в свою очередь, и должны, по его мнению, экстраполироваться на моральную составляющую пишущих прозу и стихи.

Внимание либо пренебрежение социальными проблемами, устранение от изучения и разрешения социально-этических проблем бытия определяет приоритеты каждого из нас. И в силу этого крайне необходимо поднять градус писательского внимания к таким насущным для нас проблемам, как, в частности, культура прошлого и настоящего – культовые для него темы, как и, кстати сказать, «женские» стихи Николая Шамсутдинова, прямо-таки излучающие восхищение автора женщиной, что и рождает в наших душах атмосферу обаяния ими, ради которой и существует поэзия.

Стихи из его неповторимой главы «Патрицианка» так и просятся в хрестоматию, ибо в них не только присутствует, но и активно утверждается искреннее преклонение перед женщиной. Недаром Станислав Золотцев, прочитав его любовный цикл, пишет: «Я всегда знал, что ты безумно талантлив... Это действительно современный Гимн Любви во всех его проявлениях. Песнь Песней нынешнего русского поэта...» Критик Владимир Рогачев словно бы вторит коллеге, определяя в стихах сибиряка «трепетное, нежное преклонение перед женщиной, гармонизованное в свободно льющихся

образах», и делает акцент на взаимосвязи Н.Шамсутдинова с мировой и европейской культурой, обещая читателям «пиршество для гурманов», ведь отметил же Станислав Золотцев в стихах Н.Шамсутдинова «...эллинистическое движение строки, с «переливаниями» групп дактиля, амфибрахия и анапеста, звуковую аллюзию античного движения стоп... Образы и реалии древнегреческого и древнеримского мифов, евангельско-библейский словарь, лексика западных поэтолегенд – всё это как-то удивительно и органично смыкается у него с тюркской почвой мелоса...». И я уверена, что поэзия его, альтернативная повседневному убожеству, – исключительное явление в современной литературе, и в силу этого обстоятельства поэт близок к пантеону творцов мировой поэзии...

И недаром же редактор культурологического журнала «Dominante» (Германия) Симон Гурарий, награждая Николая Шамсутдинова Международной премией «Dominante-Prais 2019» «За выдающиеся открытия и развитие новых эстетических принципов в литературе», подчеркнул его неповторимую, энергичную, выпуклую, хорошо узнаваемую интонацию, назвав автора трудным для массы, привыкшей заглатывать «литературные наслаждения» без затраты сил.

В творчестве сибиряка в счастливом симбиозе не просто соседствуют, но и взаимодействуют – тяга автора к обдумыванию главенствующих вопросов человеческого бытия с очевидной тенденцией к изобразительной усложнённости в словесности наших дней: в ней так ощутимо лёгкое изящество в изображении женских характеров, судеб, при интригующей стилевой раскрепощённости. Любовь высшего порядка одухотворяет его поэзию, ведь она, долготерпеливая, – милосердна, не завистлива и не горделива...

И автору не тесно в рамках романтической стихии, которая щедро питает его художественное воодушевление, откладываясь щедрыми образами на его страницах: особый элегический склад его души диктует пристальность в изучении и воспроизведении лирического рельефа человеческих душ.

Приглашая в своё мироздание влюблённых и любимых, поэт воплощает в жизнь высокие принципы добросердечия, ибо живёт поистине исповедальной любовью к жизни. Ключ к пониманию женской прелести – в его руках: лирический герой его не живёт чужим, заёмным опытом, а стремится обогатить свой – новыми впечатлениями. Осмысление своего места в мире становится ключом к дальнейшему осмыслению мира в нём, авторе философских стихов. Поиски подлинного себя в самом себе – вот лейтмотив его бытия, его творчества.

Диалог с миром? Да! ведь он ищет в себе самого себя подлинного – более восприимчивого, более сложного, более утончённого в рефлексиях и мотивах своих произведений. Не замыкается в себе, не отдаляется от мира, а налаживает с ним внутренний диалог – тщательно и продуктивно организует на этой поистине сюрреалистической территории своё лирическое пространство.

Николай Шамсутдинов – из тех выдающихся поэтов, кто не заботится о том, как бы угодить читателям. Он из тех редких, «сложных» для сегодняшнего времени авторов, поскольку пишет о том, что глубоко его волнует, и, скорее всего, именно этой своей творческой чертой он обязан востребованности у взыскательной части читательской аудитории.

Стремительным взрослением поэт с *«лица необщим (по Е.Боратынскому) выраженьем»*, обязан тому обстоятельству, что, обладая зорким зрением души, пристально всматривается он в окружающую его действительность.

Как следствие этого, резкая индивидуальная черта завязывается в стихах его «женского цикла», выросшего не в одну книгу любовной лирики поэта, в которых он предстаёт перед вдумчивым читателем философом по складу души своей и художественным пристрастиям.

Сообразно приближению лет преклонных, у человека обостряется чувство бренности, и – не сугубо своей, а бренности вообще. При ощущении собственной мимолётности читатель тоже взыскует защиты от неё.

И стихи Николая Шамсутдинова последних лет, воспитывающие в читателе отвращение к мелкотравчатому

эгоизму, стремятся наделить его силами для сопротивления житейским тяготам, присущим им душевным невзгодам, – стремятся крепить иммунную систему духа человеческого.

Его художественный мир открыт для исповедующих принцип приоритета общечеловеческих нравственных ценностей, для воспитанных в традициях людей, которых принято называть «людьми порядочными», не поступающими ни совестью своей, ни принципами, каким образом не складывались бы в жизни их обстоятельства...

Душевный опыт – основа творчества, без добротного знания деталей фактура повествования проседает... На первый взгляд, многие его стихи об оскудении человеческих отношений и, в частности, отношений между мужчиной и женщиной, ибо доминирующий в нашей жизни технос неимоверно увеличил возможности человека, мыслительная мощь которого неизмеримо возросла. Но этот позитивный процесс сопровождается, к большому сожалению, отмиранием в душе какой-то очень важной нравственной составляющей, что чревато повышенной тревожностью, своеобразной сейсмической активностью души.

Социально ориентированное бытие обрушивает на человека груз новых, акцентированных современностью проблем и связанных с ними далеко не положительных рефлексий. В своё время это было обозначено Достоевским как *«реализм в высшем смысле»*, так как опознаваемая и осмысливаемая автором реальность уже далеко выходит за рамки обыденности, с которой у каждого из нас идёт постоянная тяжба.

Так поэт предъявляет миру свои неоспоримые доводы, характеризуемые им как определённо религиозное чувство, диктующее новые художественные мотивы и коллизии. И всё же правом приоритета обладает для него потребность высказаться, и автор не лишает её заслуженного права голоса, иначе – ситуация перманентного невроза...

Литература сызвеку счастливым образом подчинена организующей, упорядочивающей бытийный хаос авторской воле и таким образом дисциплинирует читательское восприятие действительности, определённым образом гармонизирует её. И это обстоятельство придаёт ей

символическое совершенство, и поэтому Николая Шамсутдинова не отнесёшь к числу версификаторов, хотя бы в достаточной мере умелых и продуктивных. Его творчество – творчество высокого полёта и, по существу, недостижимого, поскольку определённно глубоко и не вторично. К его работе, в качестве наглядного примера, вполне приложимо крылатое определение замечательного *Бориса Пастернака* – «*поверх барьеров*»...

Стихи Н. Шамсутдинова идут от сердца, в них он даёт четкие философские определения устройства микро – и макромиров, определяя их бытийную сущность не как сторонний наблюдатель, а неременный сопереживатель тому, что свершается вокруг него.

Он не дистанцируется от своего читателя, и в то время когда, в частности, поэзия агрессивно оттесняется на задворки читательского внимания, поэт не сдаёт своих позиций правдоискателя, гражданина и всё активнее обогащает многочисленных читателей неутолимой жаждой поисков предельной искренности, истины обетованной, что это вызывает не просто уважение к нему со стороны и коллег по писательскому цеху, и читательской аудитории, но заслуженное признание и за пределами страны.

Подвижнический труд его, к слову, отмечен многочисленными Международными и Всероссийскими премиями, среди которых – крупнейшая Общациональная литературная премия им. М. Горького, им издано более пятидесяти книг. Помимо всего, он искренен в своей убежденности, что и слова наши, и поступки – сущее ничто по сравнению с Вечностью, с которой каждый из нас непременно встретится и причастится тайн Ея.

Делавший первые свои шаги в советской литературе в далекие 70-годы прошлого века, сегодня он с полным основанием относим к когорте российских писателей-классиков, поскольку исторические метаморфозы, пережитые страной в не столь давние времена, не канули для него в Лету, а блестящим пером его запечатлены и сохранены для будущего.

Сын материка *«белого забвения»*, он по слову, по образу, по стихотворению возвращает *с в о й*, многоголосый и полноцветный, материк, ждущий своего Колумба. Н.Шамсутдинов не только открывает нам самих себя, нас – в мире и мир – в нас, но и приглашает, по словам М.Цветаевой, к соучастию к творчеству.

Недаром, при уже упоминавшемся *«человек – место, где встречаются пространство и время»*, встреча эта, а скорее, столкновение двух стихий, вызывает тектонический сдвиг в читательском восприятии его поэзии.

Не спешите закрывать это уникальное *«Избранное»!* Задержитесь на любой из его страниц, и вы увидите, как чудесно *«реальность приправлена памятью: мерная зыбь,/ золота и крупна, перемигивается на солнечном море... Полощущий грот забирает на вздохе свежак...»*. *«Измор трёх измерений держит нас взаперти?»*.

Это – Сибирь. Край, явленный миру во всех его четырех измерениях усилиями своего сына и певца. А в заключение адресуюсь непосредственно к автору замечательного *«Избранного»*, к Николаю Шамсутдинову:

Дорогой друг!

Благодарю тебя за радость знакомства с новыми твоими стихами, часть из которых довелось мне прочитать в периодике. Но, собранные в это Пятикнижие, они, перечитанные вновь, вызывают такой мощный накат духоподъёмности, что появляется нестерпимое желание создать своё, такое же – глубоко содержательное и изощрённое по форме.

Ты – не *«пасынок неусыпной отечественной словесности»*, как писал в одной из книг... Тебя читают, любят и чтут.

Ирина Баранова-Матвеева,

«Литературная газета», сентябрь 2021, ссылка

<https://lgz.ru/article/38-6801-22-09-2021/zorkoe-zrenie-dushi/>

ЭПОХА В ЛИЦАХ

На фотографии: группа молодых писателей с Б. Н. Ельциным,
г. Свердловск – 80-е г. XX века

На фотографии: участники писательской конференции с первым секретарём
Правления СРП С. В. Василенко, г. Тюмень – 2018 г.

На фотографии: участники Всероссийского литературного фестиваля» в Тюмени с Золотым лауреатом «ЛиФТ-2018» Н. М. Шамсутдиновым – 2019 г.

На фотографии: группа авторов на презентации первого номера литературно-художественного альманаха «Гиперборей», г. Тюмень – 2020 г.

На фотографии (слева направо): советский писатель Н. Шамсутдинов и народный артист СССР О. Янковский – 90-е годы XX века

На фотографии: российские писатели Н. Шамсутдинов и Б. Скотневский с народным артистом России Л. Прыгуновым – 2015 г.

ГОСТЬ АЛЬМАНАХА

ПОГОЖЕВА

Галина Юрьевна –
поэт, переводчик, член
Союза российских
писателей с 2000 года

Родилась в Москве 20 января 1954 года, окончила французскую спецшколу, затем Московский авиационный институт. Её стихи печатали «Комсомольская Правда» и альманахах «Поэзия». Переводчик французской и польской поэзии. В 1983 году издательство «Молодая Гвардия» выпустило в свет книгу французского поэта, лауреата Нобелевской премии Сен-Жон Перса в её переводе. Перевод на французский знаменитого «Дневника» Вацлава Нижинского вышел в 1995 году, в издательстве «Акт Сюд». Позже дневник с её предисловием опубликовало издательство «Вагриус».

С 1990 года живёт попеременно в Москве и Париже. Многие годы сотрудничала с газетой «Русская Мысль», инициатор и автор литературной записи воспоминаний Великого князя Владимира Кирилловича, трёх поэтических сборников, последний из которых, «Остановите лошадей», множества публикаций в периодических изданиях, организатор русских выставок в Париже. Президент франко-русской ассоциации «Окно в Европу».

* * *

На бабочек умерших на окне
Я умиляюсь – бедные, оне
Прижали лапки, как бы умоляя.
Сгустилась ночь, настала темнота.
С кривой усмешкой храброю у рта! –
Ужели плакать, землю оставляя?

Уж сколько лет упорною лозой,
Ушедшею корнями в мезозой,
На благо всех душа плодоносила.
Но люб прелюбодей и лиходей,
И только нас не надо среди людей,
И вот поля песком позаносило.

* * *

Не гнушаясь моей виной, всё равно любя,
Над прощальной ночной водой проходя с тобой,
Господь сжалится надо мной и пошлёт тебя,
А ты будь со своей звездой, со своей трубой!

Он склоняется надо мной, всё ещё живой,
Завещая мне на земле до поры молчать,
Над печальной моей страной, над рекой
Москвой,
И останется на челе от Него печать.

Потому что бегут ручьи, но лежат снега.
А певец не спешит, дружок, он споёт в конце.
Не ужасны ему мечи, жизнь не дорога.
Только дорог ему ожог на его лице.

* * *

За ледяной последней встречи
Стеной, на том конце земли,
Где лес перечит русской речи,
Мои дружины залегли.

Там ветер мчится утром пьяным
Пулями мглы, путями тьмы
За Святополком окаянным
До края света, а не мы.

Там только ветер рыщет волком
По кромке леса, ломким льдом
За окаянным Святополком.
А мы затопим: стынет дом.

У края света эта дача.
А ваша пёстрая страна,
За водяной стеною плача
Едва виднеется она.

* * *

Тот город, где нас разлучают,
Где улицы прошлым горчат,
Где липы ветвями качают,
Качают ветвями, молчат.

Где улицы детские всхлипы,
Где сумерки влипли в стекло,
Где все мы, конечно, смогли бы,
Да нет нас и быть не могло.

Уж сам-то он, кажется, выжат –
Брюзжит, что пора уезжать.
Где мне не смолчать и не выжить,
А только плечами пожать.

В нём есть и деревья, и травы,
Но нету бесправней листвы,
Где камни и площади правы,
А дождь или память – мертвы.

Где все по углам, по укладам,
Где сказано: не было нас,
По темным твоим циферблатам
Читаю я имя и час.

Мы станем собой: именами,
Химерами. Ты наш палач.
Ты властвовать можешь над нами,
Но мы в твоём горле, как плач.

Мы хрип твой и холод постели,
Мы твой нарушаем уют.
К тому же, грачи прилетели,
Пускай они гнёзда и вьют.

Пускай ещё вороны кружат –
Мы живы, сильны и потерь
Не терпим. А хоть обнаружат –
Нас, может быть, трое теперь.

Потом, в феврале, в законном
Семействе кривых на стекле
Проступит преступным законом:
Всё можно на этой земле.

И можно идти коридором
И падать у ручки дверной.
А всё этот город, в котором
Нам выпадет крест козырной!

Но мы – говорю я, – мы те, что
Выходят до света, во тьму.
Нас память ведёт и надежда,
И нам не упасть никому.

...Но ветром по тёмным дорогам,
В полях пригибая цветы,
Растёт недоверье к урокам,
Сквозя неводами беды.

Там гаснут луга, не пылая,
Но в серый туман уходя,
И белая лошадь Аглая
Идёт в середине дождя.

Там гневному дню, небосводу,
Печально перечат пруды,
Дорога уходит под воду
И смотрит змея из воды.

Там, там, с безмятежностью рядом
Неженская жажда утрат
Непарным ночным шелкопрядом
Стучится о стёкла веранд.

Там в зарослях диких левкоев
Неверная птица свистит.
Из нищенских этих покоев
Кладбищенский ветер летит.

Он пахнет сырым и осенним,
А там и подавно вода.
Там все мы под августом синим
Идём неизвестно куда.

* * *

Мне снилось, что я соглашаюсь смириться
С безрадостной жизнью оставшейся этой. –
Скорей умереть, подавившись конфетой
Со странным названием «Озеро Рица»!

Проносится птица с отчаянным криком.
Струится над озером мгла голубая.
Здесь речь о тебе, о прощаньи великом.
Промчатся, два плавных крыла выгибая,

И разве что в чьей-то душе сохраниться
Как озеро, вечер и птица лесная.
А озеро Рица теперь за граница?
– Черт, старая карта. Не знаю, не знаю...

Как скоро,
невидимой ниткой прошитый,
Спускается сумрак на тихие воды!
Кончается век, неудачно прожитый.
В нём было счастливого: виды природы.

Конец теперь бедам, трудам и заботам –
На чёрном, чужом берегу океана.
И снова я буду твоим Ланселотом.
Твоим Ланселотом, моя Вивиана.

* * *

Олива, Олива! В твоих переливах и звонах
Семь снов горделивых,

семь ангелов чёрно-червонных.

Распахнуты ставни, как доски старинного тома.

Сон дан был нам славный,

но больно он давний: мы дома.

Дом с окнами в сад, на цветущую вишню и сливу.

В те годы назад. Там живут, вспоминая Оливу.

А ты молчалива под медленной мезью созвездий.

Все годы, Олива! Уж годы, как нету известий.

Лишь вязнут колёса и в прошлое рушится дверца.

Там пролиты слёзы и пролиты капли от сердца.

Там спят, как убиты, на вечность имевшие виды.

Олива, мы квиты! На бывшее нету обиды.

Так речка течёт к прихотливым извилам залива.

Покончим все счёты.

Прощай же.

Счастливо, Олива!

* * *

Господи, вот я, художник от слова «худо»,

Видишь, они ушли, а я всё живая.

Та же, что прежде, всё дожидаясь чуда,

Всё еще веря, всё еще уповая...

Вспять повернувши, бежавшие без оглядки

В двери скребутся – веришь, мы всё похожей.

Блудного сына эти босые пятки

С грубой, сухой, кровоточащей кожей...

Ангелы пролетают над перелеском.
Слышны щенячьи, щемающие всхлипы горна.
Что ж, предавайся этим последним всплескам,
Этим объятьям, туго сдавившим горло,

Сев, возвратившись к милому пепелищу,
Ноги поджав на старом своём диване,
Я отрешённо папины ружья чищу
В мамином крепдешиновом сарафане.

* * *

Александр Радашкевичу

Век прожив, мы выиграли в игре
И уже не двинемся с рубежа.
Мы стоим, как всадники на Угре.
Но тогда скажи, что ж болит душа?

За рекою бесятя огоньки...
Мы уже не ринемся напролом.
Мы неспешно спешимся, из реки
Зачерпнуть воды в золотой шелом.

К нам грядёт апрельское торжество,
Синих птиц рассветный переполох,
Шумный голос ветра, но и его
Перекроет глас: Да воскреснет Бог!

Да воскреснет Бог, и его дары
Изольются щедро! Их ждёт Земля,
Где летит человечество в тартарары
Под своё беспечное труляля.

РАДАШКЕВИЧ
Александр Павлович –
поэт, эссеист,
переводчик, член Союза
русских писателей с
2005 года

Родился 30 апреля 1950 года в Оренбурге. Вырос в Уфе. В 70-е годы жил и работал в Ленинграде. С 1978 г. жил в США, работал в библиотеке Йельского университета (Нью-Хейвен). В 1984 году переехал в Париж, где работал редактором в еженедельнике «Русская мысль». В 1991-97 гг. был личным секретарём Великого князя Владимира Кирилловича и его семьи. Автор двенадцати книг поэзии, прозы и переводов, вышедших в Санкт-Петербурге, Москве, Нью-Йорке и Белграде. Член Союза писателей XXI века, официальный представитель Международной Федерации русскоязычных писателей во Франции. Участник фестивалей поэзии во многих странах. Стихи переведены на английский, французский, немецкий, сербский, болгарский и арабский языки. Живёт в Париже.

НАД ЗИМНЕЙ СЕНОЙ

мини-цикл

ГДЕ-ТО

Давай возьмём с тобой билеты в безвестный край,
тот, что за камерой хранения забытых в небе чемоданов,
без пересадки и посадок, из снов беспутного круженья,
что населяют втуне утра, давай, давай.

Похерим зимние приметы прилежных дней,
нерастолкованные руны в пустых шкафах,
давай сорвёмся с тем балконом в кромешный рай
за шлейфом недошедших писем из более

чем странных стран,

где заплетаются недели и где зимуют наши дни.

Утрачен след, окно забито, раскрыты карты на камнях.

Давай покаемся ревниво о том, что время
отпускать себя и тех,

кто облачён в неприкасаемые ризы

лучом оледенелых солнц,

не ждать, не ведать, не цепляться за осыпающийся край.

Давай возьмём с тобой билеты в себя,

в тебя и в нас с тобой,

в забвенный дол разминовений,

где встреч размытая черта,

уроним ключ, поднимем веки

над окаянной немотой, с обрыва памяти забытой,

за амальгаму всех зеркал

сорвёмся в чайечее где-то,

давай, давай.

НА ТЕМУ

Конечно,
сны невероятны
и неразборчива беда,
конечно, хочется в обратно,
где всё в сей час и навсегда,
конечно, скатерть в алых пятнах
и в полночь смылись шулера.

Конечно,
сердце виновато,
конечно, память коротка,
как на причалах воскресенья,
среди утопленников яви,
где, растворяя створки рая,
зареем в смежные снега.

Конечно,
тайны запредельны
и упоительно просты
в немой и подлый понедельник,
когда слагаются стихи –
и в срок высокого томленья,
и в час понурой суеты.

Конечно,
смерть, конечно, ветер
и перебиты все следы,
и даже морок этот светел,
где за душой клубится пепел
и, залетая в межнебесье,
где сквозь себя дрейфуешь ты.

У МАМЫ

У мамы без мамы по пояс сугробы
и талые души в прозрачных мехах,
безбурные ветры, ручные бураны,
сокрывшие пухом провалы дорог,
и стены за стенами глубей зеркальных,
где стаи немые в краях узнаванья
срываются в твердь отражённых озёр.
Уфа расступается, вчуже родная,
всевешнее дышит за стёртым углом.
У мамы без мамы до неба сугробы
и детская мгла законных миров.

* * *

Над зимней Сеной ввечеру с бутылкою вдвоём
сидит нестарый бородач и смотрит неотрывно на
неприкаянную зыбь, всё думая старательно о том,
чего и сам не знает, а на асфальтовой заплате
впечатаны следы от торопливых лап дурашливой
дворняги, отбегавшей давно. Над зимней Сеной
в золотом венке оплавленных огней взлетает тяжко
Нотр-Дам в пустые небеса, нахохлились сутулые
дворцы из недописанных романов, и окна их немые
зашторены брезгливой пеленой негаданных веков.

Над зимней Сеной, под сенью кряжистых мостов,
не спят опухшие клошары на каменных скамьях,
окликаая пернатые сны в подслеповатой желтизне
видавших виды фонарей, свербит беспутная звезда
над крышей барж и пальмами плавучих ресторанов.

Над этой бездной плыл и я, себя в себе не чая,
и что-то верило в меня, как в небыль, обречённо,
под голой кроной вдалеке аккордеон картавый
брехал лениво о любви и неге бытия, поскольку
жалобы не к месту над зимней Сеной всё равно.

* * *

Кто нам читает книгу жизни с возвратного начала
до стёртого конца, кто чертит страшные картинки иль
соблазнительные виды, кто шелестит шершавыми
страницами и золотит пупырчатый обрез, кто сушит
в ней усопшие цветы и бережёт блудливые записки,
кто выдумал сафьянный переплёт и лупоглазую
обложку, кто главы впрок перемешал и опускает
голые слова, дописывая выпавшие буквы, кто вырвал
недочитанные главы и вычеркнул живые имена,
кто пересыпал ранним снегом, кто – прахом дорогим,
кто возвращает прошлые закладки, тасуя оглавление
без конца, и выдаёт за громкий эпилог невнятные
сентенции пролога? И кто прообразы подвёл под
образа сквозь анфилады тупиков зеркальных?..
Форзац муаровый, тиснёный корешок, надуманный
экслибрис, сплетающий узлом инициалы. Присев
на ствол обрушенной колонны и глядя нам в закрытые
глаза, кто нам читает книгу жизни от буквицы
безвинного начала до скобок безначального конца?

Париж

Минута –
и стихи свободно потекут...

КРИВЧИКОВ

Константин Юрьевич

– поэт, прозаик,
публицист.

Член Союза российских писателей с 2019 года, входит в Правление Тюменского областного отделения СРП.

Родился на Алтае в г. Рубцовске 29 июля 1958 года. В молодости участвовал в строительстве Байкало-Амурской магистрали и освоении нефтегазовых месторождений Тюменской области. Окончил Международный институт управления, бизнеса и права (Донецк), более двадцати лет проработал в СМИ Ямало-Ненецкого автономного округа, награждён Правительством Российской Федерации знаком «Почётный радист» за вклад в развитие отечественного радиовещания.

Автор поэтических сборников, более десяти романов и повестей, публицистической поэмы «Сон об уходящей природе» (Екатеринбург, 2021). Стипендиат Министерства культуры Российской Федерации 2021 года.

С недавнего времени живёт в северной столице России – Санкт-Петербурге.

* * *

Авангардизм, постмодернизм...
На «изме» «изм», а всё не ново.
Но, прорастая, рвётся ввысь
сквозь «флуд» классическое слово.
Додекафония бубнит,
и диссонанс дурачит ухо.
Но тянет Ариадны нить
струна классического звука
туда, где Бунина строка
и Баха строгая токката
струют усладу родника,
что ты испробовал когда-то.

РЕПОРТЁРУ

Клокочет ненависть в эфире...
Но разве виноват эфир
в том, что в неладном этом мире
никак не сладят люди мир?
А нет бы – в волнах Мендельсона
мечтать и грезить о любви...
Но снова диктор распалённый
качает рейтинг на крови,
на смерти, взрывах, перестрелках...
Никак тебе неймётся, век!
В каких же первобытных дебрях
ты заблудился, человек?
Между убийством и зачатьем,
между Варравой и Христом...
И кто там прячется в молчаньи
за *Моисеевым кустом?*..

С запоя, словно у покойника,
глаза измученной страны.
Ненастоящие полковники
не признают своей вины.
Рябит экран от алых пятен –
здесь не поможет полотёр! –
планета глохнет от проклятий,
токует в кадре репортёр.
Вновь крупный план
на мёртвом теле,
в эфире смерть и беспредел...

Но ты ведь – просто был при деле?
Ведь ты – не этого хотел?
Ты рвался, время догоняя,
все делал честно, от души.
Спешил – профессия такая...

И всё же, всё же – не спеши!
Не торопись, не лезь из кожи,
отставь кассеты и штатив.
Экран широк. Но всё же, всё же –
бывает узок объектив.

И пусть кокетничает *новость*,
и *факт с поджаркой* – нарасхват.
Но о любви Джульетты повесть
не умещается в *формат*.
Политики посменно воют,
как волки в Муромских лесах.
Но все партфорумы не стоят
смешинки в девичьих глазах.

Пусть с жиру бесится столица,
в Садовом дёргаясь кольце.
Сама собой живёт ПРОВИНЦИЯ
с улыбкой детской на лице,
перебиваясь до зарплаты,
считая пенсионный стаж...

В её заботах и утратах
ИХ телерейтинги – мираж.

Чинушам ни на грош не веря,
дурь депутатскую кляня,
ОНА врачует, строит, сеет –
в трудах с рассвета до темна.
Не уповая на *гарантов*,
без передыху хлопоча,
ОНА – на зависть всем атлантам! –
державу держит на плечах.

ОНА – надежда и опора,
колёса, топливо, мотор...

Упомяни её хоть словом! –
заблудший в непотребных шоу,
погрязший в хайпе, репортёр.
Покуда не совсем пропащий,
узри – исконный, настоящий
мир, где друзья и отчий дом,
где пахнет дымом, хлебом, счастьем...

О! К чёрту этот зомбоящик!
Жизнь – за распахнутым окном...

ВРЕМЯ ПАГАНИНИ

Весенний ветер за дверьми...

В кого б влюбиться, чёрт возьми!

С. Чёрный

Апрель!

Капель, колготки, мини...

Либи~~до~~ плещется из глаз.

На сердце время Паганини –

мечты... волнения... экстаз!

Природа ёрзает со стоном,

и суслик щерится в норе.

Душа трепещет от озона

назло озоновой дыре.

А кровь, как кратер Кракатау,

клокочет, упаси господь,

так, что шальные фру и фрау

фривольно оголяют плоть.

От Кабо-Верде и до Кубы

чуть зазеваешься – пропал!

Креолок сладострастных губы

испепеляют, как напалм.

Весна!

И дочери Востока

наводят чары чередой.

В очах такая чернь порока,

что не упрячешь за чадрой.

И даже эскимосы в тундре,

презрев снега и холода,

«забив моржа» на «Камасутру»,

носами трутся без стыда.

Мимозы... Грёзы... Вожделенье!
Кошачий вопль пронзает слух.
Пьянят до головокруженья
желанья зов, томленья дух.
Лови капель! Чуди ночами.
И феромонами дыши.
Пока, звенящими ручьями,
зимы заботы и печали,
как снег, смываются с души.

* * *

Тоска за сердце тронет... В тумане давних лет
на стареньком перроне качнулся силуэт.
Неведомы ненастья. Дерзай! Люби! Спеши!
Девчонка в синем платье, смятение души.
Распахнутые губы, в глазах – немой вопрос.
Вот-вот и рыкнет грубо сердитый тепловоз.
И дёрнутся вагоны. И кончится перрон.
Скажи ВСЕГО ТРИ СЛОВА! Но в горле – только ком.
Такой вот недотёпа, краснеет и молчит...
В палате топят плохо, из форточки сквозит.
Стекает жизнь по капле, как в вену физраствор...
Ты промолчал, приятель. И стыдно до сих пор.
Судьба счастливый случай даёт лишь раз. Звезда
в глазах, ответа ждущих, не вспыхнет никогда.
Как киноплёнка рвётся воспоминаний нить.
Тот поезд не вернётся. Маршрут не повторить.
Ты получил бесплатно билет в один конец.
Проехался – и ладно. Не жалуйся, глупец.
В больничном коридоре всю ночь не гаснет свет...
На стареньком перроне растаял силуэт...

ПРОЩАНИЕ СО СВЕРДЛОВСКОМ

Прощаться – не спеши. Смирняя сердца стук,
по улицам пройди звенящим и морозным.
Как мантру прошепчи: «Мой Екатеринбург».
И душу отвори. И посмотри на звёзды.

Где дружбу, кров и хлеб делили пополам –
пусть БУШа* силуэт в ночи сверкнёт огнями.
Там, сквер не осквернив, мы сладим *по* сто грамм,
под сенью старых крон склонившись над корнями.

Из отчего гнезда нас *манит* зов дорог,
в Отечестве чужом вотще пророков ищем.
Но этот город – горд! На рубеже эпох
не зря его узрел рачительный Татищев.

Демидов, Ползунов... Гремели имена...
И *медная гора* вошла в фольклор недаром.
И *тройка-Русь* неслась, срывая удила,
и наливалась мощь российская Уралом.

Без отдыха и сна военной порой
ковал Урал броню. Копили танки ярость –
вступая с марша в бой, с отвагою слепой
лупили «тиграм» в лоб! И грязи – не боялись.

Пускай вершины гор стирает вихрь времён –
Уральского хребта незыблема основа.
Звенит уральский дух, как песней, окрылён
ямщицкою тоской и сказами Бажова.

---

* БУШ – так в советские времена в народе прозвали гостиницу «Большой Урал».

Да, этот город горд! Он вынес свой удел,
тернистый путь полит слезами, кровью, потом.
Дорогу в никуда (Шаг в сторону – расстрел!)
торили по костям российские *пол поты*.

Саркомой рос ГУЛАГ, казалось – навсегда.
Но даже сквозь бетон аккорды прорастали.
Мы пели, как псалом: «Гуд бай, Аме-ри-ка...»
И пили. Но страну на джинсы не меняли.

Не имеют ни суда, ни сраму палачи,
а эхо страшных снов расплывчатей и глуше.
И упокоен прах. Но мечутся в ночи
В *ипатьевских домах* растерзанные души.

Кромсают память нам осколки давних драм,
века, как вены, рвут... Но ляжет снег к Покрову.
На вере и крови зело замешан храм,
и веки не поднять горбатуму Свердлову.

* * *

В джунглях мегаполиса
в поисках тропы, –
где не слышно голоса в рокоте толпы, –
мечется взъерошенный,
хмурый человек...
Как тебя забросило
в двадцать первый век?

ЯЗОВСКИХ

Маргарита Алексеевна
(литературный псевдоним
- **Маргарита ЛЕБЕДЕВА**) –
поэт, издатель.

Член Союза российских
писателей с 2017 года,
входит в Правление
Тюменского областного
отделения СРП.

Родилась в городе Тюмень 14 декабря 1989 года, с отличием окончила Тюменский государственный университет (филологический факультет, отделение журналистики).

Предприниматель, основатель издательского дома «Янтарь», входит в Топ-100 выдающихся молодых предпринимателей Тюмени.

Автор пяти поэтических сборников, первый из которых «Метаморфоза» был издан и презентован на празднике в честь шестнадцатилетия.

Стипендиат Министерства культуры Российской Федерации 2015 года.

МИНИ-ЦИКЛ СТИХОВ «ДВОЕ И ОСЕНЬ»

С БАЗИЛИКОМ

Потому что дышать невозможно
вдали от моря.

Да, оно своенравное, похожее на твою улыбку.
Оно совершенно бездонное,
словно вселенское горло,
которое пьёт,
заедая нас булочкой с базиликом.

Потому что бродить невозможно
вдали от шёпота.

Вода притаится, а после на спину набросится.
Ты пытаешься удержать её,
ускользающую, крохотную,
а она не беспокоится и прощается с лёгкостью.

Потому что искать невозможно
вдали от цельного.

Мы друг друга обточим,
два камня с божьими рёбрами.
Говорят, что магнитами связаны чёрное-белое,
говорят, что всё море воссоздано из спокойствия.

Потому что дышать невозможно
вдали от моря.

Приехать к нему – на колени в песок горячий.
Увезти друг друга в жемчужное чёрное горло
белой вселенной,
что выпьет двоих и спрячет.

МОРСКОЕ

Спускались на песок, любили рыбный плеск
алмазных плавников, трепещущих от света.
На глубину зрачка захвачен, спрятан весь
оставивший свой дом старик из Назарета.

Смеялись о любви, крошили чёрный хлеб
для чёрных добрых птиц с крылами шире окон.
Старик смотреть спешил, прищурившись нам вслед,
но через полчаса забыл, где дом и кто он.

На тверди белых стен, на перекатах гор
объятием распни, разбей подобно грому.
Твой поцелуй мой стан уже в песок растёр –
старик давно хотел себе песчаный домик.

Раскинуться в воде, извиться под водой,
растаять на жаре, вплетаясь в твоё сердце.
На глубине зрачка в песчаный домик мой
вошли отец и сын, и дух взошёл на крестик.

ДО ЭТОЙ ОСЕНИ

верлибр

Я не чувствую смысла писать о тебе километрами
моих нервно измученных строчек.

Вот так просто.

Взяла, засушила гербарий любви в конвертике
и стою под дождём гордая, ветреная,
и губы покрасила красно и сочно.

Как никогда до этой осени.

Я не чувствую смысла хранить то, что было
не прожито.

Мне в глаза чьё-то счастье светит.

Вот так просто.

Юная женщина, тонкорукая и белокожая,
отмеряет по набережной фарфоровыми ножками
новые сердцу сети.

И ты снова будешь не в них.

Где-то осень напьётся настойками и зацелуется,
сбросив сонное лето нагло.

Вот так просто.

Явно чёрт влюбленный беснуется
и тащит меня за волосы по темнеющим улицам
к тебе, не ждущему и усталому.

Может, не чёрт, а сама?

Я не чувствую смысла писать о тебе километрами,
выламывать пальцы о строчки.

Вот так просто.

Ты взял засушил гербарий любви в конвертике
и стоишь под дождём в свершённом уверенный,
но понимаешь, что любишь меня,
и мчишься ко мне,
словно коней подгоняешь,
упорно и срочно.

Как никогда до этой осени.

**ЖУРАВСКИЙ
Александр Ефимович**
(литературный
псевдоним – Саша ЖУР)
– поэт-песенник.
Член Союза российских
писателей с 2018 года,
входит в Правление
Тюменского областного
отделения СРП.

Родился 2 декабря 1954 года в г. Краматорске Донецкой области. Более тридцати лет проработал в учреждениях и коллективах культуры Тюменской области.

Член Союза писателей Северной Америки (СПСА), Международного союза авторов-исполнителей (IUAP), академик Международной академии развития литературы и искусства (МАРЛИ), лауреат международных конкурсов: Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (Москва, 2019), «Старая пластинка» им. Леонида Утёсова, (Монреаль-Нью-Йорк-Одесса, 2020).

Автор визитной карточки г. Нижневартовска песни «Самотлорский вальс» и других (свыше ста) песен, нескольких поэтических сборников. Стипендиат Министерства культуры Российской Федерации 2020 года. С 2020 года живёт в городе Анапа Краснодарского края.

РАДИ ЭТОГО

Ради этого стоило жить.
Только каждому надобно помнить,
Чтоб город, как песню, сложить,
Надо сердце любовью наполнить.
Ради этого стоило петь.
И срываться, и плакать ночами.
Возвращаться и вновь улететь.
И метаться в разлуке с друзьями.
Ради этого стоило быть,
И в надежную дружбу поверить,
И, сгорая в сомненьях, любить,
Открывая в грядущее двери.
И не думать, что всё позади.
За падением следуют взлёты.
Надо всё позабыть и простить.
Надо жить ощущением полёта.
И тогда всё изменится вдруг.
Ради вас запыхают рассветы.
И внезапно откликнется друг,
А на поезд найдутся билеты.
Ради вас соберутся друзья.
Выйдут новости с именем вашим.
И к груди припадут сыновья,
А завистники лопнут от фальши.
И расплещется море цветов.
И ни облачка на небосводе.
И всё сбудется, ясно без слов,
Если ради любви вы живёте.

Екатерина ВОЛОДИНА
(литературный псевдоним)
– поэтесса.

Член Союза российских писателей с 2010 года и международного Пен-клуба с 2021 года.

Сопредседатель литературного Совета Ассамблеи народов Евразии, региональный редактор Первого Всероссийского литературного журнала «ЛиФФт» по Тюменской области. Лауреат международных и всероссийских конкурсов, Национальной премии «На Благо Мира» за доброту и гуманизм в искусстве (Москва, 2020).

Печаталась во многих периодических изданиях России, Белоруссии, Азербайджана, Украины, Таджикистана, Молдовы, Австралии, Австрии, Германии, Канады, Сербии, Непала, Египта, Словении, США, Албании, Бельгии. Автор девяти поэтических книг, из них два сборника стихов для детей. Стипендиат Министерства культуры Российской Федерации 2015 года. Стихи переведены на 15 языков мира. Родилась, живёт и работает в Тюменской области.

ВЕЧНОСТЬ

Вечность неизмерима...
И камень станет песком...
Всё это когда-то было
Между явью и сном.

Будут чёрные грозы,
И налетят холода,
Высохнут реки, слёзы,
Идолы не навсегда.

Гаснут народы, наречья,
Новые жизни будут...
Время лишь тонкой нитью,
На междустолбии судеб.

* * *

Снова дождь,
и в плену недосказанных слов,
С каждой каплей,
Обильней приток многоточий.
Всё бессонней мой кофе
Не увиденных снов,
С каждой чашкою кофе и ночи короче.
Размышляем о многом,
Совсем не мечтаем.
Будни, встретив едва,
мы уже провожаем.
Но под утро упрямей стучатся дожди.
Недосказанных слов:
Жди его... жди... жди... жди...

* * *

Тайну русского холода не разгадает никто,
В городе синих морозов, забытых имён,
Там ни спасает, ни кофе, ни чай, ни пальто,
Вечная стужа замёрзших далёких времён.

Холод черёмух, крещенский могучий мороз,
Февральские вьюги, ознобы, зазимки, сугробы,
Долгие зимние сны рябин и берёз,
Реки, озёра, схватило – в морозны скобы.

Ветру, морозам, чертям и всему вопреки!
В ночь прорастает сила души первоцветов,
Снова морозный узор, чистой, юной строки –
Холод рождает солнечных русских поэтов.

* * *

Солнечно, сладостно у весны в объятьях,
Сердце и чувства опять тяготеют к выси,
Прошлые годы, эх!..
Повернуть бы вспять их,
Вечность и время снова приводят к мысли –
Всё подчиняется в жизни тебе, светило,
Мудрые притчи и
летопись страстных романов,
Всё под твоими лучами, когда-то было,
Было... и будет! Под сенью цветущих каштанов.
Скоропись времени,
снова двоятся прогнозы,
Что будет потом... со мной, с тобою?
Нам неизвестно, но неизбежно точно –
Чувство предчувствия, предвосхищенья весною!

* * *

В буднях крутится время стрелкой часов,
Исход гораздо ближе, чем ночью снится,
Впору пойти на всё, и чтоб шаг весом,
Успеть долюбить, дописать, домолиться...
Прожить, оставить в мире собственный след,
Чтоб до шрамов в душе и на белой коже,
Чтобы с молитвою мать окрестила в след,
Чтобы счастливым был тот, кто всех дороже.
Высокое стремя, и конь ещё не упал,
Суд Божьего СЛОВА – каждый за всё ответит,
Всем уходящим в небо в синюю даль,
Легкой дороги между былым и этим.
Прямо по курсу, правда, добро и честь,
Общее дело под вечным лазурным небом,
Каждый, кто верен, получит добрую весть,
Будет одарен должным, насущным хлебом.
Жизнь как экзамен, у каждого – свой билет,
Семя добра вразуми пока ещё молод,
Ночь укрывает третью тысячу лет,
Богохранимый, вечно не спящий город.

* * *

Гореть свечой, как жребий тот опасен!
Куда ровнее лампы бледный свет.
В нём есть покой, но он, увы, напрасен.
Есть истина в огне: была, и нет.
Всё ж большинство, включает свои лампы.
Но знаю, где-то среди всех – поэт.
Живёт, не признавая в мире фальши,
Горит свечой и оставляет свет.

КИРИЛЛОВ

Игорь Викторович

(литературный псевдоним –
Игорь СЕВЕРСКИЙ) – поэт.

Член Союза российских
писателей с 2005 года.

Родился 1 декабря 1954 года в городе Красный Луч Ворошиловградской области. Служил в Советской армии, в 1987 году окончил факультет журналистики Уральского государственного университета, в течение двух десятков лет работал в региональных газетах Ханты-Мансийского автономного округа «Нефть Приобья», «Ленинское знамя» и «Местное время». В 1997 году в издательстве «Приобье» (Нижневартовск) вышел первый авторский сборник «Письмена», за ним последовали книги «Фрески» и «Инь-Ян». Стихи поэта регулярно публикуются на страницах коллективных сборников, литературно-художественных альманахов и журналов, издающихся в Югре, Тюменской области и Башкирии. Заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа Югра. С 1976 года живёт, в основном, в ХМАО, деля своё жизненное пространство между Югрой и Башкирией.

В ОТПУСКЕ

Я отпуск свой нежно люблю
У тихой речушки Непрядвы.
Здесь дети

и женщина – рядом.

И прялка бормочет в углу.

С утра – бутерброды и чай.
Щи, тефтели, каша к обеду.
А к вечеру – книги, беседы.
Живи, да не очень скучай.

Заводит рулады сверчок.
Вот кошка вчера окотилась...
Ну, чем же,

скажите на милость,

Ни вечный, уютный шесток?

Но минет так день или два,
И ляжет на сердце тревога,
И дальняя станет дорога
Милее родного угла.

Скорее, в застывший балок
К тушёнке и грязным матрацам,
Туда, где полярная трасса
Замеряет твой потолок.

Туда, где на стыках трубы
Швы полнятся стынущей синью,
А ты прикипаешь к России,
Иной не приемля судьбы.

Всё будет – наград круговерть,
Где к месту, а где и не к месту.
И славою будут греметь
Литавры парадных оркестров.

Но путь свой, итожа крутой,
Как высшую примешь награду,
Тот домик над тихой рекой,
Где дети
и женщина рядом.

Где буйствует вечный сверчок
И кошка вчера окотилась.
А счастье там в щель закатилось,
Как стёртый седой пяточок.

НА РЫБАЛКЕ

Только водная гладь,
Да перо поплавка чуть дрожит.
Как всегда, на рассвете
Ждёшь только отличного клёва.
Выбираясь сюда, понимаешь:
Как здорово жить!
И о чём говорят эти мощные
Старые клёны.

Снова учишься слушать
И слышать, как шепчется
С лесом трава,
Как о прошлом вороны кричат
Да трещат заводные сороки...

И стремишься узнать –
Чем же дышит родная страна,
А ещё угадать всё про новые
Веги и сроки.

В небе, как облака
Чередую идут миражи,
Рассыпаясь на части
И вновь в табуны собираясь...
Небольшой ручеёк, чуть поодаль
Беспечно бежит.
Прикрывая лицо,
Да святой простотой притворяясь.

Но в означенный срок
Разорвёт берега ручеёк,
Да бурлящей волной
Провырнётся по дремлющей пойме.
Будет горек урок
И печален итог –
Но, однако, должны
Принимать мы всё это спокойно.

Что поделаешь если
Таков наш характер и нрав:
То тихонько журчать,
А потом бунтовать и яриться...
Только годы спустя, мы узнаем,
Что каждый по-своему прав.
Как бы нам научиться прощать,
Научится мириться.

Ох, и славный денёк!
И полынь молодая горчит,
Земляника лесная нас балует
Сладким дурманом,
Достаёт солнцепёк,
Под собой уж не чувствую ног.
Обещает быть вечер
Негромким и ласково пряным.

Ну а что же рыбалка?
Похоже, она удалась –
На кукане – плотва,
Здесь же благостно-тихий подлещик.
Ах, как радует глаз
Этот жирный отъевшийся язь,
Что своим серебром
С напускной горделивостью
Блещет.

Да, задался денёк
Он один из немногих такой –
Словно свет золотой,
Что исходит от родины малой.
Он подарит покой,
Ну а если схлестнёшься с бедой –
Путь тебе он укажет
К родным берегам и причалам.

Елена ГОСТЕВА

(литературный псевдоним)

– поэт, прозаик, публицист.

Член Союза российских писателей с 2012 года.

Родилась 15 января 1961 года в Вологодской области. Журналист, работала в средствах массовой информации Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Впервые её стихи были опубликованы в 1996 году, в литературном приложении «Проталина» к газете «Тюменские известия». Участник Второго Всесибирского семинара молодых литераторов «Сибирские Афины» в Томске. Лауреат литературной премии губернатора ХМАО – ЮГРА за лучшую дебютную поэтическую книгу 2006 года и книгу прозы 2018 года. Награждена за исторический роман «Стрекозка Горгона» медалью Ивана Вазова Международного союза писателей имени Святых Кирилла и Мефодия (Болгария), медалью «Югра многолика». С 1981 года живёт в г. Мегион (ХМАО – Югра).

* * *

«Мне нужно на кого-нибудь молиться».

Булат Окуджава

«Мне нужно на кого-нибудь молиться».

Моя ущербность в этом или нет?

Я в лицах разглядеть пытаюсь лица –

Простые, человечьи.

Горний свет

Непостижим и кажется холодным,

А хочется доступности, тепла...

Да есть ли дело до меня сегодня

Святой,

что тыщу лет назад жила?

Она далёко, мне б найти поближе

Родную душу. А мои грехи

На чётки небожитель пусть нанижет,

К ним заодно причисля и стихи.

Мне нужен человек

на роль святого,

Чтоб суп ему варить и печь блины,

Такой, с кем о любви мирское слово

и жест фривольный не были б грешны.

Ханжами этот образ обещен,

Для них безгрешной слыть –

так жить одной.

Но мир наш создан для мужчин и женщин,

И для детей, что от любви земной.

* * *

А давай-ка пройдем пешком
Накануне уборочной
С лёгким дедовым вещмешком
По дороге просёлочной.
И проверить бы, и боюсь,
А жива ли крестьянская
И работная прежде Русь
Или вымерла, пьянствуя.
В стороне от больших дорог
Сплошь следы запустения,
Редко старенький тракторок
Бродит в прежних владениях.

Лопухи озверело прут,
Где стояли часовенки,
А на спусках к реке гниют
Отслужившие сходенки.
Где паломники раньше шли,
Где скитались колодники,
Мы взыскуем святой земли –
Чьи незнамо угодники.

Ну а если придём туда,
Где поля обихожены,
На отавах пасут стада –
Травы вовремя скошены,
Где пропахли насквозь смолой
Разулыбые плотники,
Там попросимся на постой
Да наймёмся в работники.

* * *

Ты сегодня в ударе, твой дерзкий смех
Растревожит и мертвого. Как любил
Не святую, но светлую!

Знаю – грех,
То, что я так мало с тобою был.

Вот с отчаяньем, словно стремишься в ад,
Соблазняешь, танцуешь...

Не обманись!
Ты поверь мне, что лучшая из наград
В ослепляющей вечности – это жизнь!

И когда разудалый пройдёт кураж,
Не корись и волчицей в ночи не вой.
Я не волен, горчайшая из пропаж,
А для Бога рыдания – не впервой...

Нежным лучиком, ласково по щеке
я поглажу. Ревную... Но боль сильней.
Потеряв эту землю в шальном пике,
не сорвись в пучину из чёрных дней.

Из безумно далёкого далека
Заклинаю, родная: люби, живи!
Отделили не версты и не века
от последней, от сладкой моей любви...

Я и сам иногда начинал кутить –
Знаю, тусклые будни страшней огня.
Я и сам среди вас мог бы жить да жить,
Но не вышло...

Прости, вспоминай меня.

* * *

Утопить свою тоску не получится,
Не настолько я, мой милый, мудра.
Память, словно приживалка-попутчица,
Разбирает старый скарб до утра.

Хлам и тлен, а для неё – в злате-серебре,
да в камнях дорогих фолиант.
Горя горького в минувшем немеряно,
Душу выгранит оно, как брильянт.

Из прошедшего страницы пергамента
Тлеют сразу за горящим пером.
Прочитать их можно только по памяти
В час, когда луна дрожит за окном.

Пред глазами все страницы истлевшие
Проплывают, шелестят имена.
А сквозь них глядят с земли улетевшие,
Да туманные судеб письма.

Не узнать никак – с теплом, с укоризной ли
Смотришь ты, как я одна здесь живу.
Не убавить боль-тоску пышной тризною
И ответ не получить наяву...

ЛЫТКИНА

Любовь Геннадьевна
(литературный псевдоним
– **Любовь МИЛЯЕВА**) –
поэт, прозаик, драматург,
публицист, переводчик.
Член Союза российских
писателей с 2017 года.

Родилась 7 марта 1971 года в пос. Верхние Серги Свердловской области. Лауреат ряда премий в области литературы и искусства, в частности, Всероссийской премии имени Н.А. Некрасова, кавалер ордена М.А. Мамакаева, стипендиат Министерства культуры Российской Федерации 2018 года.

Автор более двадцати книг, изданных в России и за рубежом, в том числе: пьесы в стихах «Сорни Най», серии биографических очерков «Из поколения детей войны», составитель двухтомника «Антология литературы финно-угорских народов» (2004, 2006).

Работы Л. Миляевой переведены на сорок языков народов мира, она автор идеи и редактор-составитель многоязычной антологии «Югра многолика» (2014).

Живёт в Ханты-Мансийске.

* * *

Дощечки выцветших икон глядят, как судьи,
Сквозь трещины травой растут руками судьбы,
Луч проскользнёт по ним едва сквозь щели окон
И память оживёт, как дух, свиваясь в кокон
Веков ушедших, а на них проступит острый,
Мерцаньем пыли от рожденья до погоста,
Старинный, росчерком пера неровный почерк,
Имён, событий, забытья из блёклых строчек,
Где очертанием времён в полоске света
Не башни падали – века в глухую Лету.
Дощечки выцветших икон, что перепутье,
Сквозь времена прошита нить через безлюдье,
Едва дыхание живёт, ложатся блики,
Но как угасшая душа – они безлики.

ТЕЛОГРЕЕЧКА

Всё ещё, помаленечку
Время вперёд идёт...
Старая телогреечка
Помнит советский лёд,
Помнит катки и праздники,
Алых знамён парад,
Шли отцы-восьмиклассники,
Как боевой снаряд.
Ватная телогреечка
Помнит: держись, браток,
Всё ещё, помаленечку
Жизни шумит волчок...

ВДАЛИ ОТ ШУМНЫХ УЛИЦ...

Вдали от шумных улиц, базарной суеты,
Где больше воздуха и больше широты,
Сосновый бор, с утра политый солнцем.
И свежий хвойный запах за оконцем
Наполнит, очищая взгляд и душу,
Согреет изнутри, как печка в стужу.
Уютно. Не спешится, не кричится...
Здесь слышно ангела, что в сердце постучится

Как в детстве солнечно, певуче и легко –
Лежишь, раскинув руки широко
И смотришь-смотришь в небо неустанно
Осеннее, глубокое... но странно –
Ни облачка – свежа и сочна синь,
Как будто вписана в таёжную теплынь,
Художника умелою рукой,
То ль краской масляной, то ль синею мукой.

И чувствуешь спиной дыхание земли,
Где по тропе ночной стада оленьи шли.
Ажурный белый мох чарующе упруг.
Быть может, в этих мхах смыкает жизни круг
Огромный материк сокрытых родников,
Подземных рек и тайн подземных городов?
Таинственно прольёт вечерняя заря
Багряно-жёлтый свет на чашу алтаря –

В лесную тишину – на сосны и травы
Темнеющую пядь под бликами луны,
Что выйдет не спеша, молчания полна,
Желтеющим пятном прохладная, она

В озёрах отразит свой древний бледный лик,
Сплетавший у корней роды и базилик,
Сводивший от любви измученных в ночи,
Пророчащих судьбу, шептавших: «помолчим...»

А сколько будет тех, кто разведёт огонь?
До локона волос дотронувшись, ладонь
Воздрогнет и туга окажется струна,
Романсом зазвучит, пронзительно грустна.
И сбросив рюкзаки, гитары расчехлив,
Под звёздным колпаком житейское забыв,
Средь пляшущих теней найдя ночной приют,
Здесь барды о своём, сердечном, запоют.

И пламя увлечёт, как сила волшебства.
И голосом тайги заговорят слова,
В них древнее родство и звуков чистота,
На первый взгляд просты – святая простота,
Но искрами во тьму взметнувшись над костром
О главном сообщат таёжным языком.
И заново начнёт крутиться чья-то жизнь.
И от «ноля» отсчёт... «Наладилось, кажись...» –

Вдруг, выдохнет старик, и хитро подмигнув,
К супружницы плечу тихонечко прильнув,
Низложит у колен любимой ягод горсть.
А соли-то пудов!.. А пройдено-то вёрст!..
Покажется родной болотная тропа,
А годы за спиной – крупа-крупа-крупа...
Сосновых кроны древ торжественно туги,
И слышатся окрест стихов шаги-шаги...

* * *

Весна!

И жизнь кипит как улей.
Её весёлые ходули
Идут-спешат во все концы:
Во все дворы, во все станицы,
По всем дорогам в города
Летят, поют весны гонцы –
Предвестники ромашек белых,
И трёкотных букашек смелых,
В садах смородин сочных спелых,
Цыплят снующих, неумелых...

Гульба!

В полях и огородах
Под соловьиный пересвист
Весенний день, как визажист
Рисует сотни бликов ярких
На подоконниках и арках
Заброшенных домов и в парках –
Везде его гуляет кисть.
Берёзы тонкой клейкий лист
Прилип к ладони неуклюже,
По вешним ручейкам и лужам
Бурлит весенний майский хмель.
Из детства словно прилетевший,
С медвяных вылезший пелёнок,
Как будто нехотя, спросонок,
Вдруг, прожужжал, на руку севший,
Парной ленивый первый шмель.

ТКАЧЕНКО

Людмила Николаевна
(литературный псевдоним
– Мила РОМАНОВА) –

поэт, прозаик.

Член Союза российских
писателей с 2020 года.

Родилась и выросла в городе Киеве. Пишет стихи и прозу. Автор шести книг прозы и трёх поэтических сборников. Лауреат региональных, всероссийских и международных литературных конкурсов: «Ода Тюмени», «Книга года-2016» за книгу «Там, где живут облака» (Тюмень), «Международный день поэзии», «Янтарный самородок» (Монреаль, 2021) и других. Член Союза писателей Северной Америки (СПСА). На стихи Милы Романовой написано около пятидесяти песен.

Практикующий психолог. Имеет три высших образования. Странник здорового образа жизни. Считает, что творчество – это истинная природа человека и музыка его души. Живет в Тюмени.

ЛУННАЯ НОЧЬ

По привычке ложусь на свою половину,
Нет тебя. Только сумрак ночной.
Спать не буду совсем,
Просто шторы раздвину,
И заполню пространство луной.

Жизнь листает страницы
Неписанных судеб,
Расставляя там точки, тире –
Расставания, встречи, все было и будет,
Может быть,
Но не в нашей игре.

В жёлтом свете луны
вспоминается лето,
Счастье бьётся ключом через край.
Только память упрямо не любит рассвета,
Ей лишь сумрак тоски подавай.

Нужно просто любить
и легко расставаться,
Нужно жить.
Только вместе с луной
Нам так хочется в прошлом немного остаться
И к тебе прикоснуться щекой.

Как жестоки мы часто
бываем к невинным,
Оставляя лишь пепел седой...
По привычке ложусь на свою половину,
Нет тебя. Только сумрак ночной.

ПРИВКУС ШОКОЛАДА

Всё в жизни завершается когда-то –
Любовь и дружба, радость и печаль.
А время... ведь оно не виновато,
Что часто нам даётся, как расплата,
И слишком горький привкус шоколада
Разнообразит пресную мораль.

Как мыши в лабиринте вечных правил,
Блуждают тени душ, грызут закат,
Их хищный взгляд сегодня не лукавил,
Мне даже блик надежды не оставил,
И не позволил повернуть назад.

Нет ничего, что будет длиться вечно,
Лишь только изменение само.
Пусть глубина у неба бесконечна,
Но холодна, сурова, бессердечна,
Как стон. А может, памяти клеймо.

Наматываю годы, словно нить,
Веретеном судьбы и не страдаю
Извечной темой: быть или не быть.
Так важно что-то вовремя забыть,
Когда идёшь по самому по краю.

А лето исчезает, как туман,
В лучах осенней грусти. Жду заката.
Мечта распята, но звучит кантата
И слишком сладкий привкус шоколада
Разнообразит мировой обман.

ОСЕНЬ

Осень приходит, как тень,
Что навели на плетень,
И на висках у рябин
Чёрточки ранних седин.

Осень приходит, как сон.
Золотом старых икон
Память воскреснет,
и нам
Всем воздадут по делам.

Осень приходит, как рок,
Осень подводит итог
Воспоминаний и дум.
Шум...
неутихающий шум

Листьев на плахе надежд...
Ворохом старых одежд
Тучи, что спрятали свет.
Осень,
как дым сигарет

С запахом лёгкой тоски.
А у рябины виски,
Словно у мамы,
точь-в-точь.
Осень приходит, как ночь.

ГОЛОЗУБОВ

Александр Фёдорович

– поэт.

Член Союза российских писателей с 2021 года.

Родился 11 июля 1959 года в селе Зорино Курской области. После службы в рядах Советской Армии был направлен по комсомольско-молодёжной путёвке на тюменский север в город Нижневартовск. В 2001 году закончил учёбу в Тюменском нефтегазовом университете по специальности «Инженер автомобильного хозяйства».

Стихи начал писать на севере, печатался в региональных изданиях, в Новомосковском альманахе и литературно-художественном альманахе «Гиперборей», в сборниках «Эринтур», «Георгиевская лента», «Поэт года» и др.

Член Нижневартовского городского литературного объединения «Замысел» и Союза писателей Северной Америки (Канада, 2020).

Проживает в городе Нижневартовск (ХМАО – Югра).

ХМУРАЯ ОСЕНЬ

Хмурая осень стучится в окошко
Веткою клёна с холодным дождём.
В доме уютно и пахнет картошкой,
В печке дрова разгорелись огнём.

Мама сидит за столом на скамейке,
Вяжет носки для любимых детей,
Кот на отцовской уснул телогрейке
Возле комода, забыв про мышей.

Ветер фонарь возле дома качает,
Влево и вправо на ржавом столбе,
Вечером улицу нам освещает,
Свет отражается в мутной воде.

Осень туманная, осень сырая,
Снова кружит листопадов пурга.
Скоро зима к нам придёт снеговая,
Скатертью белой укроет луга.

КАК ХОЧУ Я ОПЯТЬ ОКАЗАТЬСЯ

Как хочу я опять оказаться
Ранним утром в цветущем саду.
По траве босиком прогуляться
Мять ногами в росе лебеду.

Видеть, как восходящее солнце
На церквах золотит купола,
Видеть снова, как мама к колодцу
За водой спозаранку пошла.

А навстречу старушки-селянки
На луга гонят весело скот,
И стрижей чёрно-белые стайки
Между ними снуют без забот.

Слушать гомон скворцов на осине,
Что стоит над зелёной межой,
И малиновку в белой калине,
Где поёт она тёплой зарёй.

Там когда-то счастливым ребёнком
Рос в деревне средь гор и полей,
И с игривой смешной собачонкой
На прогулку ходил за ручей.

СОН ПРО ОТЦА

Снится мне ночью,
                                            что в красном углу
Кто-то стоит перед ним на полу.

Истово крестит он плечи и лоб,
Просит: «Молитву прими мою, Бог».

Шёпотом хриплым слова говорит,
Сам на иконы с любовью глядит.

Голову низко склоняет на грудь:
«Боже,
                                            Всевышний, детей не забудь!»

Сразу узнал я того старика –
Это отцова крестилась рука.

Тайно явился с небес в Отчий кров,
Чтоб повидать повзрослевших сынов.

С радостью бросился в ноги отца,
Но вдруг проснулся, – на мне нет лица.

Вижу, что сам на коленях стою
И на божницу святую смотрю.

ЯСНЫМ УТРОМ НАД РОССИЕЙ

Ясным утром над Россией
Гуси-лебеди летят.
Таёт осень дымкой синей,
Рощи золотом горят.

Их ведёт вожак бывалый
На зимовье в южный край,
Машут крыльями устало,
Овсяной покинув рай.

Снизу русские раздолья:
Пашни, сёла без конца,
Степи, реки, плоскогорье,
Да бескрайние леса.

Гуси, гуси, доберитесь
До лазурных берегов,
Но весной назад вернитесь
После стаявших снегов.

МЕРКУШИНА

Елизавета Валентиновна –
поэт, прозаик, публицист.
Член Союза российских
писателей с 2021 года.

Родилась в городе Курган Курганской области 16 января 1983 года. Окончила Московский государственный социально-гуманитарный институт в 2007 году, получив специальность по направлению издательское дело и редактирование. Специалист по работе с инвалидами совмещает обязанности корреспондента и редактора коллективных сборников, один из них: «Слово о Тюмени». В феврале 2019 года выходит её первая авторская книга, в октябре 2020 года – вторая, обе изданы при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации и техническом содействии Союза Российских писателей. С 2011 года член Союза журналистов России. Живёт и работает в Тюмени.

ВРЕМЯ

Время нас испытывает на прочность:
Выстоим, выдержим или нет.
А может, преодолеем досрочно,
И в сердце остынет от шрама след.

Время истекает песком планомерно,
А зачастую несётся, как дикий зверь,
Стремится нас обойти и быть первым,
Захлопнув перед лицом крепко дверь.
Время то ластится, то кусается,
То прячется и уходит, как будто в тень.
То на прохожих с острым ножом бросается,
То рисует на белом холсте новый день.

Время нас испытывает, изматывает,
Не в нашу пользу свой замедляет шаг.
А мы, стиснув зубы, свою боль проглатываем,
Отпуская в небо надежды воздушный шар!
Время серым, тусклым песком по ветру
Разлетается, устремляется в пустоту...
А нам так хочется хоть капельку света
Увидеть в конце тоннеля, оживить мечту.

Время... Как же с тобой договориться?
Успокоить дитя, залепить пустоту внутри.
Ты только дай знать - я тоже умею биться,
Пульсировать стойко и заглушить шёпотом крик.
Ты только скажи, мне покажи дорогу,
Когда повернуть, где будет обрыва сеть.
Время, мне надо тебя так немного –
Всего лишь успеть, сказать о любви успеть.

* * *

Мы греем солнышко в ладонях
И из цветов мы пьем нектар.
Наш мир двоих без посторонних –
И это чудо, вышний дар!
Мы растворяемся в рассветах,
Как каберне, мы пьем закат.
И на двоих одно есть лето:
И ни займы, ни на прокат...
А насовсем – мы так решили.
Зима и осень не для нас.
Свой кругозор любви расширив,
Мы просто счастливы сейчас.

ОСЕНЬ

Осень, ты снова спасаешь,
Вселяешь надежду и веру.
На новые чувства
опять вдохновляешь,
Вокруг создавая любви
атмосферу.
Теряюсь и прячусь порою
От новых, забытых эмоций,
Увлечшись твоею ретивой игрою
На уличных скользких подмостках.

Осень, ты так многогранна:
То плачешь, листочки, роняя,
То кружишься в танце легко,
неустанно,
Лучами-руками весь мир обнимая.

Осень, ты все же беспечна –
Влюбляешься так искушенно...
Зовёшь ты и манишь
в свою бесконечность,
Оставшись снегами
опять побежденной.
Теряюсь от новых эмоций,
Ищу снова выходы из лабиринта...
Я так же, как осень, устала бороться
В неравных боях
на губительных рингах.

Осень, мне нужен таймаут...
Остыть, отдохнуть
душой и телесно,
Придумать сюжеты для новых романов,
Чтоб сердцу в груди
стало вдруг тесно.
На скользком
дождливом асфальте
Застыли, замёрзли слезинки...

Осень, ещё не пенальти –
Пропустим удары судьбы,
как песчинки.
Давай побежим по рыжей аллее,
Листовою играя, что под ногами?
Я больше
осенней хандрой не болею,
Умывшись дождями,
укрывшись снегами.

БОЧКАРЁВА

Мария Викторовна – поэт,
стихотерапевт, член
региональной организации
«Тюменское областное
отделение Союза
российских писателей» с
2021 года

Родилась 24 января 1984 года в Нижневартовске. Окончила Тюменский государственный университет (факультет романо-германской филологии) в 2012 году. Прошла профессиональную переподготовку в 2018 году в «Столичном институте повышения квалификации специалистов» по программе «Практическая психология. Арт-терапия», а в 2019 году в «Восточно-европейском институте психоанализа». Работает психологом, ведёт группы психологической поддержки. Пишет стихи с детства, публиковалась в региональном сборнике юных поэтов «Маленькая муза», в городской газете «Местное время» и в литературно-художественном альманахе «Гиперборей». Основатель литературного клуба «Контакт». На стихи Марии написано одиннадцать песен, одна из которых заняла призовое место на Международном фестивале-конкурсе искусств, культуры и творчества «Пассионарии культуры». Живёт в Тюмени.

ПИСЬМО ОТЦУ

Очнулась. Холодно. Настежь открыта дверь.
Ты ушёл. Не смогла разделить боль твоих потерь.
Не смогла рассказать тебе, показать всю мою любовь.
Ты ушёл. Улыбалась и грезила в мире детских снов.
Много дней в лету кануло, то холодных, то знойных лет.
Губы кусала, от боли плакала, что тебя рядом нет...
Почему люди так устроены, так слабы?
Иногда терпят горести, волею чужой судьбы,
иногда ломаются, как сухая трава?
Ты ушёл. Я одна, бесправная, но жива.
Из меня вырывали с корнем тебя, словно сор.
Говорили с усмешкой гадости, был неравен спор.
Где стегали крапивою, не росли цветы.
Осуждали и ненавидели, что я, как ты.
Ты ушёл. А я, беззащитная, как птенец,
безутешно и горько плачу, мой отец.

ПРАВО ЖИТЬ

Если бы не было меня, не было бы и этой боли,
Которая душу рвёт, как бумажного змея ветер.
Никто не противился бы этой роли –
Быть самую удобною девочкою на свете.

Если бы меня не было, такой упрямой,
Вызывающей раздражение, своенравной,
Люди бы просто радовались утрами,
Дни проводили легко и плавно.
Обошлись бы без войн и болезней в мире,
Вежливо здоровались и прощались,
забыв, что такое плакать.

Если бы я исчезла, как дым в эфире,
Высохла под солнцем, как весенняя слякоть...

Без меня стало б чище, ярче, светлее,
Всем спокойнее, ведь некому беспокоить.
Не просила бы денег и не сидела на шее,
Не нужно было бы жертвовать тем,
что дороже стоит.

Если бы молчала про то, что думаю и желаю,
Незаметной тенью пряталась и скользила,
Всё всегда умела и делала вовремя, знаю,
Мама, тогда бы ты меня любила.

Не мешала бы, не путалась под ногами,
Как все девочки,
носила бы приличные платья.
Соответствовала бы твоим ожиданиям,
А не была бы твоим проклятьем.

Тяжёлая ноша, бессовестная,
вроде груза,
Помеха, от которой одни заботы
Папа не ушёл бы от того, что я обуза,
Или был бы кто-нибудь вместо папы,
ну, хотя бы кто-то...

Невыносимо было расти,
словно бабушкина забава.
В других ищу поддержки, любви, восхищенья...
доколе?

Когда я верну себе своё право
Просто жить, уже взрослой, без детской боли?

* * *

Мама мне говорила: «Не ешь картошку с песком»;
«Не режь помидоры слишком крупным куском»;
«Не садись за компьютер, с кровати вставши едва».
До сих пор гадаю, была ли мама права.

Костёр согревает, превращая песок в углерод,
Картошка с золою усваивается наоборот.
Хочется жить ещё больше,
Лазить пальцами в мёд, доски ломать на дрова
Чеканными звуками извлекать из горла слова,
Есть томат целиком, густо посыпав солью,
Намазав аджикой и с чесноком.
Печатать «в экране», на мягком диване
лёжа ничком...

Кроме этого, остальное верно.
Богатым – золото, у нищих в друзьях Робин Гуд,
Несправедливо и скверно
Использовать рабский труд.
Выжить молитвами
Дано лишь котяткам и их святым,
Юные отроки словесными битвами
Развеют едкий молчащий дым.
Беспризорники каются в совершённых грехах,
Их судят ханжи.
Любимчики публики в залах и зеркалах
Как никогда хороши.

Мама, что правильно, что вкривь и вкось
Я не узнаю,
пока не пройду свою жизнь насквозь.

В-ЗДЕСЬ-И-СЕЙЧАС

непросто остаться в здесь и сейчас,
изнутри полно голосов и глаз
осуждают колко, пронзают иголкой
шкуру изнутри наружу,
перетряхивают душу

как бывалые ростовщики,
ни одной не найдя золотой монеты,
презрительно хмыкают: «Бедняки,
опустившиеся до дна поэты»

под дикими вихрами спутались мысли и грёзы,
слёзы умоют до блеска, как вешние росы,
кракелюром отвалится лоск
наигранность прежних защит
растает как воск

стоп, ребята, не злим, не балуем
уважаем внутренних критиков
и рациональный мозг

взываем к телу в точке кризиса,
не допуская лизиса
важных моментов
к вящей удаче
близится срок подачи
уплаты чувственных алиментов

реальность – солнечномягкие блики в волосах,
идёшь за водой для любимого человека
странно,
дело нехитрое принести

кипяток из титана
или пенно-холодные волны из речки
важно, где бы вы ни были –
не расплескать
любовь своего
сердечка

ЗИМА

Поставлю валенки в прихожей,
По тёплому ковру пройдуся,
У зеркала прихорошусь,
Чтоб чувствовать себя пригожей.

Зима тревожит душу мне,
А шапка мнёт мою причёску;
Ношу ли, не ношу расчёску,
Как будто разницы и нет.

Вновь мажусь кремом – всё едино;
Снимаю серьги и браслет.
Охота замотаться в плед,
Читать всю зиму у камина!

И мило в кресле задремать,
Писать стихи, крошить печенье..
Я пропитаю вдохновеньем
Весь дом, веранду и кровать!

Друзья оставят все дела,
Приедут с чаем, вынут плюшки;
И я тогда спрошу подружку:
«Ну как?.. Зима уже прошла?»

МООР

Светлана Михайловна
(литературный псевдоним
– **Вета Моор-Люшенге**) –
поэт, публицист, член
региональной организации
«Тюменское областное
отделение Союза
российских писателей» с
2017 года.

Родилась 18 июля 1951 года в Амурской области. Окончила Новосибирский электротехнический институт связи (Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики), затем – аспирантуру Московского экономико-статистического института, где защитила кандидатскую диссертацию. Более тридцати лет проработала в Тюменском государственном университете, в двухтысячном году защитила докторскую диссертацию по теме «Женщина как объект гендерных исследований (социально-экономические аспекты)». Поэзия составляет большую часть её жизни. Опубликовано десять сборников стихов лирической и гражданской тематики, более трёхсот научных и методических трудов, более ста публицистических работ. Доктор социологических наук, профессор, общественный деятель (она же стояла у истоков Тюменского отделения Союза женщин России) живёт и работает в Тюмени.

Уходим,
а сердце ещё остается
За стенами школы,
за партой моей.
Оно непременно
однажды вернётся
Сынишкой иль дочкой.
Скорее! Скорей!

Спешит, как положено,
странное время.
Бросаем прощальный и
радостный взгляд.
Сквозь годы, невзгоды,
мечты, вдохновенье
Протянется счастья дорога назад.

* * *

Семнадцать!
Было ли давно...
Воскресшая моя весна.
В цепи – забытое звено.
Всё впереди, а мир – окно.
Ты – ангел юности моей,
Воскресший в осени любви.
В забытые края теней
Обратно сердце не зови.
Ты не зови меня назад,
Туда дороги больше нет.
Беспечной юности парад...
Люби, дерзай,
встречай рассвет...

* * *

Наша любовь,
как и верность,
Беспечна.
Надо ли думать,
Гадать, говорить?
Ценности в прошлом –
Они же не вечны!
Можно всё помнить,
А можно – забыть...

* * *

«За туманом», пейзажами зимними с розами
Улетаем в сады Альбиона с тобой,
А в душе закипают созревшие слёзы:
Память-волны – вечерней осенней порой.
Просыпаюсь, в окно мне кивает цветочек,
Солнце золото нежно на сердце мне льёт.
Но нахлынули тучи, и небо грохочет.
А потом – снова солнце наутро поёт.
И смеётся природа окрест, расцветая,
Обновляясь, как будто специально для нас.
Мы, как птицы, однажды всё равно улетаем.
В свой урочный, не нами назначенный час.

* * *

Грусть и радость всегда пополам.
Ты сегодня в незримой печали.
Твоё сердце, похоже, устало
В этой жизни платить по счетам...

ПЕТРОВА
Юлия Сергеевна – поэт,
публицист, член
региональной
организации
«Тюменское областное
отделение Союза
русских писателей»

Окончила Астраханскую государственную консерваторию в 1974 году по специальности «Фортепиано». Является преподавателем Астраханского музыкального колледжа им. М.П. Мусоргского. Автор свыше 70 научных статей, посвященных проблемам синтеза искусств. Активно публикуется в журналах, посвященных современной поэзии. Участник многочисленных международных конференций. Заслуженный работник науки и образования РАЕ, обладатель Знака Почёта Министерства культуры РФ. Среди последних творческих достижений: Серебряная медаль Четвертого Всероссийского фестиваля «Лифт-2019» (Москва-Тюмень, 2019), звания – лауреата Международной литературной премии им. А.Г. Сниткиной-Достоевской (Монреаль, 2020), первого Всероссийского поэтического конкурса «Дела сердечные» (Тюмень, 2020), Международной премии им. де Ришелье (2021).

ДУЭТ

Как благородный саксофон
Импровизировал в дуэте!
Солировал, конечно, он.
Она ж держала только фон
Иными тембрами в «букете».
Неспешный нежный разговор,
Понятный только им вдвоём –
В темнице замкнутого круга
Услышать исповедь друг друга.
Что впереди – ещё неясно,
Свеченье чувства не погасло,
Но как же всё-таки прекрасно
В «живую» музыку войти
Не зная – что там впереди?

Опомнись, время, не спеши,
Тайник раскрыт двойной души.

Играя, повзрослели вдруг.
Накоплено: «А помнишь нас?»...
Как трепетно всё зазвучало
В простом мотиве в первый раз?
И о любви нам всё шептало
В богатстве взглядов, звуков, рук!
Случилось... Связь оборвалась.
Судьба ли жребий свой бросала,
Она ль мелодию сдержала
В благословенности союза,
Иль у него – в осеннем блюзе
Воспоминанья все остались...

И ТАКАЯ ЛЮБОВЬ...

Я так скучаю по тебе,
Хотя совсем тебя не знаю,
Пройду – не встречу, прозеваю
Опять неузнанной в толпе.

Как жизнь пронзительно карает
Наш поиск чувства продлевает:
Пока один рисунок мне
Во снах на образ обрекает.
А наяву все тусклы, пресны,
В миг тают, так неинтересны!

Не в силах я предать мечту
И знаю, может поутру,
Иль в озарении вечернем,
Да и имеет ли значение
Тот миг, когда я вдруг пойму:
Вот образ – сказки вдохновенье!
Вошёл реально, робок блик,
И моё солнце – на двоих
Я, не колеблясь, отдаю,
И захлебнусь, и утону,
В просторы чувства уплыву!

Себя никем я назову,
И имя ничего не скажет...
Смолчишь? Скажу: не отвечай,
Как будто я зашла на чай
Так просто, вышло невзначай.
Мне взгляд твой больше важен,
Ну, будь же ты отважней,
Я сразу всё пойму!

Вдруг невозможное возможно...
Как будет: плохо ль, хорошо?
И просто или очень сложно:

Сначала нежно, позже «снежно»,
А больно будет? Иль смешно,
Как в плохо отснятом кино?

Меня воспримут или бросят,
На полуслове ветром скосит...
Роман «бумажный» догорит
И станет пеплом для двоих?
Короткий взмах ресниц твоих
Ответно всё определит.

Не надо слов, не отвечай –
Забыл, что я пришла «на чай»?
Спокойно выйду, не обижу,
Не суетись – сама увижу
Я выход. Выйдя – постою...
И снова вход, но в пустоту,

Зато без фальши. Нет даров
На перекрёстке всех миров
Без сказки: в ней всегда урок,
Но для меня, увы, не впрок!

ВЗРЫВНОЕ

Я взрываюсь по тебе,
Как фугас – назло судьбе!
Мне так холодно одной,
Словно ядерной зимой...

Мне приснился даже снег:
Тишина, беззвучный след...
Нет тебя и за спиной,
Отпечаток лишь цветной:

Нарисован неудачно...
Растворялся молча, плача...
Я схожу с ума опять,
Не хочу я вечно ждать!

Почему ты не со мной?
Даже летом, не зимой.
Я взрываюсь по тебе,
Я скитаюсь по судьбе,

А внутри – холодный зной
Летом, осенью, весной...

Но любовь взрывной волной
Накрывает как зимой,
Не поймёшь мой код-пароль...
Вновь метель и снег со мной...

ОТЗВУКИ ВЗРЫВНОГО

Захлёстан мир метелями, теряя
Из видимости ласку, теплоту,
Ныряя, исчезая, забываю
В той облачности я себя – не ту.
Я буду появляться ниоткуда
И возвращаться. Вновь сводить мосты?
Нет! – Петь, мечтать, смеяться...
Бить посуду!
Я вновь такая: где же будешь ты?
Вернусь:
Большой волной, но и частицей тоже
Без ласки не прожившей: невозможно!
Такой же, что взрывается во мне,
Всем на свету видна, как и во тьме.
Хочу: «Достанься всем, не только мне»!
Искать:
К ней миллионы врат открыты где-то
И, может быть, я всё-таки найду,
Утешусь и поверю наяву –
Не в наваждение, а в реальность эту...
Там время скажет, я уйду...
Иль не уйду!?

ЖУРАВЛЁВА

Лидия Яковлевна

**(литературный псевдоним –
ЖУРАВУШКА) – поэт, член
региональной организации
«Тюменское областное
отделение Союза российских
писателей» с 2012 года.**

Родилась в 1949 году в Омске. По профессии врач. Много лет работала заведующей бактериологической лабораторией в г. Нижневартовске (ХМАО – Югра).

Стихи пишет с юности. Дебютировала в 1966 году подборкой стихотворений в Омской областной молодёжной газете «Молодой сибиряк». Публиковалась в альманахах и коллективных сборниках. Автор поэтических книг, издававшихся в России и за рубежом: «Журавушкины песни», «Вкус жизни», «Без оглядки», «Не просто так», «Невозможное – возможно», и др. Некоторые стихи положены на музыку и стали песнями.

Член Нижневартовского городского литературного объединения «Замысел». Живёт в Нижневартовске.

ПО ЗАКОНУ СООБЩАЮЩИХСЯ ДУШ

Частокол законов строг и неуклюж,
Но один закон священен для меня:
По закону сообщающихся душ
На земле живу, любовь свою храня.

По нему я, как по солнцу, строю путь,
По нему хочу, как птица, песни петь,
По нему хочу проснуться и заснуть,
По нему мечтаю всё на свете сметь.

Жизнь нас балует нечасто – не беда!
Зайчик солнечный глядит из грязи луж.
И я знаю: буду счастлива всегда
По закону сообщающихся душ.

ДУША НЕ ЗНАЕТ ВОЗРАСТА

Душа не знает возраста, мой друг.
И это и прекрасно, и трагично.
Я думаю порой, что неприлично
Остаться юной в пору зимних выюг.

Но я не виновата, что весна
Во мне живёт, не ведая сезонов,
Вразрез идя со множеством резонов,
Поёт, ликует и лишает сна.

Пусть зеркало смеётся надо мной,
Я словно бы его не замечаю
И каждый день я трепетно встречаю,
И снова дарит жизнь подарок свой.

МОЛИТВА

Благодарю тебя, Господь.
Мой день прошёл без потрясений
И без душевных угрызений
О том, что долг тебе растёт.

Благодарю за светлый мир,
Что щедро даришь.

Он прекрасен.
Ещё за то, что путь мой ясен,
И не открыт небесный тир:

За то, что не послал ты стрел,
Разящих близких мне созданий.
За то, что тяжесть испытаний
Ты точно вымерить сумел.

За всё тебя благодарю,
Внимая знакам терпеливо.
И сон,

и робкая молитва, –
Свечой к святому алтарю.

БОГДАНОВ
Юрий Кириллович –
поэт, член региональной
организации «Тюменское
областное отделение Союза
российских писателей»

Родился 25 сентября 1937 года в Кондинском районе Тюменской области. Окончил историко-филологический факультет Тюменского педагогического института. Работал преподавателем русского языка и литературы в Ялуторовском аграрном колледже, передавая ученикам свою любовь к поэзии.

С 2017 года является членом городского литературного объединения «Ялуторовская лира», регулярно участвует во всероссийских, областных городских литературных конкурсах. Печатался в газете «Ялуторовская жизнь» и областных изданиях, в литературно-художественном альманахе «Гиперборей», а также в Первом всероссийском литературном журнале «ЛиФФт» по Тюменской области и в коллективных сборниках региона.

Живёт в городе Ялуторовск.

УЛЕТАЮТ ПТИЦЫ

Оглянёшься, яркою калиной
Незаметно осень отошла.
Под окном ещё грустит рябина,
Помня лучик летнего тепла.

Улетают птицы за три моря,
Я один останусь зимовать,
Провожать глазами в небе зори,
Повторенья лета ожидать.

Знаю я, с весной опять вернётся
Этих птиц весёлый лёгкий звон.
Песней в моём сердце отзовётся,
Даже если не найдётся слов.

ЗИМНЕЙ НОЧЬЮ

Сиянье луны, снег искристый,
Я звёздное небо люблю.
И воздух морозный и чистый
Дыханием частым ловлю.

В мерцании лунного света
Легко по морозу бежать.
Любимые строчки из Фета
Далёкой звезде прочитать.

СОШНИКОВА

Любовь Николаевна
(литературный псевдоним
– **Любовь Баженова**) –
поэт, прозаик, член
региональной организации
«Тюменское областное
отделение Союза
российских писателей»

Родилась 21 апреля 1953 года в Копейске Челябинской области. По образованию педагог, более сорока лет работала учителем начальных классов в школах Курганской и Тюменской областей. В 2013 г. награждена медалью Министерства Образования Российской Федерации «Почётный работник общего образования», носит звание «Ветеран труда».

Автор трёх поэтических книг: «Не откладывай жизнь на потом» (Тюмень, 2018), «Каждый пишет сам свою судьбу» (Тюмень, 2020), «В стране бумажных самолётиков» (Сургут, 2020), постоянный автор литературно-художественного альманаха «Гиперборей», также печатается в региональных журналах и коллективных сборниках. Живёт в Тюмени.

СТАРЫЕ ПИСЬМА

В шкатулке деревянной письма старые,
Как бриллианты памяти, храню.
Ночами их с волнением читаю я
И с прошлым веком тихо говорю.

Они мои друзья, друзья надёжные:
Кривые строчки, добрые слова,
Порой смешные, иногда серьёзные...
Читаю их, и кругом голова.

Так в юности взхлёб читала классиков.
В них столько жизни, верности, души.
И в сердце зреет ощущение праздника...
Ах, как воспоминанья хороши!

ОТЧЕГО ДУША РАНИМА

Отчего же так душа ранима?
Застегнуть её бы на замок,
Чтобы кто-то наплевать не смог.
Ну а плюнул, то попал бы мимо.

Отчего она болит порою
Без причин, без видимых обид?
Просто так: проснулась и болит...
И не спросишь: «Что, душа, с тобою?»

Отчего она у нас такая:
Может плакать, верить и любить?
Ей давно бы каменной уж быть,
А она, как в юности, живая!

КОРОМЫСЛО

Бабушка Анюта собралась на рынок.
Выкроила время от печи и крынок,
Чтобы в город съездить за простым товаром,
И на электричку! – только солнце встало.

Ей бы коромысло – старое сломалось.
Не хитра покупка, да и стоит мало.
Но водицы в доме нет без коромысла.
Суп себе не сваришь, чаю – не напитокся.

Раньше коромысла – и большим, и детям –
Мастерил сосед. Жаль, нет его на свете.
Обошла Анюта все ряды, прилавки.
Есть на рынке грабли, вилы, кружки, банки...

Но вот коромысла не нашла старушка.
Возвратилась только к ночи в деревушку.
Как теперь водицу принести из речки?
И грустит Анюта, сидя на крылечке.

ИЗ ГЛУШИ БЕРЁЗОВОЙ

Бабу Нину из глуши берёзовой
В город привезли, в квартиру с лоджией,
Дочки из села, к себе поближе.
Сами на девятом, ей – пониже.

За окном весна, а тут как в клетке.
Погулять выходит, только редко.
Очень плохо в городе ей спится,
А заснёт, вдруг огород приснится,

У калитки – ржавая петля...
Беспокойно – не дожждётся дня.

Ночи тут длиннющие для бабушки,
Встанет рано, напечёт оладушек,
Дочек угостит, раздаст соседям
В понедельник, вторник, и по средам...

В будний день любой и в воскресенье
От тоски нет в городе спасенья.

Бабу Нину из глуши березовой
В город привезли, в квартиру с лоджией.
А душа осталась в деревушке,
В пятистенке, хоть прописка – в двушке.

ЭТО ТОЛЬКО НАЧАЛО

Полвека назад, выбирая маршрут,
Мы верили свято, что где-то нас ждут,
Стране наши руки нужны и умы...
Мы молоды были. И мнилось – умны.

Энергия была ключом через край,
Уверены были, что жизнь – почти рай!

Но жизнь развенчала наивные мифы,
Швыряя нещадно на острые рифы.
Трепала в штормах, погружала в пучину...
Но мы добирались до суши по льдинам!

И вот корабли мы подводим к причалу...
И грезится – вдруг это только начало?

ХАБУШЕВА

Татьяна Сергеевна
(литературный псевдоним -
Тат Яна) – поэт, прозаик,
член региональной
организации «Тюменское
областное отделение Союза
русских писателей»

Родилась второго мая 1958 года в селе Ситниково Омутинского района Тюменской области. В 1984 году окончила Тюменский государственный университет по специальности «Финансы и кредит», работала в Госбанке, Тюменьгражданстрое, Пенсионном фонде России.

Первый профессиональный литературный опыт – брошюрка стихов «Вкус мяты», изданная в 2013 году. Публиковалась в литературно-художественном альманахе «Гиперборей», в коллективных сборниках региона, в периодических изданиях СМИ. Принимает участие в литературных конкурсах регионального, всероссийского и международного уровней, совершенствуя на практике своё творчество. Участник Международных литературных фестивалей – конкурсов 2021 года: «Русский Гофман» – Калининград, «На крыльях грифона» – Керчь.

Живёт в Тюмени.

БУСЕНЕЦ

Бусенец моросит, бусенец...
Осень рыжая тихо шуршит.
Вот уж бабьему лету конец,
И зима мне навстречу спешит.

Бусенец моросит, бусенец...
Сколько раз уж так было со мной:
Листьев солнечных лёгкий венец
Падал в воду и плыл за тобой...

Бусенец моросит, бусенец...
В доме тихо, а в печке огонь.
Колебанием в тысячи герц
Сердце бьётся и греет ладонь.

Бусенец, мороси, бусенец,
Нежно песни любви навевай,
Чтобы светлая радость сердец
Тёплым чувством лилась через край!

* * *

Я хочу быть бабочкой и крылышком махать
И над лугами летними беспечно так летать.
Я хочу быть лёгкою и проживать в Раю –
Совсем не одноднёвкой в березовом краю.

Я хочу быть яркою, но не попасть в сачок,
Листочками накроюсь, скрутившись в червячок.
И лишь настанет утро, и первый луч блеснёт,
Порхать по свету буду – мне радостен полёт.

ЛАПИНА

Татьяна Михайловна – поэт, сценарист, член региональной организации «Тюменское областное отделение Союза российских писателей».

Родилась 3 июля 1975 в Тюмени. Окончила Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева. Работала учителем начальных классов, делопроизводителем, специалистом по кадрам, директором по персоналу в строительной компании. Прошла обучение в Студии поэтического мастерства при издательстве «Авторское содружество» (Санкт-Петербург, 2020-2021).

В 2016 году выпустила детскую книгу – азбуку «БукваБук». Печаталась во Всероссийских журналах, в альманахе «Гиперборей» (Тюмень, 2019-2021), в сборнике лирической поэзии «Когда расцветёт весна» (Санкт-Петербург, 2021). Лауреат Международной премии «Янтарный самородок» в номинации детская литература, участник всероссийских и региональных фестивалей – конкурсов. Член Союза писателей Северной Америки. Живёт в Тюмени.

ОЧИЩЕНИЕ МОРЕМ

Снова море беспокойно,
Мчится стая чёрных волн.
Набегают,

                                пенясь грозно,
Водяной
                                бугристый холм.

Словно тысячи истерик,
В крик отчаянный слились.
Рассыпается на берег
Миллион
                                прозрачных брызг.

Разбиваю руки
                                в скалах,
Слёзы застилают боль.
На кровотокающих ранах
Белый след –
                                морская соль.

Щиплет ноги,
                                щиплет руки,
Щиплет губы и глаза.
Утоли мои ты муки,
Набежавшая слеза.

Знаю я, что небезгрешна.
Море, подари покой,
Умоляю. В тьме кромешной
С шумом пенится
                                прибой.

ЗАБЫТЫЙ ЗОНТ

Зонт забытый я держу в руке,
Крепко сжав, – твою ладонь как будто.
Сжалось сердце в грусти и тоске,
Больше вместе мы не встретим утро.

Сыро. Дождь стучит о красный зонт,
Ты ушел, унёс покой с собою.
Спрячет от дождя и от невзгод
Добрый зонт, раскрывшись надо мною.

Ты забудь меня, как этот зонт,
Подошла, увы, к концу love story.
Я тебя забуду, словно сон,
И сотру из памяти историй.

НЕДОСКАЗАННОСТЬ

Между нами вновь недосказанность.
Зубы стиснув, молчу,
Но душа...
Изрыдалась.
Что же это? Привязанность?
Быть удобной –
моя обязанность?
Как рабыня тобою связана,
И так много опять не сказано.
Мысли скачут,
события дня
вороша.

КАРКИШКО

Геннадий Филофеевич – поэт, член региональной организации «Тюменское областное отделение Союза российских писателей»

Родился в 1945 году в степном районе Оренбургской области в шахтерской многодетной семье. После окончания школы трудился в шахте. Окончил Челябинский педагогический институт. Много лет проработал на Ямале учителем истории и директором школы. Лауреат Тюменского областного фестиваля народного творчества имени С. И. Мамонтова, активный участник литературного объединения «Ялуторовская лира». Стихи печатались в региональных литературно-художественных и краеведческих альманахах, в СМИ, а также в коллективных сборниках. В 2016 г. автор издал сборник стихов «На крыльях памяти». В 2019 г. была опубликована ещё одна поэтическая книга – «Они были первыми», в которую вошли поэмы «Ермак» и «Ялуторовская слобода». Живёт в Ялуторовске.

РОСТОК

На огороде,
за листвою картофеля,
Он притаился –
маленький росток.
Листочек нежный
кружевного профиля
Космеи – давней памяти цветок.

Под окнами,
у щитового домика,
Цветы сажала
мама по весне.
И мостик в детство,
хрупкий, как соломинка,
Космея робко предлагала мне.

Она ещё
не поднялась, смущённая,
На стройной ножке
посреди подруг.
В красивых шляпках,
в солнышко влюблённая,
тепло напомнив материнских рук!

Не знаю, сколько мне
судьба отмерила.
Уж семь десятков
с лишком за спиной.
Росточек малый,
а душа поверила,
что мама снова рядышком со мной.

МАСТЕР

Николаю Михайлову

Он время укротил руками.
Ему доверился народ
И поспешил к нему с часами,
Чтоб оживил и звон, и ход.

Как доктор, мог он с механизмом
Вести неспешный разговор –
Его деталей трудной жизни
Недуги зная с давних пор.

На вид – спокойное проворство,
Движений лишних просто нет.
Какое надобно упорство –
Сидеть часами много лет!

Смеясь, кивает головою:
«Всё просто, тайны не храню.
Усидчивость – само собою.
И дело я свое люблю».

Прославился на всю округу.
К нему спешат из дальних мест,
Часы доверив, словно другу.
Он – мастер, нет таких окрест.

КОМАР

Анатолий Яковлевич – поэт, член региональной организации «Тюменское областное отделение Союза российских писателей».

Родился в Архангельской области. После службы в армии поступил в Архангельский Государственный медицинский институт, по окончании которого был направлен по распределению в Тюменскую область. Работал врачом-стоматологом в г. Ялуторовске, преподавал в местном медицинском колледже. Создавал учебные пособия в стихотворной форме, выступая с ними на областном педагогическом фестивале. Печатал свои произведения в журнале литературного объединения «Сполохи» (Архангельская обл.), историко-краеведческом альманахе «Явлутур-городок», в литературно-художественном альманахе «Гиперборей», в коллективном сборнике «Слово о Тюмени», издал книгу стихов «Жизненные зарисовки». Живёт в Ялуторовске.

АБОРИГЕН

Брату Виктору

Я здесь родился,

я – абориген.

Свои места, как десять пальцев, знаю –
Куст над обрывом, камешек в реке.
И край родной на рай не променяю.
Я здесь живу и воздухом дышу,
Со многими знаком в своей округе.
Я с верными друзьями связь держу
И сам считаюсь им надёжным другом.
Меня здесь знает всяк: и стар, и мал,
И люди, чем горжусь я, уважают.
И звёзд хотя я с неба не хватал,
Мне света их небесного хватает.
Я здесь живу, и все моё – при мне:
Рюкзак с едой, да двести грамм во фляжке,
Да верный нож на поясном ремне,
Да лист берёзовый на выцветшей фуражке.
Я здесь живу, и всё, что здесь – моё:
И небо, и тропинка, и опушка,
И птаха, что в погожий день поёт,
И жгучий спирт на дне походной кружки....
Бывал повсюду, многое видал,
Но, повидавши мир, я твёрдо знаю,
Что здесь моя обитель.

И причал,

Который я на рай

не променяю.

ОЖИДАНИЕ

Ещё чуть-чуть, ещё немного,
Ещё дней десять подождать,
И станут люди с Новым годом
Друг друга дружно поздравлять!

Все ждут обещанных подарков,
Удачи, добрых перемен,
Здоровья, сил, эмоций ярких,
Решения своих проблем.

И верят почему-то в чудо.
Но чудеса лишь для детей.
Для них и Дед мороз придёт,
И сгинет сказочный злодей.

Для них полно чудес в лукошке
И всяких сладостей в мешке,
Для них и свет горит в окошке,
И чудо-цвет растёт в горшке.

А что для взрослых? Стол, закуска,
Шампанское, приём гостей,
Экран, диван, ночная люстра
Да обсужденье новостей.

Но всё же Новый год наступит!
И счастлив всё же станет тот,
Кто хоть немного верит в чудо –
А вера силы придаёт.
И пусть сейчас кому-то трудно,
Им тоже в жизни повезёт!

О чём,
прозаик,
ты хлопчешь?

ЯДНЕ

Нина Николаевна – прозаик, публицист. Член Союза российских писателей с 2003 года. Входит в правление Международной Ассоциации писателей финно-угорских народов (Финляндия).

Родилась в тундре Ямала. Почётный гражданин Ямало-Ненецкого автономного округа, действительный член Международной Академии информатизации за сохранение и развитие культуры и литературы народов Севера, а также Союза журналистов России, Союза писателей Чувашии, Союза писателей Северной Америки (СПСА). Пишет на ненецком и русском языках. Автор пятнадцати книг (в том числе четырех фотоальбомов) о жизни ненецкого народа. Награждена Почётной грамотой Союза российских писателей за творческие достижения и многолетний плодотворный труд в области литературы (Тюмень, 2019). Лауреат премии губернатора ЯНАО в номинации «Художественная и документальная проза» за высокие творческие достижения в области литературы (Салехард, 2021). Живёт в городе Надым (ЯНАО).

КАПКАН

повесть

Было уже светло, когда Нидейко Лапсуй выехал из поселка в свой чум. Упряжка из четырех темных быков, отдохнувших за ночь, быстро мчалась по накатанной дороге в сторону Гыданской тундры.

Встреча вечером с людьми из Находкинской тундры обрадовала его, и они пили водку и вели разговоры в доме общих знакомых почти до утра. Четверо мужчин и одна женщина утром тоже выезжали из поселка, но в другую сторону. Один из них, Лани Сусой, пожилой коренастый мужчина с крупным лицом и небольшими глазами, был отцом жены Нидейко. Лани первым повел свою упряжку, за ним тронулись все остальные. Сэрне, жена Лани, в нарядной пестрой ягушке, чуть задержавшись, поправляя упряжь на своем крайнем олене, украдкой бросила взгляд на молодого человека, когда отъезжала вслед за упряжками мужчин.

Сэрне была худощавой женщиной средних лет, ягушка на ней сидела красиво. Из-под черной с белой оторочкой шапки висели длинные наконники со всякими металлическими бляхами. Лицо женщины было продолговатым, белым, прямой нос, открытые темные глаза блестели необыкновенным блеском, вызывая алые полные губы...

Сейчас, когда Нидейко ехал в свой чум, вдруг на него нахлынули воспоминания: два зимних дня, пурга, тепло одинокого чума, две бессонные ночи, женщина, которая запала в душу молодого парня...

Глава 1. Жаркие объятия Сэрне

...Года три назад Нидейко совершенно случайно оказался в стойбище Сусой, началась пурга, и двое суток он оставался в одиноком чуме, где были только женщина и двое маленьких детей. Муж Сэрне, старый Лани Сусой, со своей взрослой дочерью Саване были в многодневной поездке по дальним стойбищам.

В первый вечер, когда Нидейко, чувствуя, что начнется сильный буран, остановился в первом попавшемся чуме,

упряжку не распрягал, надеясь на то, что погода установится и можно будет ехать дальше, в свое стойбище.

Обычно хозяйка чума, жена Сусоя, увидев приближающуюся откуда-то упряжку, немедленно гасила огонь, заливая его водой из чайника и... ложилась на постель, свалив на себя и на детей все старые ягушки. Если это был незнакомый путник, то, увидев, что люди спят, выходил из чума и уезжал.

Так Сэрне поступала много раз в своей жизни, хотя закон предков говорил о том, что любого путника в тундре нужно накормить, напоить, если нужно, уложить спать, поменять ездовых оленей. А Сэрне поступала по-своему, таким образом она сэкономила дрова и не утруждала себя, как другие ненецкие женщины, добыванием дров из-под глубокого снега, а часто отправляла за дровами своего старого мужа или юную дочь Саване.

Когда юноша из рода Лапсуй вошел в чум, Сэрне, недолго думая, бросила шить, встала и затопила железную печурку.

Нидейко прошел и сел на середину постели, куда обычно садятся все мужчины в любом чуме. В чуме, кроме хозяйки, было два ребенка.

– Куда держишь путь? – спросила женщина.

– В своё стойбище. Еду от Ехарати Яра. В прошлом месяце видели там моих оленей, – ответил юноша.

– Сколько чумов в их стойбище? – поинтересовалась Сэрне.

– Было четыре, а сейчас прикаслал к ним Тахна Лапсуй, – добавил Нидейко.

Молодой человек, сняв капюшон своей малицы, чуть-чуть откинулся назад, скрестив под головой руки. В чуме был полумрак, но лампу женщина еще не зажигала. Она хлопотала по хозяйству: положила куски льда в ведро, поставила чайник, разрешила мороженое мясо. Поставила перед гостем маленький столик и положила еду. Нидейко сел, скрестив ноги в нарядных черных кисах, ел не спеша, а женщина, молча, смотрела на него, и ей нравилось, как он ест и не задает почти никаких вопросов.

Дети вышли играть на улицу.

Хозяйка сама рассказала о том, что ее муж и дочка уже два дня как уехали в гости далеко, в Гыданскую тундру, проведать родню.

Пока шло чаепитие, ветер на улице стал свистеть сильнее, буран усиливался. Женщина молча вышла из чума и... сама распрягла оленей гостя.

На ужин Сэрне сварила оленьё мясо, приготовила вкусную похлебку, накрыла стол. Дети, утомленные беготней на улице, после позднего ужина быстро уснули. В теплом чуме тускло горела керосиновая лампа.

Хозяйка убрала со стола, накормила собак, упаковала продукты, постелила постель для гостя. Она молча подала Нидейко новую белую ягушку, потушила лампу и легла на свою, женскую, половину постели.

Нидейко лежал под теплой ягушкой на спине метрах в трех от Сэрне, а между ними спали два мальчика под одной ягушкой. Нидейко еще раз перед тем, как уснуть, вышел на улицу, а когда вошел в темный чум, прошел к своему месту и стал ложиться, неожиданно обнаружил: на его половине лежал человек. Это была Сэрне. Он присел рядом в распахнутой ночной ягушке и не знал, как быть, но вдруг он почувствовал теплые руки женщины, которые притянули его к себе. Он оказался с ней под одной ягушкой. Она прильнула к нему, к его горячему молодому телу... Женщина крепко обхватила его за талию, жадно ловила его горячие губы...

У него закружилась голова от ее жарких объятий. Он жадно впился в ее губы, неловко шаря руками по трепещущему женскому телу. Он ласкал ее гибкое, еще молодое тело, вдыхал запах ее волос, смешанный с легким запахом дыма, и утонул в объятиях пылкой женщины. В нем разгорелась страсть, тело горело от возбуждения. Впервые в жизни юноша познал женщину...

А женщина полностью отдалась самой прекрасной на свете страсти. Какое это потрясающее ощущение! Она наслаждалась каждым мигом этого сумасшедшего счастья, бессвязно лопоча: «Я давно тебя заприметила, думала о тебе...» Он доставил ей непознанную до сих пор женскую радость. Она даже не подозревала, какое наслаждение таит в себе это столь естественное соединение двух тел, с какой сладостной истомой можно нежиться на мягких нежных шкурах в объятиях мужчины. Она никогда не испытывала ничего подобного. Если днем он видел в ней обычную замужнюю

немолодую женщину, то в постели она была искусной в любви, ласковой, нежной и страстной...

Утром юноша проснулся поздно. Женщина сидела у огня и задумчиво смотрела на горящие угольки ольховника, которые падали из дверцы железной печурки. В тусклом свете желтовато-красного пламени влажно поблескивали ее губы, на них играла улыбка, и щеки пламенели как костер. В ее движениях, когда она хлопотала по хозяйству, была заметна необыкновенная легкость. Она подала ему малицу и кисы, быстро накрыла столик, подала вареное мясо и душистый горячий чай.

Нидейко вышел на улицу и понял, что сегодня ему не уехать. Буран стал еще сильнее, ничего не было видно на уровне вытянутой руки, а ветер зловеще свистел, казалось, он все сметет на своем пути...

Молодой человек несколько раз прошел вокруг чума, прогулялся между грузовыми нартами, постоял и снова зашел в чум. В чуме дети Сэрне играли в игрушечных оленей и нарты, сделанные из кусков дерева, баловались с собаками, смеялись.

Хозяйка сидела на полу, что-то шила и чуть слышно напевала про себя какую-то песню. Она бережно хранила тайну ночи, какой у нее не было в жизни и вряд ли еще будет, и боялась, что кто-то может догадаться о ее душевном состоянии. Потому старалась не смотреть даже на своих детей. Ей хотелось как можно дольше продлить мгновения удовольствия и счастья, не делиться своей тайной ни с кем в этом мире ни взглядом, ни единым движением или улыбкой.

Женщина и юноша почти не говорили. Она знала о том, что, может быть, уже никогда с ним не встретится наедине, но ночь, проведенная с ним, будет ее счастливым воспоминанием на всю оставшуюся жизнь.

Почти двадцать лет назад её выдали замуж по ненецким законам за старого мужчину, который стал отцом её троих детей, но жизнь с ним не приносила радости, близость не доставляла почти никакого удовольствия. Она изредка подчинялась желаниям мужа, воспринимая это как должное. Давно смирилась со своей участью и ничего нового уже не

ждала, понимала, что так живут многие женщины, выданные замуж своими родителями не по любви, а по обычаям предков.

Несколько раз в жизни Сэрне пыталась быть с другими мужчинами, но ни одну ночь она не могла сравнить с тем, что было сегодня.

Настала вторая ночь... Нидейко сжимал горячее податливое тело женщины. Она обнимала его молодое тело, пряча своё лицо на его груди, тихо шептала: «Я буду тосковать по тебе, ждать следующей встречи... мне так хорошо с тобой... не забудь меня, я всегда буду ждать тебя...» Теперь он держал себя с ней с трогательной нежностью, как будто перед ним была непорочная девушка. Он ласкал её без всякой поспешности, так, словно они знали друг друга всю жизнь...

Потом они лежали в полном изнеможении. Говорили, потом снова предавались любви. Это была изумительная ночь.

«Мне ещё никогда в жизни не было так хорошо!» – призналась женщина.

Он, молча, улыбался в темноте ночи, только крепко держал ее в своих объятиях. Сэрне не заметила наступления зимнего утра. Она даже не задумывалась над тем, что в любое время в чум могут приехать её муж Лани и дочка Саване. Она была готова идти с ним куда угодно, ехать, бежать, ползти, видеть его, любить его, всегда быть с ним, только с ним.

Буран к утру стих. Женщина, осторожно освободившись из объятий спящего парня, тихо встала, завязала завязки на ягوشке, вышла на улицу. Тихое морозное утро окончательно разбудило Сэрне, и она с радостью вошла в чум. Развязала собак, которые сразу выбежали на улицу, растопила печку и вскипятила чай.

Какое-то время она сидела и ждала, когда проснётся юноша, боялась его потревожить. Ей казалось, что с наступлением дня улетучатся эти прекрасные мгновения. С нежной улыбкой она подала ему малицу и кисы, когда он проснулся и сел. Они молчали и чувствовали, что сердца их бьются в унисон, знали о том, что отныне всегда будут искать встречи и любить друг друга...

Погода установилась. Был ясный морозный день. Нидейко, позавтракав, пошел к стаду оленей, отловил своих быков и приготовился уезжать. Ненецкой женщине не положено при людях показывать свои чувства. Рядом с ней уже стояли её дети. Сэрне молча стояла у чума и смотрела на юношу, который уезжал от неё в своё стойбище.

Он не оглянулся, как подобает ненцу-мужчине, который уезжает в дорогу, но на душе у него была радость и какое-то непонятное смятение.

Спустя какое-то время женщина снова нашла возможность встретиться с юношей, и это была ещё одна короткая счастливая ночь...

Глава 2. Тайная мечта Нидейко

Время от времени Нидейко приезжал в стойбище Сусой. Теперь постоянно в чуме были её муж Лани и цветущая взрослая дочь Саване. К тому времени у Сусой были соседи. В стойбище было четыре чума. Нидейко приезжал в это стойбище, чтобы хоть краем глаза посмотреть на женщину, которую хотел видеть, по которой тосковал...

Иногда он нарочно заходил в другие чумы, пил чай, вел разговоры об оленях, о погоде, делах других людей из соседних стойбищ, а сам думал, как побыстрее зайти в её чум и незаметно поймать её нежный взгляд.

Каждый раз, когда Нидейко заходил в чум Сусой, стал замечать, что юная красавица Саване с длинными чёрными косами на прямой пробор, белым румяным лицом, блестящими чёрными глазами, пухлыми губами, прямым красивым носом и статной фигурой стала незаметно поглядывать на него, из худощавого юноши превратившегося в стройного крепкого мужчину.

Его волнистые волосы обрамляли широкое скуластое лицо с небольшими, но выразительными темными глазами, а небольшой острый нос и полные губы с волевым подбородком придавали его облику силу и решительность.

Саване была единственной дочерью Сэрне и Лани, а два братика родились намного позже ее. Девушка была похожа на свою мать: тот же рост, тонкое белое лицо, открытые

лучистые глаза, полные губы и такая же стройная фигура. Она отличалась только постоянным румянцем, густыми длинными косами и цветущей молодостью.

Лани мечтал выдать свою дочь замуж только по строгим древним ненецким обычаям и взять за нее большое стадо оленей.

Сейчас, когда Нидейко зашёл в их чум, Саване быстро затопила печку и стала готовить стол. Отец Саване ещё вчера уехал на рыбалку и вернется не скоро. В чуме были одни женщины и дети.

Нидейко почти ничего не видел в этом чуме: он украдкой наблюдал за женщиной, встреча с которой для него была счастьем и мукой. Сэрне, стараясь скрыть свою радость от встречи с ним, со своим любимым, от посторонних глаз, вела себя осторожно, ничем не выдавала лёгкого волнения от взглядов молодого человека.

Дочь хозяина поставила перед гостем низенький столик, достала чашки, нарезала хлеба, куски сливочного масла, положила мороженой рыбы и села с краю, чтобы наливать чай.

Девушка молча пила чай, но изредка, как бы невзначай, старалась поймать взгляд молодого человека.

А он сидел и сосредоточенно пил горячий чай из блюдца, однообразно отвечал на вопросы об охоте, рыбалке, о других людях тундры. Он поддерживал обычный разговор, какой происходит у знакомых людей. Девушка убрала столик и вышла по делам на улицу. А когда вошла снова в чум, то заметила, что её мать и молодой человек о чём-то оживлённо говорили, но быстро умолкли, как только она вошла. Слов и смысла разговора Саване не поняла. Да мало ли о чём могут беседовать люди, которые знакомы давно?

В стойбище, да и по всей тундре, многие считали, что молодому человеку приглянулась Саване и потому он часто заезжает к ним. Старый Лани тоже прикидывал, кто же может посвататься к его дочери Саване, у которой уже приготовлено большое приданое: половина чума, много нарт, ягушек, кисов, шкурок лис, песцов и другого хозяйства.

Но Сусоя смущало то, что у Нидейко немного оленей, а хотелось найти богатого жениха для своей любимой дочери.

Старик Лани выжидал: оленных людей много, а дочь была ещё молодой девушкой.

Однажды зимой, когда тундровики после долгой летней разлуки стали ездить друг к другу в гости, то в большое стойбище, где был чум Лани Сусоя, приехало много людей.

Они приехали из посёлка. Некоторые были навеселе. Все мужчины остановили свои нарты там, где стоял большой загон, куда ежедневно приводили быков из основного стада. Среди них был и Нидейко Лапсуй.

Он был в красивом пёстром сооке и в чёрных кисах с орнаментами. По всей тундре люди знали о том, что у Нидейко в чуме есть две сестры, которые родили по ребенку от внебрачных связей. Но это были большие мастерицы по пошиву любой мужской и женской одежды, и потому их единственный брат Нидейко всегда был одет в красивые добротные одежды, хотя оленей у них было чуть больше сотни и едва хватало на жизнь.

Приезжие мужчины и женщины сначала вошли в чум Тако Сусоя, которого люди тундры уважали за его кроткий нрав, спокойный характер. Из соседних чумов пришли почти все взрослые. Хозяйке чума Мелне пришлось ставить чай и угощение. Так принято в тундре.

Её дочка, старая дева Неко, быстро затопила железную печку, на перекладыни над печкой положила большой кусок свежемороженого оленьего мяса, стала готовить стол. Гости шумно разговаривали, делились впечатлениями от встреч в посёлке, куда ездили на собрание, за продуктами и по другим делам, шутили, о чем-то спрашивали друг друга, смеялись.

Чум был заполнен до отказа, люди сидели на постели, у священного симзы, а многие сидели по ту сторону печки прямо на дровах. Нидейко сидел подальше от места хозяина. На столе появилась бутылка водки, которую распили по-ненецки: стопку наполняли и пускали по направлению солнца, передавая друг другу после того, как она снова наполнится водкой из рук пожилого мужчины Тако, закусили вкуснейшим мясом, потом одна бутылка стала сменять другую. Многие мужчины и женщины опьянели и стали петь свои пьяные песни.

Нидейко пил наравне со всеми, но контроля над собой не терял. Он ждал того момента, когда можно будет встать, выйти и зайти в любой следующий чум. Он ни на минуту не забывал о своей тайной мечте – увидеть любимую женщину в крайнем чуме...

Уже все в стойбище знали о том, что старый Лани сегодня утром уехал на ту сторону Тазовской губы проверить свои сети и поставить новые на осетра и, возможно, приедет только завтра. Как только мужчины стойбища опьянели, Нидейко вышел и зашёл в следующий ближний чум. Там были только женщины и дети. Поделившись новостями из посёлка, Нидейко направился в чум Сусоя.

Полярная ночь наступает быстро. Он вошёл в чум, где был полумрак. Постояв немного у входа, прошёл на мужскую половину и сел на постель, застланную теплыми ягушками. В чуме были Сэрне, Саване и два мальчика, которые обрадовались появлению старого знакомого.

– Чай будешь пить? – спросила гостя Саване.

– Чаю-то с удовольствием попью, – с улыбкой произнёс Нидейко, а сам невольно посмотрел в женскую половину чума, где сидела и что-то шила Сэрне. В полумраке чума Нидейко увидел, как радостно сверкнули большие лучистые глаза его любимой.

Постепенно в чум стали заходить мужчины, а потом и женщины из того чума, где были все гости, чувствуя, что и здесь может продолжиться выпивка. Когда Саване поставила столик перед гостями, Нидейко вытащил из кармана бутылку водки и, налив себе первую стопку, выпил. Вторую стопку он подал Саване, которая только поднесла к губам и вернула ему. Потом стопка пошла по кругу. Наконец Нидейко с удовольствием налил полную стопку и подал Сэрне, которая немного выпила.

Молодой человек вынул уже вторую бутылку из другого кармана. Угощение шло полным ходом. Люди шутили, смеялись, кто-то уже запел свою песню, кто-то выяснял отношения друг с другом, кто-то спорил...

Саване, чувствуя, что мало кто обращает внимание на неё, время от времени смотрела на Нидейко и ждала от него каких-то знаков внимания, но он поддерживал общий разговор,

делясь впечатлениями от поездки в посёлок. Он не был сильно пьяным, но только мысленно повторял про себя: «Сегодня и только сегодня я должен решить, как быть дальше! Как дать Сэрне понять, что ночью могу увезти ее навсегда к себе. А что скажет она? Как поступит? Согласится ли на мое предложение? Смогу ли уговорить увезти её в свой чум?...»

Девушка зажгла керосиновую лампу, и Нидейко увидел, что лицо Сэрне стало розовым, глаза блестели необыкновенным огнём, она изредка посматривала на своего возлюбленного и не могла понять знаков, которые он незаметно подавал взглядом, чтобы она вышла на улицу.

Саване тем временем угощала гостей, кормила своих братьев, которые слушали песни пьяных людей. Зашли ещё две женщины из соседнего чума, но они не пили. Тихо сидели по ту сторону печки, пока не освободились чайные чашки. Саване налила им горячего чаю, нарезала снова хлеба.

Потихоньку Сэрне вышла на улицу, через какое-то время незаметно выскользнул и Нидейко. Там, на другой стороне чума, за большой грузовой нартой, Сэрне ждала юношу, и когда он подошел к ней, то со слезами кинулась к нему на шею, крепко обняла и стала причитать:

– Я давно хотела видеть тебя. Я не хочу жить без тебя. Каждую ночь мне снятся твои ласки, объятия, наша любовь... Неужели мы никогда не будем вместе?

– Успокойся, я увезу тебя к себе. Мы будем жить вместе, любить друг друга всю жизнь. Пусть все отвернутся от нас, мы поставим свой чум, наживем оленей и уедем далеко-далеко, в Ямальскую тундру, где никто нас не знает. Вот увидишь, все будет хорошо... А может, сегодня взять и увезти тебя с собой, а? Думай, решай, я готов увезти тебя на край света...

В это время из чума вышла Саване и сначала не поняла, чьи это голоса за нартой. Прислушалась, возглас удивления чуть не вырвался из ее уст, но вовремя сдержалась и взволнованно произнесла про себя:

«Это же моя мама и Нидейко! Как так? Что с ними случилось? Неужели такое возможно? Неужели они связаны и что-то надумали? А как папа? Что она думает, старая женщина? Может, мне показалось...»

Глава 3. Саване в недоумении

Девушка хотела зайти в чум, но задержалась и теперь ясно слышала, о чём говорят её мать и Нидейко. Удивлённая, она стояла около чума как вкопанная, и мысли бешено стучали в голове одна за другой: «Ну и дела... Но как быть мне? А что будет с отцом? С братьями? О чём думает бесстыдница, такая взрослая женщина?! Бросить семью, детей, мужа? Что же делать?»

От этих страшных мыслей Саване разволновалась так, что заболела голова, она не знала, как поступить. Вернулась в свой чум и стала лихорадочно думать, как помешать тому, что могло случиться, что сделать, чтобы мать не сбежала с молодым человеком. Но кому сказать об этом?

Мысли путались в голове Саване: «Позор-то какой! И это моя мать? Как могла она обманывать отца? А какой он хитрец, этот Нидейко! А я думала, надеялась, ждала... Выйти к ним и устроить скандал? Пристыдить мать? Нужно что-то придумать. Немедленно! Сейчас! Может, сообщить им о том, что я знаю их планы? Как предотвратить происходящее? Что будет с семьёй, отцом? Я должна что-то сделать, чтобы такой позор не упал на нашу семью, на седую голову и честь моего отца!»

Представление о тайной связи матери с Нидейко занозой засело у Саване в душе. Ее злило, что юноша, на котором останавливались ее взгляды с тем порывом, который порождает первую пылкую любовь, не выказывает ей свое внимание и обожание.

Девушка машинально стала убирать со стола, уже не обращая внимания на разговоры и песни пьяных мужчин и женщин, перекладывать какие-то предметы на столе. Больше всего ее жгла обида: Нидейко пренебрег ею, молодой, красивой и богатой девушкой. Она вспомнила, что Нидейко Лапсуй давно стал наведываться к ним в стойбище, время от времени заходил в их чум, пил чай, а один раз он даже остался ночевать из-за дальней дороги, а утром поехал на ту сторону моря, поменяв оленей.

Тогда ничего такого Саване не заметила, только насторожило то, что он не обращает на нее, Саване, никакого

внимания, а отделяется общими разговорами. Саване давно мечтала о том, что он когда-нибудь обратит на нее внимание и, может быть, даже пришлет сватов... Ведь в тундре считали, что Нидейко ездит в стойбище Лани Сусоя потому, что там красивая и трудолюбивая Саване...

А буран тем временем всё усиливался. В чум зашла Сэрне, вся покрасневшая, взволнованная. Она постояла, потом села на постель и снова встала, пытаясь найти какое-нибудь дело по хозяйству. Но всё было на месте, и она снова села на постель, но о чём-то лихорадочно думала и прятала глаза от дочери. На другой стороне чума, за печкой, тихо уснули две соседки-старухи.

– Что с тобой, мама, почему ты долго была на улице? – осторожно спросила Саване, а сама не отводила от неё взгляда и еле сдерживалась, чтобы не наругать и не накричать.

– Да... распаковалась грузовая нарта, вот я и прибирала все, а потом сходила к соседям, поговорила... Ветер усилился, начинается буран, и я решила укрепить все верёвки на нартах... – глядя под ноги и опустив глаза, проговорила Сэрне, а сама прошла на ту сторону чума и обратно, как будто что-то искала.

Саване села на свою половину и, делая вид, что копается в своей туче со швейными принадлежностями, незаметно наблюдала за матерью.

– Могла бы и меня позвать, – еле сдерживая негодование, как можно спокойнее сказала дочь матери.

– Сама управилась, мне это не трудно. Может, еще на сундук шкуру привяжу, чтобы собаки не вытащили продукты, а то он поломанный... – с заметной дрожью в голосе проговорила мать.

– Ты сиди, не утруждай себя. Это могу сделать и я! Заодно вытащу из нарты и занесу еще две буханки хлеба, ведь неизвестно, сколько продлится буран... – сказала Саване.

Она быстро встала, отряхнула подол ягушки и вышла на улицу. Нидейко тем временем ходил по стойбищу и дошел до чума, куда постепенно уходили мужчины, а вслед за ними женщины и дети. Все упряжки были привязаны к нартам, ещё никто не уезжал, северный ветер набирал силу, и буран усиливался.

...Саване не могла найти себе места. Она пыталась взяться за разделку ног оленя, которого забили два дня назад, но руки не слушались ее, она закрыла их сырой мерзлой шкурой и снова вышла на улицу. Ветер кружил снег, который моментально застилал всё: нарты, дрова – кучу ольховника, собак, которые прятались под нартами. Видимость была плохая. Саване с трудом различала силуэты упряжек, которые ждали своих хозяев. Горькие думы не покидали её, но она не знала, что делать, как быть.

«Что же такое сделать, чтобы она не убежала с ним? Может быть, все обойдется? Что будет с нашей семьей, с братьями? Это такой позор на всю тундру! Нет, надо что-то делать! Я должна сделать все, чтобы не пал позор на седую голову моего отца!» – твердила про себя Саване и не решалась войти в чум, потому что боялась открыться в том, что подслушала разговор матери с Нидейко и знает их планы. Саване не могла устроить скандал, ведь это была её мать.

В тундре мало кто из детей осмелится поднять голос на родителей. Но найти выход из создавшегося положения она тоже не могла. Саване даже боялась зайти в соседний чум, потому что они могли уехать в любую минуту. Может быть, у них есть договорённость выйти на улицу по сигналу, известному только им двоим? Но как узнать?

Глава 4. Подмена

Была уже глубокая ночь, когда из крайнего чума вышел Нидейко, который пошел к упряжкам и остановился, увидев в темноте около чума Сусоя одинокую фигуру женщины, которая так напоминала знакомый образ любимой. Он махнул рукой, как бы звал к себе. Женщина напрямик направилась к мужчине, который держал за вожжи своего передового оленя, чтобы отъехать.

Сердце Нидейко наполнилось тревогой и радостью: «Она решила, я увезу ее сейчас к себе. Нас никто не догонит! Мои олени будут мчаться быстрее ветра! Нигде не остановлюсь, буду гнать своих оленей, пока не окажусь в своем чуме, а там уже все, сестер поставлю перед фактом – она будет моей женой...»

Женщина была в шапке, надвинутой на лоб, в правой руке держала мешочек. Быстрым шагом подошла к его упряжке, молча села на край нарты. Нидейко быстро вскочил на нарту и помчался на своих оленях в снежную пургу...

«Она даже тучу успела схватить! Я знал, что сегодня она решится!» – мысленно ликовал Нидейко, а сам гнал хореем свою упряжку изо всех сил, боясь даже оглянуться. Была глубокая темная ночь, буран мешал найти дорогу, но Нидейко гнал и гнал своих оленей и, как любой ненец в тундре, безошибочно мчался по направлению к своему стойбищу, решил нигде не останавливаться: вдруг кто-то спохватится в стойбище, там есть запряженные упряжки, догонят, найдут и вернут. «Вот будет позор, если поймают! Надо успеть до утра. Скорее в свой чум...»

Он был так взволнован, что забыл о том, что мужчины в стойбище уже все пьяные, а мужа Сэрне нет в чуме, некому их догонять... Олени устали, но Нидейко гнал и гнал их. Он был счастлив: наконец-то привезет ее, свою любимую, в свой чум. Он ни разу не остановился в пути. Свежий морозный ветер в своем стремительном полете хлестал их, уносил все дальше и дальше по заснеженной тундре...

Вскоре они прибыли в стойбище из трех чумов. Олени были на последнем дыхании, когда остановились у чума. Нидейко, соскочив с нарты, привязал к ней передового оленя. Буран и черная ночь не дали никому в стойбище проснуться. Они быстро вошли в чум. Ни одна из сестер Нидейко не поднялась с постели, чтобы затопить печку. Сильный ветер и буран усыпили даже собак, и ни одна из них не лаяла, не услышала даже шелеста упряжки, не вышла из чума...

В чуме было темно. Тихо отряхнув свои одежды, усталые мужчина и женщина свалились на ту половину постели, где обычно спал Нидейко. Женщина легла в своей ягушке с краю и некоторое время лежала на боку, глядя в его сторону в кромешной темноте чума. Нидейко властно притянул ее под свою ночную ягушку, порывисто прижал к себе, понюхал ее волосы, лицо и страстно поцеловал в губы.

Никакие слова не могли выразить и передать того состояния восторга, что они теперь навеки будут вместе, и те

чувства, которые овладели ими, когда они оказались под одной ягушкой.

Нидейко был разгорячен, взволнован, и еще действовала огненная вода, выпитая в соседнем стойбище. Он обнял разгоряченное тело своей желанной женщины, которое пахло дурманящими запахами тундры и в то же время какой-то свежестью, так что у него слегка закружилась голова, еще крепче прижал ее к себе. Слова были лишними...

Он целовал, обнимал ее гибкое тело, ласкал ее упругие груди, задыхался от свежести ее горячего дыхания... Она покорно позволяла ему делать то, что хотелось, потому что сама давно мечтала об этом... Он сгорал от желания, а она тянула удовольствие от его ласки, чуть-чуть напрягалась, словно чего-то боялась.

Тундровик без промедления открыл ей свою страсть, и она также почувствовала необоримое влечение к нему. В какой-то миг ему показалось, что любимая чуть слышно застонала. Их тела сплелись в единое целое, и казалось, что уже никакие силы не разделят их, не разлучат во веки веков...

Утомленные, в объятиях друг друга мужчина и женщина уснули крепким сном.

Наступило утро. В чума стало светать, когда старшая сестра Нидейко, пожилая полная женщина Вэване, тихонько встала и вышла на улицу. Там, недалеко от чума, стояла одинокая упряжка брата, который, видимо, приехал ночью. Привязанные к нарте олени лежали и мирно спали.

«Что же он не разбудил нас, лег без чая?» – с досадой подумала Вэване.

Она вошла в чум, вытащила спички, зажгла керосиновую лампу, затопила печку, поставила на нее большой чайник.

Вдруг увидела, что на постели брата спят два человека, вернее, на подушках виднелись две головы: Нидейко и какой-то женщины.

Вэване подошла к постели своей сестры Халне, которая спала со своим ребенком справа от постели Нидейко, осторожно тронула ее за плечо и, приложив палец к губам, прошептала:

«Вставай, нам привезли новую хозяйку. Кто же это, потвоему? Вставай и смотри».

Халне села на постели и долго сонными глазами смотрела на ту половину чума, где брат Нидейко и незнакомая женщина спали под одной ягушкой. Халне вышла на улицу, вскоре зашла в чум и сказала: «Надо радоваться, если брат надумал жениться. Нам будет подмога, а у него жена!»

Когда женщины сели за общий стол на стороне Вэване и стали пить чай, на той стороне чума быстро встала женщина и вышла на улицу. Она долго отсутствовала, потом вошла в чум, в котором было тепло от горячей печки, тихо прошла на ту же сторону, села на пол лицом к печке, а спиной к постели, где все еще спал Нидейко, смущенно смотрела куда-то мимо печки.

– Наш брат сделал свой выбор. Он привез себе хорошую жену! – глядя на молодую женщину, проговорила Вэване.

В тундре почти все люди знают друг друга. Сестры Нидейко сразу же узнали красавицу Саване, дочку Лани Сусоя.

– Они молодые, все решили сами, раз он сразу привез ее в свой чум! Так угодно Нуму, – тихо сказала вторая сестра, допивая чай из блюдца.

Нидейко, проснувшись, не сразу понял, где находится. Вдруг вспомнил бурную ночь, проведенную с любимой женщиной, и спохватился оттого, что ее не было рядом под его ночной ягушкой. Он повернулся на тот бок, где должна была быть она, но ее не было. Тогда он полежал и сел на постели, протирая сонные глаза, пытаясь разглядеть ее в полумраке чума. На полу лицом к печке, спиной к нему сидела она. Сидела, подогнув одну ногу под другую, а по ее красивой ягушке свисали две длинные черные косы...

Нидейко смущенно надел свою малицу, встал и вышел из чума. На улице был ясный день, легкий морозец. Он ушел далеко от чума и медленно возвращался назад.

«Как хорошо, что все получилось. Она теперь будет моей женой! Но как примут ее мои сестры?» – думал про себя Нидейко. Он не думал о том, что будет с ее мужем и детьми. Он жил только тем, что хотел жить с ней, любить. Все остальные вопросы он старался мысленно отогнать от себя. Главное – он решился, а она согласилась на побег с ним! Она – его жена!

Он шел спокойным шагом обратно в чум, чувство радости и счастья вселилось в его душу окончательно. Нидейко

уверенно вошел в свое жилище, огонь в котором она будет поддерживать всегда, всю жизнь...

Прошел и сел на свою постель, скрестив ноги, чтобы поставили столик. Молча ждал, когда новая хозяйка поставит чашки и нальет чаю.

Он потянулся к чашке чая, налитого из чайника рукой любимой, и вдруг посмотрел на женщину, которой предстояло всю жизнь ухаживать за ним, и тут его обдало, как кипятком: рядом с ним сидела женщина, но не Сэрне! Это была Саване! Дочь Сусоя!

От неожиданности и удивления Нидейко отпрянул от стола, еще раз посмотрел на женщину и онемел: перед ним действительно сидела и спокойно пила чай Саване!

– Брат, как хорошо, что привез себе жену. Теперь будет кому ухаживать за тобой. Мы рады: ты привез себе жену – хорошую мастерицу, – сказала младшая сестра Нидейко.

– Эта девушка из хорошей семьи. Если даже ты, брат, поступил по древним обычаям предков – украл ее, то это тоже неплохо. А с приданым и ее родителями будет все, думаю, нормально. Со временем ее отец согласится на вашу свадьбу. Главное – у тебя есть жена! – добавила Вэване, продолжая убирать посуду со стола.

Нидейко не понимал того, что же такое случилось с ним. «Как могло это случиться? Почему здесь не Сэрне, а ее дочь Саване? Зачем нужна мне Саване? Вот это да! Как же так вышло? Я же увозил женщину, которую люблю и которую хочу видеть рядом с собой всю жизнь!

Почему Саване? Зачем она мне? Что теперь делать с ней? Сестры уже признали ее моей женой... Везти ее обратно? А как же ночь, проведенная с ней? А что скажет ее отец, когда узнает? А как Сэрне? Как она перенесет такое дело? Я так люблю и хочу только ее! Зачем мне эта девушка? Впрочем, она... она... теперь уже не девушка... Надо что-то делать, принять какое-то решение», – думал Нидейко. В голове у него царил хаос...

Медленно, очень медленно старался вспомнить и выстроить по порядку вчерашние события. Он мысленно видел перед собой Сэрне, слышал ее ласковый и нежный голос. Он не знал,

что думать о Саване. Как, впрочем, и о себе... Он мучительно искал выход из создавшегося положения, не стал пить чай, а быстро выскочил на улицу, чуть не перевернув маленький столик с чашками.

Нидейко всеми силами старался сохранить спокойствие и боролся с волнением, которое распирало его изнутри и вызывало головокружение. Душили слезы: его любовь не нашла ответа, а желания были обмануты. Он чувствовал, как обида теснит грудь, как она подбирается к горлу и застревает в нем, как рыба кость, которую и не вытащишь, и не проглотишь. Он явно пал духом. Обычная его энергия иссякла, уступив место ощущению бессилия.

Его долгое отсутствие в чуме не смутило женщин, которые спокойно собирались надеть свои теплые ягушки, завязать пояса и выйти на улицу. К стойбищу подходило большое стадо оленей, уже ручные олени – авки топтались у входа в чум и надеялись получить из рук хозяек или детей лакомства – маленькие кусочки хлеба. Два мальчика, дети сестер Нидейко, вышли на улицу.

Саване, немного смущённая оттого, что Нидейко, может быть, понял её тайну, тоже оделась, сделала мир, завязала пояс и вышла на улицу. Все люди стойбища были на улице. Мужчины держали арканы, женщины расправляли длинные верёвки, с помощью которых помогали загонять быков в загон. Без удержу, на все лады лаяли собаки. Многотысячное стадо оленей кружилось вокруг стойбища.

Люди, увидев Саване, которая взяла конец длинной веревки, чтобы помогать женщинам, восприняли ее появление спокойно, как само собой разумеющееся: кто-то просто посмотрел на неё, а две женщины добродушно улыбнулись.

Нидейко, придя в себя, быстро схватил свой аркан и пошёл к группе мужчин, которые встали в полукруг и выполняли свою ежедневную работу: загоняли быков, отлавливали ездовых оленей для поездок по своим неотложным делам...

НЕРЯХИНА

Любовь Константиновна
(литературный псевдоним -
Любовь СОКОЛ) – прозаик.
Член Союза российских
писателей с 2005 года.

Родилась 27 февраля 1949 года в городе Усть-Катав Челябинской области. Работала токарем, воспитателем в детском саду, библиотекарем, одновременно занимаясь творчеством. Стихи, зарисовки и статьи печатались в периодических изданиях. Знаковыми в творческой биографии автора стали рассказ «Аннушка» о судьбе молодой женщины и роман «От судьбы не уйдешь». Всего Л. Неряхина написала около трех десятков прозаических произведений, в том числе роман «Пропать» и повесть «Господи, помоги», посвященные проблемам наркомании. Стипендиат Министерства культуры Российской Федерации 2014 года. С 1997 года живёт в посёлке Салым Нефтеюганского района (ХМАО), возглавляет региональное литературное объединение «Озарение».

АННУШКА

рассказ

Аня с детства была непоседой. Даже юность, стремительно ворвавшаяся в жизнь, не изменила её – она оставалась такой же шумной, весёлой, всегда была впереди, и этим выделялась среди своих более тихих подруг. Кавалеров у неё было не счесть. Но никого она до той поры не любила – просто издевалась над ними, шутила, смеялась... Они бесились, дрались из-за неё, клялись в вечной любви, а она ещё больше смеялась над их страстной любовью.

Но вот появился он, и Аня сразу почувствовала ЭТО. Её сердечко, едва он вошёл (его поставили к ним на постой как командированного), сразу заныло, затрепетало. «Что это со мной?» – чувство, досель неизведанное, захлестнуло её, сладко ёкнуло сердце, жар полыхнул в щёки, а ноги, ноги будто одеревенели, стали слабыми, немощными. И сразу – нечем дышать, некуда деться, будто лишней вдруг стала в отцовском доме, да и дом, доселе казавшийся огромным, вмиг съёжился в её глазах – всё полонила фигура красавца, стоявшего у двери.

Высокий, широкоплечий. В глаза-то она стыдилась взглянуть, но лишь он вошёл, лишь подняла она на вошедшего взгляд – синью блеснули они, словно звёздочки в небе в морозную ночь, словно водная рябь на солнце. И синь эта вонзилась в сердце, заполонила душу, тысячью осколков разлетелась по жилам; забила, забурлила в них кровь, и сладким неслышным стоном вздохнула грудь – то душа приняла любовь. И не только приняла – рада была ей, несказанно рада.

Мужчина поклонился чуть-чуть, поздоровался со всеми – вольготно, широко, и тут же назвал себя:

– Павел, – улыбнулся. – Вот рекомендовали остановиться у вас, надеюсь, не стесню».

Эта простота, голос сильный, но ненавязчивый, мягкий, ещё больше раззадорили Аню – уж больно не похож он на других – на их парней, вроде, тоже простых, но не таких вот, да и только.

Родители тоже представились:

– Николай Евдокимович.

– А я Татьяна Михайловна. Проходите, проходите, милости просим!

Вспомнили и об Ане.

– А вот наша дочь, Анна, – сказал отец. И добавил: – Одна она у нас, Бог не дал больше детей.

И тут, уже открыто (а ведь тоже стеснялся), гость взглянул на Аню, и глядел-то, будто в глаза, но видел всю. И не укрылось от Ани, что у него блеснули глаза и скулы зарозовели – мужчины тоже умеют краснеть.

И пропала девка. Помнит, как ушла в свою комнату, что-то делала руками – поправляла шторку, переставляла в стенном шкафу книги, но это уже была не она, не та Аня, взбалмошная шалунья. Женщина проснулась в ней, трепетная и жадная, и ей самой было стыдно отчего-то – уж больно сильно бурлила кровь и стучало в висках, а глаза... Глаза видели одно, вернее, одного – красавца-мужчину, сильного, широкоплечего, и уже себя видели около него, горячую, живую. И опять: «О, Господи, я схожу с ума! Я схожу с ума!»

Молила об одном – чтоб никто не вошёл, не помешал ей – думать о нём, мечтать... Уже смелей мысли, уже сама смелей, а щёки горят и глаза горят. Млеют и горят. Знает она, и глаза, душа знает, что конец ей, пропала она – вон, за стеной шаги – тоже ходит, те же виденья видит, в тех же сладких грёзах витает. Ох уж эта молодость! Кто ж не был молодым, кто же не знает, кто ж не любил, кто ж не ведаёт – как сладка эта тоска, как сладки вздохи её. И хоть порой невыносимы они, а вот не спешим расставаться с ними – уж больно они сладки!

* * *

Так прошёл день. Как нарочно, у Анны был выходной. Павел два раза куда-то выходил – видимо, устраиваться, принимать свои владения (он агроном). Аня, провожая каждую минутку и моля, чтоб он скорей пришёл, задыхалась, едва он входил. Сразу тесно становилось в доме. И не только в доме – душа её сжималась, куда-то ухало сердце, и в эти минуты она боялась одного – как бы он не окликнул её, о чём-то не спросил. Боялась себя Аня, выдать себя боялась. И он, видимо, чувствовал это – ни разу не окликнул, не позвал.

Наконец-то пришли родители. Оба работали на ферме, выращивая для города поросят, поэтому уходили и приходили вместе. С их приходом чуть-чуть легче стало дышать – словно раздвинулся дом и воздух стал чище.

И вот ужин. Как хотелось Ане попросить мать накрыть на стол, и как ругала она себя, что сама когда-то напросилась на эту обязанность. Сейчас бы сидела преспокойно за столом, а то приходится суетиться, накрывать. Благо, Павла не было за столом – он ещё не вышел из своей комнаты. Скорей бы уж накрыть и сесть, вжаться в стол. Но не успела...

Аня собиралась выходить из кухни с разносом для чая, а Павел шёл вымыть руки. Шторы были опущены, они не видели друг друга, потому столкнулись в дверях. О, что это был за миг! Враз обдало жаром, враз – глаза в глаза, испуг в испуг, сердце в сердце. А вот и слова: «Какая ты!» – восторг, любование в этих словах, и опять восторг.

Слова пронзили насквозь, заштормили Аню, дух вылетел вон – и сил нет держать разнос. Подкосились ноги, ослабли руки, мелкий пот выступил на лбу. Прислонилась к косяку, сил нет идти, да и страшно – увидят, увидят же там, за столом чувства её. А он, будто ничего не произошло, шумно моется, и чувствует она – весело ему, тревожно, но весело.

Собралась с силами и стояла-то секунды, а будто час, будто прикипела к месту. Вышла из кухни, прошествовала к столу, неся вместе с чашками на разносе любовь, и не столь боясь чашки разбить, сколь любовь расплескать, развеять – так сказочно новым, сказочно прекрасным было чувство её.

Не укрылось это от матери. Какая ж мать не знает своё дитя, особо дочь, какая ж мать не заметит перемены в дочери и не вздохнёт украдкой или даже вслух – вот и моя созрела, вот и моя скоро покинет меня. Залюбовалась дочерью: глаза, что омут – то синь, то зелень в них, а стать-то, стать-то – истинно красавица!

А вот и квартирант вышел из кухни, румяный, свежий, бодрость в глазах, очарованьем горят глаза, нескрываемым очарованием.

Засуетился, завозился отец – и у того заскребло, запало сердце, и, кто знает, не покаялся ли он, что пригласил этого красавца на постой.

Чай пили молча. Но вот, словно спохватившись – что это я? – тишину нарушил хозяин дома.

– И надолго к нам?

Запрыгало, затрепетало девичье сердце, уж ждёт ответа и боится его.

– Да так-то на лето. А там посмотрим.

Глаза квартиранта нашли Аню, кольнули страстью, обволокли, и уж нет Ани, пропала девчонка, бежать хочется из-за стола. Невыносимо ей, чувства просятся наружу, кажется, вот-вот и разорвёт её – так бурлит, клокочет кровь. Кое-как вынесла муку, отсидела чаепитие, а пила или нет, не спрашивай – не до чая ей. На простор бы скорее, на воздух, отдышаться, отпахнуть, под ветер подставить лицо, чтоб обдало ветерком, уняло кровь, а там уж и подумать, как дальше жить.

* * *

Мать с отцом уже спали (а спали ли?), но Аня не спала. И не только не спала, чувствовала, Павел не спит тоже. Сто раз за ночь он выходил курить, и каждый раз подмывало выйти следом, и каждый раз она насиловала себя, заставляя лежать. Он заходил назад, и душа немного успокаивалась, замирала. Но проходило пять-десять минут, он выходил из комнаты снова, стараясь не шуметь, не разбудить спящих (только кого, а?), шёл к двери, на ходу доставая сигареты, шуршал спичками, и она знала: не терпится ему – закурить, скорее закурить, унять сердце, унять кровь. И всякий раз радостной волной обдавало Аню, чувствовала она – вот-вот что-то произойдёт, что-то случится, и уже готовила себя к этому. Она и теперь, хоть и пугалась этого, но внутренне ждала: а вдруг позовёт её, и, не узнавая и уже боясь себя – а ведь пойдут! Ей Богу пойдут!

Но он не позвал её в эту ночь...

* * *

Всю ночь промучилась Аня. Наутро встала с головной болью. Слава Богу – хоть этот день рабочий! Из дома вышла последней. Павел ушел ни свет ни заря, потом убежали родители, а вот и ей пора. Скорее в теплицу, к своим огурцам: рыхлить, поливать, к своим подругам – забыться в них, в их

радостях и бедах. Но, как ни настраивала себя Аня, как ни подбадривала себя, не укрылось от подруг настроение её.

– Ты что, Ань? Вроде не та? – участливо спросила её напарница Валя, спокойная и тихая девушка, с которой можно помечтать, поговорить о чём-то хорошем, но которая, как казалось Ане, в житейских делах была не очень сильна (а сама-то сильна?).

– Будешь тут той. Такого красавца на постой кинули, – тут же поддала жару Ирка, румяная, розовощёкая разведёнка – молодуха, вечно подтрунивавшая над всеми. Уж она-то знала толк в таких делах. Уж от неё-то не укроешь ничего.

Усмехнулась, подмигнула, заалелась вся:

– Гляжу, – с магазина шла – что за чудо на меня прёт, аж проняло всю. «Здрате!» – ему, он: «Здравствуйте!» А глазищами-то зырк на меня. Ну и туз, я вам скажу! Вот бы мне его на постой, уж я бы ублажила его, ох, и ублажила!

– Да уж бы ублажила, – как в забытьи, эхом отозвалась Аня и тут же вскинулась – да ну их, ещё заподозрят чего! – Давайте работать! Хватит трепаться.

Но не обманешь Ирку. Валю ещё можно, неискушённая она в таких делах, ибо очень молода, а Ирку? – ну, нет, та видит насквозь.

– Зацепил? – усмехнувшись, качнула головой. И тут же, сладко потягиваясь, томно поводя глазами: – Такой-то, да чтоб не зацепил? Ух ты!

И заревновала Анька, забоялась её душа. «Да, Ирке в лапы попадись, не вырвешься». И тут же, не узнавая и уже пугаясь себя: «А я хуже?» – замлела грудь, жаром обдало ноги, увидела его пред собой, сильного, могучего, и уж потянулась к нему, страстью обволокло – нет, никому не отдам! Никому, слышишь?!

А Ирка не отступала.

– Ну, что, зацепил, али как?

– Зацепил, зацепил, Ирочка, – спокойно ответила Аня, и как-то легко стало на душе – видимо, наконец-то там утвердилась, осела любовь.

Вечером Павла долго не было. Каждые пять минут подбегала Анютка к окну. И мать, видя её нетерпение, только и сказала:

– Эх, девка!

Она поняла свою дочь, поняла, что должно случиться в эту ночь.

Как же благодарна Аня матери за то, что та не осудила её, не предостерегла. Ведь останови она её – не было б этой любви, она утасла б, разбилась о затор боязни, страха перед будущим. Только потом, когда сама стала матерью, Анна поняла, каких сил стоило тогда матери не вмешаться, самой толкнуть дочь в объятия почти незнакомого человека. Видимо, хорошо знала мать людей – она почувствовала его боль, его тоску, а может, боялась – боялась вспугнуть любовь, потому не заслонила свою дочь от того, чего той больше всего хотелось, что было уже сильнее её. И мать отдала свою дочь на волю судьбы.

* * *

И вот Аня бежит по полю, бежит и бежит, и если б кто остановил её и спросил: «Куда ты?» – она б смешалась, не зная, что ответить. Она уже задыхалась без него, неведомая сила гнала её из дома, и теперь эта же сила тянула к реке – только там он может быть сейчас! Только там!

И Аня не ошиблась. Только что умывшийся, а оттого свежий и бодрый, Павел шёл от реки, вытирая лицо большим носовым платком. И таким родным, таким несказанно родным показался он ей, что она, не раздумывая, с ходу просто вцепилась, впелелась в него и боялась пошевелиться, чтобы не нарушить этого счастья.

А вот и его слова: «Анютка! Моя Анютка! Пришла! Родная моя!» – и больше не надо слов, остальное скажут глаза. Если любят, глаза не могут лгать, остальное скажут губы – и они истосковались без любви, трепетные, жадные, они скажут больше ста, тысячи слов.

И она уже на руках, сильных, могучих, и он целует её, а сам всё убыстряет шаги – страсть кипит в нём, вот уж рядом лесок, а там шелковистая трава – мурава, словно созданная дать приют первой нежной любви.

Он бережно кладёт её на траву, наклоняется над нею, касается губами шеи, лица, а страсть всё сильнее – пленят девичьи губы, толчками дышит её грудь, и вся она льнёт,

тянется к нему, и сил нет противиться любви, противостоять ей, да и надо ли. «Ничего не бойся, только ничего не бойся», – шепчут в полузабытьи его губы, а руки ласкают её, и сил нет оторвать их, как сил нет разомкнуть эти объятия.

* * *

Когда наутро, счастливые и виноватые, они зашли в дом, мать только вздохнула:

– Доченька! – и в том возгласе и любовь, и расставание.

А Павел, чтобы сразу всё стало на свои места и чтобы заслонить Аню от ненужных и, быть может, обидных слов, посмотрел на мать и сказал:

– Всё хорошо, мама.

Никогда у него не было матери, рос он в детском доме, и, видимо, тепло, что таили эти удивительно женские материнские глаза, притянуло его. А может, боязнь за их любовь, а скорее, всё враз, но слово «мама» вышло из его уст мягко, легко, и сразу не надо других слов – это слово породило их, связало навек.

* * *

Видимо, долго молил Павел Бога, видимо, страстно желал обрести свой дом, семью, и Бог услышал его. А что? Если человек честен, если помыслы его чисты, если он молит не о славе и деньгах, а о том, что есть почти у всех, хоть и не каждый сознаёт это, что иной и не ценит вовсе – о доме, матери, отце; о том, чтобы прижаться б в печали аль в радости к материнской груди (во сне часто видел это), оладий бы поест, испечённых её руками, или с отцом на речку аль в лес – куда угодно, только б чувствовать рядом мужчину, отца, надыхаться б им. Он даже рад был в своих мечтах какому старичку, старушке – пусть не они, он поможет им, но тепло, родное тепло – вот чего не хватало ему, вот чего жаждала его душа.

И как же он был счастлив теперь! Наконец-то он обрёл то, о чём столько лет мечтал. Даже больше – ведь кроме родителей он обрёл жену. И как же ему было жаль тех, кто, вроде желая куснуть, унижить его, кричали порой вслед:

– Примак!

Или:

– К бабе в дом пошёл!

Ему этот «примак» был милее всего. «Да, примак, – соглашался в душе он с ними и тут же вроде урезонивал их, – только ведь и в примак-то не всех берут, это ж надо заслужить». Но как же ему было тепло и радостно, прямо сердце сжималось, когда один раз, услышав невзначай это слово, отец, усмехнувшись, бросил:

– Чудной народ! Вроде умные, книжки читают, а того не поймут, что каждое слово по-разному можно сказать, как и по-разному принять. – Опять усмехнулся, этак с любовью посмотрел на Павла и добавил: – От человека зависит, всё от человека.

И тут же, без перехода:

– Пошли, сынок, чай пить. Мать, видать, заждалась, да и твоя тоже.

И в тысячный раз возблагодарил Павел судьбу – за людей, что дала ему, за дом, что принял его, за Аннушку свою.

И невдомёк было ему (хотя, может, и он понимал), что родители не меньше были рады ему. Особо отец. Какой же мужик не мечтает о сыне, какой же не хочет видеть рядом мальчишку, парня, а потом мужчину. Бабы, они и есть бабы, у них своё, мужик – сосед и мужик – друг хорошо, но не то. А когда рядом твой, несказанно родной и близкий человек, и это мужчина, это сын – как тут не восторгнуться душе, как не запеть ей каждой стрункой, как не зарадоваться, не залюбоваться на мир и как не расправить плечи и ещё страстней захотеть жить – для него, для сына.

И мать была несказанно рада. Рада за отца – ведь он так хотел сына, хоть не говорил, не корил её, но видела она – страшно хотел. Рада за себя – и ей приятно иметь такого сына, и тысячу раз рада за дочь – и та обрела мужа, лучше и добрее которого нет на свете.

Ведь кто вырастает в детдоме? Или озлобленный и исковерканный в судьбе человек – если в доме том царит атмосфера ханжества, ненависти, корысти – тут уж, как ни крутись, хорошим не станешь; или добрейший, с душой, не только ждущей тепла, но и жаждущей делиться теплом – если в детдоме всё построено на добре. Пусть трудно, обидно,

больно, но ты видишь добро, видишь глаза, что сочувствуют тебе, слова слышишь, что заставляют думать, понимать, постоянно чувствуешь, что ты нужен, что болеют за тебя – из такого детдома обычно выходят полноценные люди, с крепкими нервами и кристально чистой душой.

Павлу повезло – именно в таком детдоме рос он, и пусть не очень был сыт и в чём-то обделён – не обделён он был в самом главном – в нём видели человека и воспитывали человека, год за годом ведя по ступеням жизни, порой наказывая, порой хваля, но переживая за его судьбу, строя его судьбу.

И он стал человеком. Выучился. А чтобы выучиться, чтоб получить специальность, о какой мечтал с детства – выращивать хлеб, чтоб все дети, все люди были сыты, его устроили в город. Жил он те годы, что учился, у одной женщины, дальней родственницы его воспитателя, не очень доброй, но порядочной женщины, и ей он благодарен за то, что выдержала его (ей было трудно, ибо своих детей никогда не было, привыкла к покою, к тому же самолюбка). Она поняла, что от неё зависит судьба парня и что, раз просят за него, он стоит этого, и сначала приказывала себе быть добрее, снисходительнее к нему, а потом и приказывать не пришлось – привязалась к Павлу и уже сама участвовала в его жизни. И даже затосковала, когда он после окончания учёбы уехал в другой район.

Да, всё сложилось хорошо. Павел обрёл родителей, жену, а те, в свою очередь, сына, мужа. А уж как любил Павел свою Аннушку, не рассказать. Все свои нерастроченные чувства отдавал он ей, холил её, лелеял, не мог насмотреться на неё, не мог нарадоваться своему счастью. На работу уходил счастливый, а прибегал счастливый вдвойне. И только увидев свою ненаглядную, спешил навстречу, обнимал, целовал, если были одни, или просто прижимался на миг, если в доме был кто-то ещё.

А когда в одну из ночей Аня сказала ему, что у них будет малыш, он чуть не ошалел. Вскочил с постели, потом сел, закрыл руками лицо, и слёзы, потоки слёз полились из глаз – он плакал шумно, навзрыд. Испуганные родители прибежали в их спальню, а он им, сквозь слёзы, сквозь боль:

– У нас будет ребёнок!

И опять слёзы, но теперь радостные, счастливые. Сколько ж выстрадать тебе пришлось, сколько перемотаться, что даже в счастье своё не веришь. Нежностью, любовью, страданием занялись три души, и ещё роднее он стал им, а известие о том, что в этом доме скоро появится новое существо, ещё больше сплотило семью.

* * *

Так прошло три года.

В счастье время быстро летит. Да и девочка, родившаяся от этой любви и росшая непоседливым шаловливым ребёнком, скучать не давала. Аня сидела с нею только год, потом отдала в ясли, благо они были городу на зависть, да и от дома недалеко, и вернулась в свою бригаду.

Да, молодые были очень счастливы. Только замечал иногда Павел – будто пеленой оденет глаза жены, опустит она взгляд, вздохнёт с тоской и опять закроет глаза и чуть-чуть тряхнёт головой, как бы прогоняя видение, мучившее её.

– Что с тобой? – нежно заглядывал ей в глаза Павел.

– Ничего, – всякий раз отвечала жена, опять улыбаясь и опять ластясь. И он успокаивался – мало ли чего взбредёт в женскую голову.

Они уже ждали второго (конечно, сына), радоваться надо, а Ане эта беременность вроде не в радость. Тоска на сердце, и что ни день, то глуше. Чует сердце беду, да и только. И однажды ночью, прижавшись к мужу, забила, зашептала:

– Страшно мне отчего-то, родной, просто места себе не нахожу.

Павел, решив, что, как и всякая беременная женщина, жена боится родов, тут же успокоил её:

– Ничего, маленькая, первого родили, теперь легче будет.

Но не отходит боль от жены:

– Да не о том я. И не того боюсь. Просто томится сердце, да тоска всё сильнее, а отчего – неведомо.

Прижал к себе:

– Да что ты, что ты, родная! Всё будет хорошо, – а уж и самому передалась тоска, у самого сердце щемит, и ещё крепче сжал, теснее прижал, боясь упустить, потерять боясь.

Да, бабье сердце вещун. И радость, и боль чувствует оно. И не обмануть его, не уговорить, не убаюкать.

Аня уже была в декретном отпуске, сидела дома. Тут бы, кстати, мужнее внимание, а его нет и нет. Лето, страда, все дни то в поле, то в конторе – за хлеб борются. Иной раз придёт аж к ночи, весь разбитый, умоется, поужинает и готов. И как тут ругать, как сетовать, что скучно тебе – не на гулянье же был, на работе.

А в тот вечер она уж больно заскучала – нет сил сидеть дома, да и только. Встрепенулась – пойду встречать! – и не удержишь. Приласкала дочку, улыбнулась матери: «Я скоро, мама!» – накинула летнюю кофту и вон из дома. И надо же, всегда чувствовала его: где он, в каком настроении. Только подошла к конторе, а муж из неё.

А погода – просто благодать! Солнце на закат идёт, жара спала, воздух посвежел – ну как тут идти домой, когда хочется на простор: в поле или к речке, но чтобы побыть одним, надышаться, насладиться этой красотой, да друг на друга наглядеться. И Аня потащила мужа в поле – страшно захотелось набрать васильков, а они росли в поле, за переездом.

Они тихонько брели по укатанной машинами дороге, и уже подходили к переезду, когда их нагнал на мотоцикле бригадир Николай:

– Павел Андреевич, вас срочно к председателю. Там с района приехали.

Павел растерялся – не хотелось ему вот так, среди дороги оставлять жену. Но Аня его успокоила:

– Иди, иди, Паша. А я тут тебя подожду.

Тысячу раз будет проклинать себя Павел за тот миг. «Зачем оставил? Зачем ушёл, когда она шла к нему, и когда им было так хорошо вместе?» И тысячу раз отвечал себе же: «Но ведь надо ж было, надо».

Он сел на мотоцикл, а Аня, махнув ему рукой, пошла дальше – надо ж всё-таки набрать цветов. Подходя к переезду, услышала стук поезда, машинально взглянула на рельсы, и её сковал ужас – на рельсах сидел и с чем-то возился мальчуган лет пяти-шести, совершенно не чувствуя опасности. Видимо,

заигрался, лепечет что-то себе под нос, а страшное чудище вот-вот поглотит его.

Аня обезумела:

– Беги!

Мальчик оглянулся и увидел поезд, заметался в испуге, а она уже бежала к нему и молила об одном: успеть! Только успеть! Помнит одно: едва успев до поезда, вскочила на рельсы и просто столкнула, смахнула мальчишку с путей. Но вот как прыгала сама, или ж её просто сдуло ветром, этого она уже не ведала, скорее, она всё же успела сделать те два шага перед самым поездом, иначе б не осталась жива...

Павел нашёл жену на краю поля – видимо, сюда ещё доползла, а дальше сил не было. Она была без сознания, к тому же истекала кровью. Тут же отослал Николая, привёзшего его сюда, за машиной, а сам бросился помогать жене, ибо она, хоть и не помнила себя, рожала. Что случилось тут, он не ведал, так как мальчик в испуге удрал домой, а машинист, видя, что всё обошлось, не посчитал нужным остановиться, и от этого неведения Павлу было совсем невмоготу. Вновь и вновь ругал он себя за беспечность, с которой оставил жену одну посреди дороги.

На Анино счастье, вскоре подросли женщины. Они шли с тока, усталые и счастливые, ибо закончили свою работу и теперь могут отдохнуть, а тут им навстречу Николай.

– Туда! Скорее! – в глазах беда, рукой махнул назад и ещё сильнее понёсся по дороге.

И вот они уже возле Ани. Отогнали Павла – не его это дело, бабское. Аня на секунды приходила в себя, и подружки молили:

– Помогай!

А когда та в бессилии закрывала глаза, молили ещё больше:

– Ну, помогай же, родная, помогай, мы ж без тебя не в силах.

И она, как могла, помогала...

***

Дорого заплатила Аня за жизнь того малыша. Её ребёнок родился мёртвым. Но если б даже знала она, что этим всё

кончится, всё равно б кинулась туда – для матери все дети равны и всех жалко до смерти.

Но и не это самое страшное – Бог даёт детей, Бог их забирает – страшно то, что она перестала чувствовать себя – она и вроде не она, живёт, а вроде и не живёт. Слабая, бессильная, часами сидела на лавочке во дворе, взгляд её блуждал с предмета на предмет, но не видел ничего – мутно было в её глазах, мутно в мозгу, опалённом болью.

Врач, навещавший её, говорил: «Пройдёт», – но видели родные – и сам не верит, пройдёт ли. А ночами она выла – как волчица, лицо перекашивало болью, глаза вылезали из орбит, и знали родители, как знал и муж, какие виденья тревожат ей душу, какие виденья не дают ей уснуть.

Вскоре после того случая они узнали, что приключилось с их Анечкой. Недаром говорят: «Земля слухом полнится». Машинист на узловой станции (его состав загнали в тупик, чтобы пропустить срочный) поведал эту историю, и тут же она докатилась до посёлка, и Аня стала героиней, только ей-то от этого легче не стало. Каждую ночь видела она одну и ту же картину: поезд, мчащийся по рельсам, мальчишка, играющий на путях, и каждую ночь она рвалась к нему, спасала его, и каждую ночь погибала сама.

В больницу её не отдали. Знали – там ей будет хуже. Да разве ж таблетками вылечишь раненую душу? Да разве ж уколы способны затмить боль? Нет, только время, только оно лечит, да участие людей, взгляд ласковый, прикосновение, пожатие руки и слова – пусть они и не доходят до сердца, но ведь в них волнение, тревога, боль за тебя, а что может быть лучше, важнее для души?

Сдавалась мать, порой сдавался отец. Мукой глядели их глаза, мука была глядеть в них, но не сдавался муж, и им приказывал не сдаваться. Так и говорил:

– Вздохнёт моя любушка, ей-Богу, вздохнёт. Верю в это.

И он действительно верил, и эта вера помогала им жить. С этой верой он каждый раз подходил к жене, брал её руку, твёрдо и нежно говорил:

– Всё будет хорошо, родная моя, всё будет хорошо.

Утром, уходя, твердил себе: «Вечером приду, ей будет лучше», – и с таким настроением работал день. А вечером,

глядя в пустые глаза жены, опять шептал: «Ничего, утро вечера мудренее».

И так дни бежали за днями. Многие в их посёлке уже сдались, перестали говорить об Ане, и Павлу советовали иногда – живому, де, живое, вон баб-то сколько! А он злился – для него одна баба, ясонька его. Но порой в глазах возникал другой образ – Ирка, Анина напарница – задорная, кровь с молоком, всегда на пути – взгляд зовущий, манящий. А вот и слова её: «Хоть бы на часок заглянул когда, чайку попить» – поддела взглядом, страстью дышит грудь. И хоть бодрится мужик, отталкивает взгляд, сторонится её, а всё ж он мужик, и не дай Бог бы налетела вот так, обвила – страшно подумать, что случилось бы с ним.

Потому гнал эти видения, хоть порой неудержимо тянуло забыться – вот так, с разбегу, накинуться на Ирку, повалить на постель и мять, мять её – чтоб вся злость вылетела, чтоб силы восстановились, чтоб опять было чем жить. Знал он – не укорят его люди, даже родители узнают – не укорят. И ещё знал – ему будет легче. Но легче на время, на сейчас.

Жену не мог он предать, насмеяться над ней. Будто чуял – видит всё она, его мысли видит насквозь, потому гнал прочь видения и просил прощения у жены – пусть только за мысль, за мимолётную слабость. И уже проклинал в душе Ирку – как же ты можешь так с подругой, ну, пусть не с подругой, с напарницей. И чувствовал – будто отходит, ровно и сладко бьётся сердце – ведь устояло, а, устояло! И силы будто прибывают у него, и ещё больше хочется жить, и её спасти – для жизни, для любви.

Что только он ни делал, чтоб растормошить жену, вывести из забытья, какие слова ни говорил, чтоб разбудить свою красавицу, но всё тщетно. Такая же вялая днём, бесноватая ночью, и нет сил победить это, нет сил вырвать её из плена страха и боли.

И тут он придумал. Ночью, в те часы, когда ей особенно плохо, когда начинала бесноваться её душа, он тихонько включал магнитофон, а там лёгкая, убаюкивающая музыка, нежная и ласковая. А вот и сильней (каждый раз он пробовал другое), и музыка врывается в её сознание, тормозит его, настраивает на иной лад... И пусть не сразу, пусть пройдёт

немало дней, но она сделает своё дело – дойдёт до сердца, до души той, о которой так печётся муж, по кому так плачется сердце матери, кто так нужен девчужке, что до сих пор не поймёт, что случилось с её мамой.

Порой и у самого опускались руки – но неужели она не слышит? Неужели ж не проникнет это в неё? – он выключал магнитофон, выбегал во двор и в безутешной злобе на свою судьбу сжимал кулаки и тряся в рыданиях, но вот, будто опомнившись, встряхивал головой, скрежетал зубами и сквозь зубы шептал: «Нет, я не сдамся! Мы не сдадимся!» И опять шёл к жене, растирал её ноги, гладил и ласкал её тело, целовал её шею, глаза, и молил, молил Бога, как тогда, в детстве – но теперь уже не за себя – ей силы молил вернуть, ибо без неё и ему жизни нет.

И вот настал день, когда Аня открыла глаза и впервые за столько времени ясно взглянула на мужа. Сколько он ждал этого мига, представлял его, и всё равно он застал его врасплох, – видимо, не до конца верил он в выздоровление жены, видимо, просто боялся, боялся допустить до себя дурную мысль, потому и шептал как в забытьи: всё будет хорошо, всё будет хорошо. И этот миг настал, его, их миг, она открыла глаза, а вот и улыбка, лёгкая такая, но уже осмысленная, её улыбка, а вот и слова, обращённые к нему:

– Родной мой!

Надо б кинуться к ней – обнимать, целовать, а он на весь дом:

– Мама! Отец! Доченька моя!

И прорвались слёзы, хлынули из глаз, рухнул он на колени перед женой, сжал, сграбастал её, и нет сил оторвать эти руки, как нет сил разлучить, разъединить их.

Не описать того мига, да и не надо описывать. Главное, выстояли они, выстояли и победили. Вновь зарозовели щеки жены, – а это уже много, уже счастье. И знал Павел – теперь уже всё, вдохнёт его ясонька, вздохнёт и встанет, и ещё краше будет, ещё милее и желанней для него.

И это всё будет, будет.

КУЛТЫШЕВ

**Михаил Павлович –
поэт, прозаик,
публицист.**

**Член Союза российских
писателей с 2019 года.**

Родился в Кировской области 12 февраля 1939 года. Учился в Исовском геологоразведочном техникуме, где возглавлял комсомольскую организацию, редактировал сатирическую газету. Став автомехаником, в 1972 году уехал в нефтяной Нижневартовск, где «вырос» до начальника ЦРММ «Нижневартовскнефтегеофизики».

С 13 лет не расстаётся с пером. За время жизни на севере прошёл большую жизненную школу и «возмужал» в творчестве. Успешен в творческих конкурсах. Автор 13 книг, множества публикаций в периодических изданиях.

Награждён Благодарственным письмом Департамента культуры Тюменской области (2019).

Член литературного объединения «Замысел» при Центральной городской библиотеке Нижневартовска.

Живет в г. Нижневартовске (ХМАО – Югра).

ОВСЯНЫЙ КИСЕЛЬ

воспоминания

I

Осенило. Ардашевский совхоз... Чубай Данило Остапыч – уроженец Украины... Отец Павел Сергеевич... Колхозники и совхозные рабочие... Деревня Талица, деревня Мартелово, Кировская область... Сесть и писать. Тема есть. Нет тетради.

Сходил, купил. Нет, не решаюсь – в один присест не одолею. Смотрю телевизор, готовлю псу Биму еду, отнес. Вечереет. Снятие блокады Ленинграда... Тетя, дизентерия, выжил... Проводы дяди Данилы... Меня преследует сюжет, голова полна фраз. Не отверчусь.

Ручка. Тетрадь. Уселся. В окно заглядывает темнота, стёкла заиндевели, виден необычный рисунок мороза – лист какого-то доисторического дерева. Как всё же хорошо Дед Мороз владеет графикой – линии плавны, выполнены все листочки, зазубринки...

Глаза, куда вы смотрите? Писать так писать...

...Ардашевский совхоз от нашей деревни расположен в трех километрах, со слов односельчан, которые часто навещают туда в лавку. В один из весенних дней, придя из школы, положив сумку на полати, я не встретил дома ни старшего брата, ни сестру Тамару, – наверное, на картофельном поле собирают мерзлую картошку, что осталась с осени. Значит, вечером будут вкусные лепешки! Вкус лепешки во рту я ощутил сразу. И так ее захотелось!

Чтобы заглушить желание есть, я быстро перемахнул забор нашего огорода, спустился по мягкой зеленой траве к речке Талица (она уже унесла лишнюю воду, что выходила из берегов и затопляла луга и овчарню) и по переходу в две жерди быстро перебрался на другой берег. Тропка ведет в большой лог, конец которого теряется в Заклятье – в лесу дремучем и страшном, в который ходят только мужики, потому что там живут гривастые волки. Тропка выводит на дорогу, колеи от колес телег на которой еще полны вешней водой. В стороне высятся две могучие пихты. Долгими зимними вечерами мы, пацаны, подтягивали ноги повыше

лавки, – так ловко Макар пересказывал легенду, связанную с ними. Мужики слушали и понимающе дымили махоркой.

В то время Гриша Хомар...

Прозвище свое он получил в детстве. Однажды на покосе (а, надо сказать, играть на гармошке он начал рано) поставил ее у готового стога сена и, управляя кобылой Зорькой с волокушей, на которой подвозил сено, до перерыва не заглядывал на ее перламутровые пуговицы и меха василькового цвета. А в перерыв тетка Глаша попросила:

– Гриш, сыграй нам веселую, уж очень петь хочется!

Он протянул руки, чтоб ловко взять гармошку, накинув один ремень на плечо, но вдруг его глазам предстала ужасная картина: на гармошке были сотни муравьев:

– Ой, комары!..

– Кто-кто?

– Хомары!

С тех пор невыговоренное – даже не «муравей», а «комар» – осталось и прилипло, как сургуч, к нему и его детям. Так и говорили:

– Вон Коля Гриши Хомара идет!

Или просто про всех – комарята. Многие в деревне имели прозвища и не обижались, когда им в эмоциональном порыве кричали:

– Филя Глухой!

Филя знал, что другого такого в округе нет, и отзывался.

...В то время Гриша Хомар стал похаживать в гости к Мане Кирпичевой. Верка – жена – его выследила, когда он возвращался под утро от Мани, да, не будь дура, на дрожках вожжами его связала, толкнула поперек дрожек. И нет, чтобы повернуть в Мартелово, домой, – повернула на дорогу в Шаклеи, где жила ее тетя; гонит, не оглядывается. А Гриша такой мужик: сил хватало не только по бабам ходить; двухпудовой гирей крест мог класть неоднократно. Веревки-то, которыми он был стянут, растряслись, ослабли; Верка-то на козлах не видит или от злости, или от любви... А он ее рукой хватать сзади – и дернул тихонечко. Хотел на себя уронить, для баловства, а она опрокинулась назад, да мимо него, виском о выступ спинки – только по губам струйка крови.

– Тюрьма! Куда ее девать? – лихорадочно работая головой, соображал Гриша.

А кони-то идут и идут, уже шагом. «Зарыть, закопать», – решил он.

Рядом с дорогой, опухшие с обеих сторон, стояли вековые пихты, кроны которых видны далеко с Малого Кунгура, из Лимонова. Вот под одной из пихт он и зарыл мертвую жену.

Конечно, все открылось. Милиция Гришку скрутила – и в каталажку, а ее, Верку-то, там и оставили, не перезахоронили. Ну, и как вы думаете, спокойно ли там ей лежать? Без отпевания, в цвете лет. Вот она каждый раз и поднимается из могилы ближе к полуночи, а если еще и подвода, то бежит рядом, просит, чтобы взяли. Спросите Васю Рябого – по осени он возвращался из совхоза – так она чуть не уселась. Пригнал на конный двор, лошадь вся в пене, а у него голова седая. Нет, лучше ночью там на лошади не показываться...

Вот такая легенда.

...Мелкие кусты по сторонам дороги и ельничек – излюбленное место для рыжиков. Полями рыжих полшалков высыпают они: размером от копеечной монеты до блюдца. И в клетки у нас на зиму груздей и рыжиков всегда две кадушки, особенно вкусны они зимой с морозца под картошку.

Вот показалась усадьба совхоза. Флаг над управлением, а дальше, справа, виднеются скотный двор, конюшня, мастерские, драночный полигон, где драли дранку – тонкие деревянные пластинки для покрытия крыш и для обрешётки стен под штукатурку. Лошадь там идет кругом, как в молотилке, а из-под ножа вылетают ровной толщины дощечки – дранка. Большинство крыш в совхозе покрыто дранкой, тогда как по деревням редко тесом покрыта изба; хозяйские постройки крыты соломой, которую в трудные годы, зимой, в бескормицу снимали, резали соломорезкой, запаривали и давали скотине.

А если еще правее смотреть, ближе к полю – колония. Длинные бараки-общежития, обнесенные забором, – здесь под надзором, но бесконвойно, живут заключенные. Время

послевоенное, на все работы рук не хватает, вот им и поручается выращивание моркови, свеклы, капусты, картошки и их уборка.

Дальше ферма – скотницы-женщины. Я имел удовольствие быть на их концерте художественной самодеятельности. Скажу, нашим артистам до их умения еще далеко. Как отголосок, ношу застрявший в памяти отрывок:

– Ой, лопнул обруч на лодыжечке,
Девчата мои, сыроежечки!..

С тятей на конюшне работает хохол – Чубай Данило Остапыч. Я уже не раз здесь бывал и знаком с ним – высокий, два с лишним метра ростом. Сильный. Волосом черен. Веселый.

Деревянные дома образуют улицы. Мне – мимо правления, клуба, магазина, по переулку и на конюшенный двор. Весеннее тепло радует уже не только людей, но и лошадей – ворота конюшни распахнуты, свободные от работы лошади что-то жуют, переступают ногами, чешутся боками о прясла. Некоторых я знаю: вот Каргач, вот Синичка. Отец с дядей Данилом всегда находятся тут, в хомутовской – это отгороженное место, где на каждую лошадь есть хомут, дуга, седелко, подбрюшник, чересседельник, вожжи, узда. Распахиваю дверь...

– Мишка, друг мой сердечный, – Чубай шорничает, – отец в контору пошел, сведенья надо брать. Похвастаться пришел, пятерки принес?..

– Да нет...

– Знаю. Ел? Сейчас будем, посиди. Зорька жеребенка принесла, черненький, весь в отца, Ворона. Посмотри, а я мигом.

Я нахожу стойло Зорьки. Зорька хрупает сено, а рядом на расставленных ногах, как на ходулях, весь черный, не считая челки и беленького пятнышка между глаз, стоит жеребенок. Он неумело шагнул, ткнувшись носом в передние ноги матери. Зорька заметила меня и дружелюбно заржала, предчувствуя, что я принес угощение. Я протягиваю кусок почти черной лепешки, что отломил от запаса отца, и она тихонько, одними губами – можно сказать, одной верхней губой – взяла его,

оставив на руке несколько влажных капель, и замотала головой, точно хотела сказать: «Спасибо».

Чубай скрылся на сеновале. Над его головой пугливо снялись галки, которых здесь было множество, и через некоторое время в конце конюшни вновь показался он, держа в руках пять галок, а в зубах – картуз с яйцами.

– Продразверстку произвел. Вот сейчас будет кисель – так кисель, с мясом, с яйцами. Пошли, поможешь.

Идем в конюховку. Дядя Данило ножом отрубает птицам головы, кидает их рыжему коту. Мне дает одну галку:

– Тереби.

Сам растопляет печку, ставит ведро на плиту, рядом кастрюлю поменьше – объема хватит на шесть человек. Опять отлучается. Я выдергиваю перья из тушки галки. Галка неохотно «раздевается». У меня в пуху уже все штаны. Пух летает в воздухе. В окно, что выходит во двор, вижу: Чубай сходил в клеть и что-то несет в посудине. Потом догадываюсь: ступа. В конюховке он долго стучит пестиком в ступе.

– Овес добрый привезли лошадям, не грех им с нами поделиться. – Я улыбаюсь. – Сейчас провею на ветерке и засыплю в кастрюлю. Галки не готовы?

– Нет, я только с двумя управился.

– Сейчас помогу, – и он быстро-быстро своими сильными пальцами «раздел» галок, выпотрошил.

– Это все Рыжику.

Рыжик терся об мои ноги.

– Он крыс гоняет, но не ест. Задавит и принесет, мол, смотрите: я свой хлеб не зря жую.

На печке закипело. Чубай столкнул в кастрюлю тушки галок.

– А что, не сыграть ли нам пока в шашки?

– Давай сыграем!

Мы расставляем на самодельной доске самодельные шашки, что напилены кружочками из обструганной палки и выкрашены.

– В какой руке? – он протягивает обе руки, сжатые в кулаки, навстречу мне, я показываю на левую. Не угадал – ход его.

– За фуку не берем?

– Не берем.

Мне хотелось бы выиграть у него, но дядя Данило играет хорошо, комбинации предугадывает, словно читает мои мысли. На доске мое войско убывает.

– Дамка! – после очередного моего промаха говорит он.

Я замечаю, что вот сейчас и я срублю у него три шашки, и, обрадованный, делаю ход...

– Это «туалет», Мишка, – говорит Чубай, когда моя пешка стала на край доски. Я дернулся переходить.

– Нет, назад мертвого не ворочают.

Я проигрываю. Вдобавок получаю еще «туалет». Обидно. На печке кипит. Чубай вытряхнул яйца из картуза, привычно, ножом, расколочил их в кисель, складывая скорлупки на стол. Наконец пришел отец:

– Пиво привезли, так народу около бочки!.. Настасья торгует. Мишка, чего за кисленкой не пошел?

– Так не говорил никто!

– А Веня с Тамарой что делают?

– Дома нет. Наверное, за картошкой пошли.

Обращаясь к Чубаю, отец говорит:

– Данило, сказали, что нам надо подготовить все к выезду в поле. На той неделе будем пахать. Трактором еще сыро, а лошадей на короткой площади да на взгорках – в самый раз.

– Сергеич, мы с Мишкой тут обед сварганили, так что садись. Дело мы свое знаем, двоих меринов еще подкуем, и все.

На столе появляются деревянные ложки. В глиняные миски Чубай вылавливает черпаком тушки галок, разливает кисель с проблеском белка от яиц.

– Ни одно запаренное яичко не пропало!

Едим. Действительно, вкусно. Как говорится, наелся от пуза.

– А что, Сергеич, не завалилось ли у тебя три рубля? Страсть как пива захотелось!

– Трешка только и завалилась. – Отец вынул кисет с рубленным табаком и достал оттуда сложенную вчетверо трешку. – На!

– Так я отлучусь? – говорит Данило и, как был без шапки, так и вышел, нагибаясь, чтобы не задеть косяк над головой.

– Михаил, прибери на столе, – бросает отец, – а я найду скребницу, надо Чалого почистить. И хвост ему подрезать. Синичке черт опять хвост заплел!

Я старательно помыл ложки, чашки, вытер стол и пошел к стойлу Синички. Стойло это с левой стороны; кобыла добрая, понимающая, спокойная. Что интересно: никогда не теряет тела. В совхозе шутят:

– Черт ее любит, черт и подкармливает по ночам да косы заплетает.

Я трогаю руками гриву, нахожу две скатанные косички, и в хвосте косичка сантиметров сорок. Оттого, что в теле, Синичка выполняет тяжелую работу: при жатве ходит в коренниках, возит зерно; зимой на вывозке дров... И, как отзываются мужики, – в любую непогоду чувствует дорогу, в то время как другие лошади оступаются – и попробуй дать план по вывозке с таким конем.

Да что говорить: в прошлое лето, когда я погонял пристяжную – третью лошадь в жатке – с машинистом жатки Иваном Новосёловым вышел такой случай. Синичка – очень любопытная лошадь. Когда жали около деревни, ставили на обед лошадей в стойло, где на подкормку им шел овес с викой – разновидностью гороха с мелкими длинными стручками, что давало возможность в лошадях поддерживать силу и выносливость. Я поставил в стойло Каргача, притащил две охапки зерносмеси, когда услышал:

– А-а-ай!

Крик раздавался из стойла Синички. Вбегаю – у дяди Вани с затылка течет кровь, он ругается. На затылке у него плешь. Работает он в фуражке, так по центру ее пятно от пота и жира, хотя откуда бы жиру взяться у него, сухощавого?! Так вот, фуражку он снял, и плешь его сияла, какчищенная картошка.

Я думаю, пока он растрясал вику с овсом по кормушке, Синичку смущало это белое невесть что, вот она и решила попробовать и зубами немного прихватила затылок дяди Вани. Потом, после его крика, долго еще стояла сконфуженная, и я заметил, что за все послеобеденное время ни разу не потянулась к овсяному колоску или васильку. Вот какие лошади здесь. О многих можно рассказать.

Ворон вот – он не только выполняет чисто жеребьячью работу; в нужное время его ставят или в косилку, или в жатку. Косили мы по дальнему Киселевскому логу с Капой Варивоновым – парень крепкий, красивый. Забияка на вечерках; подраться для него – раз плюнуть. Утром по логу ветерок протягивает, а я на Зорьке так мечтательно сижу, слежу, чтобы мои постромки были всегда натянуты и дышло косилки не догоняло меня; лошадь погоняю. Дать выработку Капе во как надо – учетчица молодая, он на нее решил еще и этим впечатление произвести. Даем круг за кругом, а круг, если брать по длине, – километра полтора будет. Лошади, конечно, особенно Ворон – кобылий кавалер – получали бичом по своим бокам, и косилка стрекотала, и трава, ровным полотном скошенная, ложилась сзади нее валком.

– Тпру!

Такая команда всем понятна. Лошади делают шаг, два и останавливаются. Оглядываюсь, а за косилкой пропуск травы: не срезанная – только приглаженная.

– Кроты, черти лупоглазые, наделали холмиков, – ругается Капа, – пила забила.

И клацнул рычагом сцепления. Стягиваем назад. Капа крутит «козью ножку» и чистит пилу – полотно с большими зубьями – каждый вечер мы эти зубья точим на берегу около кузницы, при этом искры сыплются снопом.

Перекур окончен, и опять от берега до берега. До обеда мы выкосили порядочно. В обед лошадей выпрягли, привязали вожжами к елкам, чтоб не ушли далеко. Они начали деловито есть траву. Ворон решил размяться – и ну кататься через спину! Потом вскочил, прошелся мелкой дрожью, встряхивая всего себя, и тоже увлекся кустом клевера.

– Я кемарну полчасика. Ты последи за ними.

Конечно, спать хочет Капа. Ночью гулял, наверное, на вечерку в Сосновец ходил, не иначе. Та деревня как-то особо стоит. Все вроде рядышком и живут одинаково, а вот Сосновец зажиточней, по нашему понятию. Приглянулась Капе учетчица – обломает.

Обед – он короткий, и снова погоня; лошади как бы силятся вырваться из тягла, но дышло и постромки им этой воли не дают.

– Тпру! – Лошади встают четко.

– Вот вредители! Роят по берегу! – кричит Капа на кротов и, уже не выключая сцепления, идет к полотну, чистит его пальцами. Ворон тянется к понравившейся травке... Чик и...

– Ой! Ой-её! Мать твою! – не выключая косилки, наяривая бичом Ворона, вымещая на нем злость и боль, кричит Капа, и его слышно, наверное, до Кокор.

– Стой! – он срывает рубаху, отрывает рукав, перевязывает средний палец (точнее то, что от него осталось). – Давай кобылу! Все приберешь, а я до врача. Ууу, враг! – кричит на Ворона. – Где мой обрубок?!

Подъехали к тому месту. Обрубок нашли в куче травы уже синим. Но всё равно Капа положил его в кيسет, прыгнул на спину Зорьки и поскакал в сторону малого Кунгура – к нему было ближе.

...Потом ему уже пришлось переучиваться играть на гармошке – коротышка средний палец лез на нужную пуговку, но не доставал до нее. Позднее его призвали в армию, и четыре года он ходил на эсминце. Почему не на подводной лодке? Капа и шутя, и взаправду говорил:

– Там служат только коротышки и худые!..

Припорошив сбрую сеном, я верхом на Вороне вернулся в деревню; вот только жаль, что никто из ребят не встретился – не каждому удастся прокатиться на племенном красавце Вороне.

...Время двигалось к вечеру. Дождусь конца рабочего дня отца, и вместе пойдем домой. Идти от Заклятья и двух пихт недалеко, но в сумерках на виду у привидения мне было страшно. Подъезжали подводы, мужики ставили лошадей, приносили сбрую. Кто-то сразу уходил, кто-то сворачивал самокрутку, дымил, разговаривал с отцом. Вернулся Чубай.

– Ну, Сергеич, счастливая твоя трешка, – ликуя, громко говорит он, – на тебе три рубля обратно.

– Как так?!

– А так!

Когда Чубай подошел к столовой, на веранде ее было полно мужиков – пива хотелось всем. Некоторые уже сидели

на скамеечках у домов, у правления и весело разговаривали. Работники совхоза народ разношерстный: и мари, и вотяки (потом, когда вырос, я узнал, что это удмурты). Так и говорили:

– Директор поехал звать вотяков на работу.

Получив свою кружку, Данило не стал торопиться ее опрокинуть и уйти, он стоял, отпивая небольшими глотками и с любопытством оглядываясь по сторонам – голова-то его была почти на полметра выше остальных. Ему было почти смешно, что из-за такой жижицы – такая толкотня. Вдруг Настасья-буфетчица вперила в него подведенные глаза и спрашивает:

– А вам чего?

Удивительно, но как-то сразу нашелся Чубай, что сказать:

– А сдачу?!

Настасья – морг-морг глазами:

– А сколько у вас было?

– Сто рублей, – ни один мускул не дрогнул на лице у Данилы.

– Сто? – Настасья что-то силилась вспомнить, но эти орудие мужики, эти мятые бумажки, это столпотворение... Потом сунула руку в картонную коробку из-под обуви, быстро отсчитала девяносто семь рублей и подала деньги. Сдачу Чубай принял и, повернувшись, ушел; ни капли раскаяния не было в его душе.

– Дураков надо учить, – оправдывался он. – На пивной пене да на недоливке больше Настасья заработает.

– Ну, Данило! – удивился отец.

Густые сумерки ложились на весеннюю землю с проблеском ярких звезд на небе в сторону Полома, за Кордягой-рекой; высоко, сколько их? И мы идем им навстречу, идем домой.

II

– Дядя Данило, а как вы здесь оказались – в наших краях?

– Э, Миша, ты маленький еще и всего можешь не понять.

Но раз интересно, как-нибудь расскажу потом. Ладно?

В то время я успешно окончил три класса Мало-Кунгурской начальной школы, осенью предстояло идти в четвертый класс. Деревня почти вся переболела тифом, и хотя я часто навещался в две избы, приспособленные под больницу, хворь прошла мимо. Страшно было видеть у всех головы, стриженные «под ноль», остро пахло дезинфекцией; больным давали улучшенные обеды: яйца, суп с кониной, на хлеб намазывали масло.

На полях повылазили «пистики» – молодые хвощи, кисленка, лук на лугах. Отошли уже сморчки, и все ждали: ближе к покосу появятся маслята. Стадо нагуляло тело, пастухи старались держать коров, овец, коз на дальних пастбищах – пока не жарко. В жаркие дни коровы лезут в воду, потому что над ними выются сотни кровожадных оводов. Так они получают не только прохладу, но и защищают брюхо, вымя, промежность от них, обмахивая хвостом спину. Овцы и козы прячутся под берег, часто дыша и стараясь укрыться от палящего солнца. Трудные были дни для скотины, что от бескормицы совсем недавно висела на веревках: под коров подкатывали сани-розвальни и вывозили на луга, на солнце, еще пока на отаву, и чудо происходило: коровы вставали, через месяц в общем стаде их было не отличить.

Подошел родительский день; люди шли поминать в Рябово, где под высокими деревьями находили последний покой родственники жителей нашей и соседних деревень. В деревенских печах умудрялись тогда напечь шанег, пирогов, мусников. А водка? Водки было вдоволь – ее давали на трудодни, и до перехода отца на Центральную усадьбу совхоза он и мама совместно получали ее по два ведра и более. Потом водку любыми путями старались продать, обменять на вещи, хлеб.

...В любой деревне была семья, что выделялась среди остальных своим диким укладом, глядя на которую, можно было сказать: так жить нельзя. Такой у нас была семья Ложкиных – женщина одна растила двоих: дочь и сына, и бедней семьи, кажется, в деревне не было. А уж по части нашкодить сын ее Валентин был первым. И ничего его не брало: ни мороз, ни грязь. Снег только сойдет под весенним солнышком, а он уже шествует босиком вдоль деревни с

«гармонью», сделанной из газеты «Кировская правда». Меха у «гармошки» складывались как надо, а «музыку» и озорные частушки рот Валентина выдавал на всю улицу:

– Купим козу для колхозу,
Бригадир будет доить.
Председатель захворает –
Молоком будем поить.

Он первым начинал посещать гороховое поле, черемуху обдирал еще зеленую, подсолнечные шляпки срывал с еще белыми мягкими семечками; голод – не тетка.

Разворачивался Валентин со своей «гармонью» в районе избы Фили Глухого и шел обратно, выдавая очередную частушку:

– Я пашу, пашу, пашу –
Плугом придавило...

Нет, не слышно конца. А автор частушек в нашей деревне один – Капа Варивонов.

– Язык вырвут когда-нибудь тебе! – злились задетые в его частушках председатели-одnodневки, кладовщики-воры и парни с других деревень:

– Мы ребята-ежики,
У нас в карманах ножики.
Ножики не точены,
Ребята не колочены...
И, конечно, тут и девушки, и молодушки:
– Я не сам, она сама
Скамеечку подставила.
Я не сам, она сама
Любить меня заставила...

Частушка всегда находила адресата. А мы старались их запомнить и пели в своих компаниях по дороге в лес или школу. Так и Валентин...

...В тот день женщина-бригадир старалась вывести кое-кого на работу, и ее сапоги останавливались то в одном конце деревни, то в другом. Шлеп-шлеп – все знали: идет Клава-Полумужичье; прозвище относилось к ее росту и здоровью. Его хватало, чтобы иногда встряхнуть Васю Пастухова или тех, кто мешал и чья линия не совпадала с ее линией. Бабы

вздыхали сочувственно: мужика бы ей. И виделся им крупный клавин наследник или наследница...

Ей тоже надо было идти на кладбище в Рябово – зимой свезли туда ее мать, Матрену. И могилку поправить, и помянуть. А тут и пастухов поднять надо, и сено подвезти, да не достучишься... Но все же приготовилась с утра пораньше: и блинов напекла, и в рыбный пирог усачей запекла, что Варивон пучками ловит, и яичек наварила... Когда закончила назначать на работу, собралась – и в клеть... О, ужас! – пирога с усачами не было.

Клава тут же догадалась, чьих рук это дело, и шлеп-шлеп в конец деревни, до Валентина. Видит – идет он от кузницы. Валентин тоже увидел ее, все понял и с крутого берега вприпрыжку вбежал в воду речки, на середочку. Клава – на берег:

– Паразит, попадись мне под руку – изобью! Да чтоб тебе подавиться!

Вода холодная, и стоит Валентин, как цапля, – попеременно то одну ногу поднимет, то другую, а Клава ходит по берегу, желая дотянуться до врага. И уж если не разорвать, то поколотить порядочно.

– Да чтоб тебя разорвало, гад несчастный! С чем я пойду на могилу? Измочалю, попадись только, паразит! – Но видя, что от него никакого толку, выбралась наверх и заспешила в Рябово.

Мать Валентина работала в совхозе и, как говорили, имела деньги, ежемесячный пай продуктами. Но уже через неделю в доме было хоть шаром покати; тараканы, и те ушли: не было у нее опыта в экономном расходовании. Дернулись было они ехать в Архангельск на заработки с коэффициентом – глядь, через неделю опять дома. Почему вернулись?

– Котел у паровоза замерз, – отшучивался Валентин. – Там же лютый север!

За проказы доставались ему не только побои, но и презрение определенной части жителей деревни. Но голод толкал его на новые «дела», которые не соотносились с моралью колхозников, что привыкли жить без замков на амбарах, не запирали окна ставнями. Но мы, ребята, как-то

примечали для себя не только озорство, но бесшабашность и выдумку в его новых выходках.

...Было это еще зимой, когда дед Захар – в народе Лыко-Мочальные Подколенки, прозванный так за то, что при ходьбе шел, качаясь, как поплавок, на своих больных ногах, – дождался сына, что после Октябрьской приехал на побывку. Сын Сергей служил мичманом на Северном флоте, и мы, ребята, бегали смотреть его тельняшку, клеши, фуражку и китель. Он-то и привез отцу, как диковину, два китовых уса, о которых рассказал, как там, в прибрежных местах, охотники охотятся с ними на белых медведей: затопляют ус в жир, кидают жир в замороженном виде как приманку. Если медведь заглатывает этот жир, ус в его животе расправляется, и медведю нет никакой жизни, и он вынужден протягивать ноги и добровольно «снимать» свою шкуру...

Может, оно и так, да Захар по случаю приезда сына и в предчувствии устойчивых морозов зарезал телка, а его жир решил перетопить. Застывший, принявший форму чашки жир хотел сложить в клетки, чтобы потом при okazji продать на базаре в Зуевке. А пока, для остужения, выставлял он чашку на подушку небольшого незарешеченного окна клетки.

Было так раз, два. На третий раз чашка осталась пустая, а из трубы Ложкиных явственно пахло жареной на сале картошкой. А где они возьмут сало, когда ни курицы, ни другой живности не держат? И денег нет, чтобы купить (денег в совхозе еще не давали)? Но не пойман – не вор.

Захар долго вертел в руках замерзший китовый ус, похожий на скрюченный свинячий хвост, и решил: возьму грех на душу! Положил ус на дно чашки, в очередной раз залил жиром и поставил остывать, тайно ликуя о своей находчивости – одним махом расправиться с беспутным, никчемным парнем.

Что плохо лежит, то и наше – гласит пословица. Валентин, много не размышляя – хорошо ли это, плохо ли, – и во второй раз вынул замерзший жир, подковырнув его гвоздем, и унес домой. Захар ликовавал: «Попался на живца! Сдохнешь, как собака». А поскольку он был сторожем на ферме, то все в деревне уже знали, что часы Валентина сочтены, и жить ему осталось немного...

Если бы не он сам, появившийся перед изумленными скотницами и Захаром у котла, в котором варилась картошка на корм скотине. Запустив в котел руку, Валентин выловил одну, наверное, тем же гвоздем, и стал есть, стряхивая очистки на пол... Потом долго еще Захар говорил каждому, имея в виду китовый ус:

– Медведя валит, а ему хоть бы хны!

...Уже через много лет я узнал, что судьба Валентина оказалась незавидной. В армию его провожали из нашего дома, всей деревней одели поприличней, дали и на дорогу, и что необходимо призывнику. И на взгорке у Мартелово под настоящую гармонь он пел:

– Скоро в армию пойдет
Сила молодецкая.
По всему земному шару
Будет власть советская!

Лошадь с санями шла впереди. В армию отправлялись трое, их провожали девчата и ребята, а он, с чувством от выпитого, пропел на расставание:

– Подари, милка, платочек
На дорогу дальнюю –
Буду слезы вытирать,
Когда поеду в армию.

Милки у него не было – какая девчонка будет встречаться с шалопутным парнем? Все были рады его призыву в армию. Человеком станет! Но еще во время курса молодого бойца он простудился, заболел и умер.

III

Я просыпаюсь на полатах. Жарко. Приподнимаю голову и вижу: за столом, на котором горит керосиновая лампа, стоит нехитрое угощение и около него сидят отец, мать, какая-то худая-прехудая женщина, и в разговоре часто повторяется – Ленинград. Мне хочется пить.

– Мам, дай попить! – прошу я.

Она поворачивает голову в мою сторону:

– Мишка, это тетя Варя из Ленинграда, домой приехала.

Берет недопитый теткой стакан молока и дает мне. Я выпил.

Тетка через два дня уехала к себе на родину в Уховщину, что в стороне от реки Кордяги, за селом Рябово, откуда в довоенное время поехала в Ленинград по какому-то оргнабору – иначе без паспорта ей было не выбраться из сельской местности. И вот, пережив блокаду и еще несколько лет после нее, вернулась:

– Помру хоть дома!

...А меня после этого случая совсем извел открывшийся понос. Местный фельдшер определил – дизентерия. Всё, что ни съедал, выходило тут же, как у утки. Меня не стало наполовину, еле таскал ноги; в таком состоянии я попрощался с Чубаем. Он говорил отцу:

– Приезжайте к нам, на Украину, – у нас яблоки, разные овощи. И тепло. И парня на ноги поставишь.

Отец обещал. На лошади довез он Данила до Мухинской поворотки на шоссе, что ведет в Зуевку, где железная дорога, тепло попрощался:

– Доброй дороги!

...Мое выздоровление началось лишь после того, как жена Миши Малого – брата Миши Большого – принесла и наказала матери настоять в кипяченом молоке знаменитый корень, который по-народному назывался «толстосеря». Она ездила к сестре на Урал и привезла его оттуда.

...Дядя Данило уже мчался в общем вагоне пассажирского поезда к Москве, которую мечтал увидеть с юных лет, но увидит через десять лет незаслуженного отбывания в неизвестных ему вятских краях. С грустью в сердце смотрел он на домики вдоль железнодорожного полотна, а колеса выстукивали: домой, домой, домой!..

Вступление Красной Армии в Западную Украину было неоднозначно встречено населением западных территорий; тут же начались коллективизация и общественные организации: партия коммунистов, комсомол, большинством встреченные враждебно. С одной стороны: советы – вот они, рядом, с другой, – немец уже у границ Польши.

Чубай, пользовавшийся авторитетом среди молодежи из таких же бедняцких семей, как и его, воспринял все это с

какой-то радостью, ликованием. Ему понравилось, что его выделили из всех и приглашали на беседу в ячейку – предложили вступить в комсомол. При обходе дворов середняков и кулаков он ходил вместе с назначенными правленцами; ему нравились в их действиях решительность и оценка труда бедняков, и он с удовольствием грузил изъятые мешки с зерном кукурузы, пшеницы на подводы. Он орал новые песни, пришедшие с Красной Армией:

– Мы красные кавалеристы, и про нас...

Он даже по-новому стал смотреть на девчат. Но молодость не всегда внимательна; враги коллективизации, новых общественных отношений не дремали. Они устраняли физически, учили «уму-разуму» приносящих вред их укладу жизни. Однажды на танцульках добрым майским вечером подошел к нему паренек и шепнул:

– Данило, тебя сегодня за дубом будут ждать, остерегайся!

– Хорошо!

Мысль, что могут побить, не давала покоя; попрощавшись с Марией и сославшись на то, что завтра рано в поле, он улизнул с круга и с палкой в руке встал за тот самый дуб, что рос возле тропки, по которой ему возвращаться домой. Скрипки все еще выделявали плясовые мелодии, подхваченные барабаном, когда в темноте ночи он различил человека, явно имеющего цель встретить его. Понял, что этот ухарь как раз из тех, ждать не стал и палкой, что была у него в руках, погулял по просторной спине прищельца, по его шее, по голове, как тот ни изворачивался. Не проронив ни слова, парень отскочил и скрылся в дегтярной черноте ночи.

Дни пошли еще бесшабашней, чем первые, и Данило с вызовом увозил с подворий пахотный инвентарь, делил между бедняками реквизируемые вещи, на собраниях поддерживал правление колхоза.

Откосились, убрались вовремя с зерновыми, осенью свезли на ближайший сахарный завод сахарную свеклу. Тот тут, то там стали играть свадьбы. Молодые привыкали к новому – регистрироваться в сельсовете. За рекой, у Воловичей, играли свадьбу. Выдавали замуж дочь Ольгу, девушку статную, имеющую за собой богатое приданое. Вся

родня ее была люди состоятельные, держали во всей округе магазины; наверное, не одну амбарную книгу исписали, отпуская в долг крупы, гвозди, деготь под проценты. Выходила Ольга за правобережного Василия Надточия, сына кузнеца; сам он тоже был заправский кузнец. И что в профиль, что в анфас – лицом красавец, под стать ростом Данилу, и музыкант. Лучшей пары, как сказала Оля в перепалке с родителями, – не надо, а ежели что – руки на себя наложу.

Надо сказать, и Оля Василию нравилась. Данило верным другом у Василия был. Вместе на ярмарке повернули ход потасовки с «подольскими» в свою пользу, в пользу их села. И на свадьбе у друга Данило занял свое место. Лучшего момента, чтобы отыгаться и проучить голытьбу, не придумаешь... Но шила в мешке не утаишь. Когда уже все в приличном подпитии вышли во двор отбивать плясовую под гопака, сын хозяина, паренек лет двенадцати, как бы невзначай бросил:

- Данило, тебя бить будут, я слышал разговор.
- Николка, соль есть?
- Есть.
- Дай мне.

Николка сунулся за печку и насыпал в обширную ладонь Чубая соли, а сам выбежал во двор, где заливались скрипки. В Даниле росло негодование, кипело ненавистью все нутро: такой день испортить! Кто же у них будет зачинщиком? Ведь начинать надо не просто так. Видимо, надеются, что до момента, пока подойдут трое-четверо, тот должен выдержать удар.

Данило закусил еще и хотел уже подняться и выйти – простора за столом немного, вольности нет, как дверь распахнулась, и в избу вошел тот самый мужик, которого Данило отделал у дуба.

- Вот и встретились! – грозно наступал он на Данила.

Это были его последние слова. Через секунду он протирал глаза, в которые веером была брошена соль. Данил перемахнул через стол и двумя ударами сложил мужика вдвое. Задиравшийся упал, а в двери, опережая один другого, в злобе ломились еще двое. Но тут уже злость появилась у Данила, и на чистый крашеный пол рухнули оба.

Тут он заметил, что зачинщик поднялся и схватил со стола нож. Изловчившись, Чубай приподнял его и торпедой – вперед головой – выбросил в окно, выходящее в сад. Остаться дальше на свадьбе не имело смысла. Выскочил во двор и задней калиткой, через огород, спустился к реке. Вымыл руки, как после чего-то грязного. Пришел домой и еще долго слышал, лежа на сеновале, повизгивание скрипок и долгую ленту женской песни из-за реки. Заснул после крика петуха.

Неделю его никто не тревожил. По ночам стало холодно, утром туман надолго задерживался в низинах и над рекой. В лужицах схватывалась ледком вода, подвозили корма к фермам. Со спадом крестьянской работы мужики уходили на «халтуру». Вернувшись с мельницы, Данило повесил общественную сбрую и пошел домой, поигрывая бичом. Умылся, мать налила щей и...

– Данило, тебе казенная бумага, – подала повестку.

Данило вчитался и понял: вызывают в милицию, в район. Главное, срочно, завтра быть в райцентре к одиннадцати часам дня. Пегий меринок под ним бежал рысью, ломая хрусталики первого ледка. Стук копыт глухо отдавался в чуть схваченной морозцем земле. Привязав мерина к коновязи и повесив сумку с овсом ему на шею, пошел в отделение милиции. Дежурный повертел в руках повестку, бросил:

– По коридору, налево!

Данило открыл дверь. В комнате стояли стол, два табурета, сейф и сидел мужчина-чиновник.

– Здравствуйте. – Не дождавшись ответа, протянул повестку. – Вот.

Милицейский чиновник взял повестку, положил на край стола.

– Садись, поговорим.

В преддверии разговора закурил, что-то вынул из папки, добытой из сейфа.

– Чубай Данило Остапович, год рождения... – читал он.

– Да, – соглашался Данило.

На столе поблескивала тяжелая мраморная промокашка. Парень смотрел на невиданную вещь с любопытством.

– Хорошо. Мать, отец?..

– Мать.

– Где отец? Погиб? Что в селе?

Данило принялся рассказывать.

– Так как же ты там мешаешь проводить коллективизацию, а?! – оборвал его милиционер.

– Я?! Да я в первых рядах!..

– По чьему заданию мешаешь, а?!

– Я не мешаю, я участвую!..

– А это, по-твоему, что? Видишь, народ пишет? Так кто стоит за тобой, сознавайся! Чистосердечное признание...

– Врут, кто там написал!

– Ах, врут?! – как-то ловко под руку чиновнику попалась тяжелая мраморная промокашка, и в ту же минуту опустилась она ударом на голову Данилы.

– Не сознаешься, контра?!

Данило понял – тут не просто ошибка, это тщательно продуманная богатеями села затея – так свести с ним счеты. Но еще драться?! Нет, этого он стерпеть не мог. И Данило резко выпрямился, ухватил тяжелый табурет и опустил его на голову обидчика. Следовательно тяжело опустился за стол, роняя свой табурет и промокашку; на шум вбежали милиционеры – два или три... Данила скрутили, тем более что он уже взял себя в руки.

– А мерин как же?

– Мерина мы отправим.

...Через месяц он с группой товарищей пешим порядком был препровожден на станцию, и начался отсчет первого года данного ему срока – десять лет. Гитлеровцы уже оккупировали Польшу, поэтому преступных элементов везли все дальше на восток.

ЛЕКСИНА
Нина Ивановна –
поэт, прозаик.
Член региональной
организации
«Тюменское областное
отделение Союза
русских писателей»
с 2020 года.

Родилась 4 декабря 1957 года в Тетюшском районе Татарской АССР, Россия. Окончила Тетюшское педагогическое училище и историко-филологический факультет Казанского педагогического института в 1983 году. Очерки, рассказы и стихи печатались в региональных изданиях и коллективных сборниках ХМАО-Югры, Тюменской области, Татарстана.

Автор книги стихов «Верю в Твою Благодать» (2018), сборника рассказов «Живый в помощи» (2019). Член ЛИТО «Замысел» г. Нижневартовска и Союза писателей Северной Америки, лауреат международных и всероссийских литературных конкурсов.

Преподаёт русский язык и литературу в Нефтяном Институте (филиале) Югорского государственного университета. Живёт в г. Нижневартовске.

НАМОЛЕННОЕ МЕСТО

эссе

– Бабушка, ну что ты кручинишься? Радуйся. Ты же скоро в город жить поедешь, там храмы есть, – так утешала я бабушку Катю, когда та, прощаясь с родным подворьем, морщинистой ладонью гладила брёвна своей избы, потемневшие и потрескавшиеся от природных невзгод.

Постояв, будто вспомнив что-то, она улыбалась сквозь слёзы. Столько горечи в морщинках возле губ...

Я обнимаю её, такую старенькую, родную и, не выдержав более, заливаюсь горячими слезами, ведь в её доме прошло наполовину моё детство.

Спохватившись, утирает она мои слезы, обнимает, ведёт к крылечку:

– Не надсаждай своё сердце, внуча, – так коротко называла она меня частенько. – Твои слёзы ещё впереди, давай-ка мы чайку выпьем. Тоже ведь упорхнёшь скоро в город учиться. Ну да вам, молодым-то, что... везде пути-дороги открыты... Голову на плечах держи!

Минуя тёмные прохладные сени, мы заходим в избу.

Легонько отстранив меня, бабушка Катя молится Богу.

А я замираю на пороге, глядя на печь-лежанку, на широкую железную кровать, большой дубовый стол, за которым умещалась уйма народу: сидели, бывало, тесно, плечом к плечу – в тесноте да не в обиде.

Дед ещё жив был...

Приезжали пятеро бабушкиных сыновей. Были они широкоплечие, высокие, как дубовые воротные столбы, братья Силантьевы.

И жёны их, и дети – все сиживали за этим гостеприимным столом.

А были весёлые шумные застолья в избе, с гармоникой, песнями, залихватскими частушками.

Как сейчас вижу деда, широкоплечего, статного да усатого, с густым кучерявым чубом.

Хорошо пел дед, и сыновья его голосистые были.

Бабушка в этом веселье не участвовала. Будучи христианкой, она смиренно готовила на стол угощение, за

всеми доглядывала (сыты ли), а потом скромно присаживалась на краешек скамьи, благодушно взирала на детей своих, радуясь их радостью. Глаза её светились голубым светом.

Удивительное смирение перед Богом, любовь к Нему сочетались с земной любовью к своему искалеченному войной мужу, моему деду Ивану, к сыновьям и своей единственной дочери Настёне (моей матери), одной выжившей из пяти дочерей, к многочисленным внукам.

Дед не был ни суровым, ни злым, к его желанию завести в доме веселье бабушка относилась с пониманием и незаметно делала всю важную работу для предстоящего застолья.

А когда бабушка Катя желала уединиться в крошечной кухоньке, чтобы помолиться Богу, почитать Библию при свете восковой свечи (она сама их сучила из воска), тихим ангельским голоском пропеть псалмы, дед переставал стучать молотком (был он сапожником) и увещевал нас, расшалившихся, чтобы ей не мешали.

Любовь и согласие жили в бабушкином доме.

Помнится, как однажды, во время веселья, я, сидя на печке, хлопала в ладоши – дед плясал!

Он подпрыгивал на здоровой ноге, а другую ногу-протез приподнимал и хлопал в ладоши под железным коленом.

Меня охватил восторг: вот так дед-фронтвик, дал всем фору!

Я тормошила всех детей, сидящих на печке, и орала что есть мочи:

– Дед Иван пляшет! На одной ноге! Во даёт!

И, заметив мой восторг, дедушка схватил меня своими сильными руками, стащил с печки и с криком «пляши» опять стал неистово подпрыгивать, кивнув гармонисту: «Давай барыню!»

Плавным кругом, точно коршун, выступил он на середину избы и, хлопнув в ладоши, медленно, а потом всё больше распаяясь, подбоченившись, плясал, одной рукой кружа меня.

Мне весело было среди взрослых, я молотила босыми пятками деревянный крашеный пол, бог знает, что вытворяла,

рискуя попасть под чужой каблучок, но всякий раз изворачиваясь, отчего было ещё веселее.

Наконец, и молодёжь не выдержала, повыскакивала на середину избы и пошла в пляс.

Плясали Подгорную, частушки звенели лихие.

Я заметила: дед стал морщиться от боли (культя давала о себе знать) и заметно припадал на ногу, будто из липкой, густой грязи ногу вытаскивал.

Бабушка, заметив неладное, вспорхнула со скамьи и, подойдя к нему, что-то на ухо шептала (кричала) своему «Ване», тот отошёл от веселившихся и покорно сел на скамью.

Дед всегда был послушен бабушке, хоть и старше был её лет на пять, а она никогда ему не преклословила.

И нигде больше я такого миропорядка не наблюдала.

И где теперь всё это, и куда делось всё?

Бабушка окликнула меня, прервав дорогие воспоминания, и я не без сожаления вернулась в грустную действительность.

Мы сели с ней за стол и стали пить чай с душицей и зверобоем, которые на днях вместе собирали в лесных оврагах.

Душистее и вкуснее этого чая нет ничего на свете.

– Вот покидаю своё родное гнездовье.

И остается место намоленное, а никому теперь не нужное, – с грустью сказала моя милая старушка.

– Бабушка, а как это – намоленное? Это что значит? – недоумевала я.

– Храм-то в селе не действует уже столько десятков лет, бурьяном зарос.

А куда пойти человеку утешения искать с поруганной душой? А как горе-беда случится?

Только и остаётся спасением родная изба. Да хорошо, если в этой избе Богу молятся, – оттого место то священным становится. Исстари наследовали его дети и внуки.

Не пушки и не армии так страну берегут, как святые места, монастыри да храмы с церквями.

Теперь вот все в города бегут.

А зачем? Разве дерево без корней приживается? Где родился, там и сгодился.

А ведь вернуться люди снова к земле, веришь ли, придут такие времена... И колокола звонить будут. Помяни слово моё...

Ничего я тогда не поняла из её слов, ровным счётом – ничего. Загадками говорила бабушка. Но и возражать не стала.

Много воды утекло с тех пор – бежит река времени... Я сама уже теперь бабушка, далеко живу от родных мест. Чужая сибирская сторонка мне родной стала. Но бывают минуты, когда вдруг взноет сердце, встрепенётся птахой душа, хлынут воспоминания о родной земле, о дорогих моему сердцу близких людях.

А что такое я без них?

И поймёшь вдруг: а не зовёт ли тебя намоленное место? Не потерялась ли ты в суете каждодневной? А всё ли исполнила, о чём просили в молитвах о тебе предки твои?

И засобираешься в путь-дорогу – родные места навестить.

Зовёт, зовёт к себе намоленное место...

«РОЖДЕСТВО ТВОЕ, ХРИСТЕ БОЖЕ НАШ...»

новелла

*В деревне Бог живет не по углам,
как думают насмешники, а всюду.
В деревне он – в избытке...*

И. Бродский

Зимой в деревне рано смеркается.

Не успеешь оглянуться, а вечер уже у ворот стоит. Спускаются синие сумерки, и снежные сугробы, белые днём, теперь будто чернильные.

Тени таинственные бродят по улицам, а деревья, опущенные инеем, как видения, застыли у домов. Во всём чудится мне волшебство Рождественского праздника...

Снежищу-то намело к Рождеству! Крыши домов, ометы, стожки сена у домов – всё в снегу. На огородах мальчишки снежные да ледяные крепости понастроили, хвастаются, которая дольше до весны выстоит.

Мой дом стоит в долине, у колодца, и ручей со студёной водой рядом. Журчит водица серебряная, а кверху пар поднимается – такое диво!

Перед домом гора высоченная, до самых небес возвышается, вся белая и пуховая от снега, как перина.

Одеваешься теплее и вот уж мчишься на санках с горы – дух захватывает! Да не зевай – в ручей залетишь, если санки не повернёшь в сторону. А бывало, сиганёшь в студёную воду и не поймёшь поначалу: то ли ледяная она, то ли кипяток – так обожжёт. И стрелой – к дому, а край пальтишка-то уж обледенел, колом стал. Ох, как попадёт от старших, берегись! Карабкаешься на гору – ещё разок скачусь! Ресницы смерзаются, белые, пушистые, будто крыльями пташки над глазами машут. Щеки и уши горят – морозкины поцелуи...

Вот уже вершина горы. Встала передохнуть и замерла в изумлении: в той стороне неба, где солнце зимнее спать укладывается, небо лиловое, а местами розовое, а над самой горой – тёмное, и там уже звёздочка первая затеплилась...

– Девчо-о-нки, аль забы-ы-ли, – соче-е-льник нонче. К на-а-шим айда, кутью понесём! – слышишь мамин голос, скатываешься с горы, бежишь домой что есть духу – обогреться бы надо...

Несёшься по темному коридору, зажмурив глаза: висит на стене, белой от инея, тушка поросёнка с оскаленными зубами под пяточком, на гвоздях – гуси ошипанные. Страшно – а ну, как клювом в темя долбанут!

А в избе тепло и особенно уютно. Все убрано к празднику Рождества: белоснежны накрахмаленные тюлевые занавески на окнах. А стёкла морозными узорами разукрашены. Волшебство... Дюмотканые дорожки лежат на половицах, отдают морозную свежесть тёплой избе. А до этого неделю висели на заборе. Теплится лампада в переднем углу с иконами. А на полу, в промёрзшем углу, стоят миски, в них холодец застывает. Так положено, будто в дар младенцу Христу. Бабушка и мама держат строгий пост, а сегодня они долго молятся и ничего не едят до первой звезды. Надо спешить...

Мама достаёт из сундука пуховую шаль с запахом нафталина, надевает пальто с широким подолом. Ей так идёт

этот зимний наряд! А мы с сестрёнкой уже в новых фланелевых платьях, сшитых специально к празднику, выкручиваемся перед большим зеркалом, завязываем капроновые банты на головах.

Незабываемый вечер перед Рождеством...

А ночь будет ещё таинственней. Вот бы не спать, вдруг увидишь Вифлеемскую звезду. Взойдет волшебная звезда на востоке, а ты спишь...

Выбегаем на морозную улицу, садимся в санки – до бабушки не близкий свет. Мама добровольно «запрягается» в санки, смешно изображая лошадку, – хрустит снег под её ногами, санные полозья повизгивают – и мчимся под гору.

Лети-и-им! Сейчас она отпустит верёвку, а сама побежит следом, весёлая, озорная. Навстречу новая горка и – бух! – падаем в снег, барахтаемся.

Дальше путь в гору – придётся всем идти пешком. Мама впереди – только успевай за ней... Безветренно, тихо. А звёзд на небе уже видимо-невидимо. Сощуришь глаза, а они переливаются, как стеклышки в калейдоскопе. Чудеса...

Дед и бабушка встречают нас у порога, в руках у них миски с водой холодной. Мы опускаем замерзшие пальцы, чтобы руки быстрее согрелись, без ломоты.

Садимся за постный стол. Каша простая на столе стоит, солёные овощи из кадушек, ржаной хлеб ломтями нарезан, свежий, ароматный, испечённый к празднику. И мамина каша пшеничная с сухофруктами аппетит нагоняет. Ужинаем молча, величие праздника того требует.

Бабушка говорит, что Рождество Христово – «матерь всех праздников»: рождается Иисус Христос – Сын Божий, Спаситель мира. А потому и ночь самая святая из всех ночей на земле.

Сорок дней бабушка постится и подолгу читает Библию, молится усердно. Сегодня верующие люди села, тайно от властей, соберутся в доме одинокой старушки и будут всю ночь молиться при свечах, будет «всенощное бдение». Храм-то коммунисты закрыли.

А рано-рано поутру детвора пойдёт по селу, заходя в каждый дом, будет славить Христово рождение.

– А вы тропарь-то Рождеству, что с вами учили, не забыли? – спрашивает бабушка меня и Танюшку-сестрѐнку.

– Рождество Твое, Христе Боже наш... – нараспев затанули мы дружно, но она остановила нас, предложив утром прославить Христа.

Сегодня мы будем ночевать в доме деда. Бабушка уйдѐт ко всенощной, а мы останемся с ним. Дедушка Иван будет спать, а на груди у него примостится кот Василий, дрему нагонять будет. Я старшая. Если что – отвечать мне.

– Танюш, а давай рисовать Вифлеемскую звезду, – предлагаю я, достав из тумбочки цветные карандаши и тетрадки с рисунками. Быстро нарисовала звезду, первую, вторую, а среди них одна особая – Вифлеемская, у неё углов больше, чем у звезды обычной. Что бы еще нарисовать?

Смотрю на икону Казанской Божьей Матери, на прекрасного младенца на руках Приснодевы, которую бабушка называет «благословенной среди жѐн», Марией, и сердце моѐ сжимается от предчувствия беды: прекрасный младенец Иисус скоро вырастет, и его безжалостно распнут на кресте. Но сегодня Мария счастлива, она держит сына в пелѐнах, и он в эту минуту её, только её. О нём на земле знают пока волхвы, а до царя Ирода весть ещё не дошла. Ангелы петъ начнут «аллилуя», все верующие люди будут этой ночью подпевать им и встретят таинственного, прекрасного Бога-младенца.

Мне так хочется хотя бы краешком глаза заглянуть в вертеп, в ясли для ягнят, где лежит младенец Христос, но бабушка вчера объяснила, что не все достойны видеть это таинство. А времена теперь и вовсе безбожные настали.

Сон смежает мои веки...

И уже сама не помню, кто и когда положил меня спать на печку-лежанку, только проснулась я от скрипа ли половиц в сенях, от стука ли двери, а может, от морозного свежего воздуха, что принесли с собой дети, входя в избу. Бабушка и дед уже на ногах. Топится печь, щѐлкают дрова. Ещё темно, но мальчишки и девчонки пришли славить...

Раньше всех прибежал мой старший брат, Шуряня. А того, кто приходит раньше всех и приводит с собой других детей,

дед усаживает на вывернутый кверху мехом тулуп, надо непременно рассказать тропарь Рождеству.

У брата хорошая память, сидя на тулупе, он вдохновенно славит:

*Рождество Твое, Христе Боже наш,
Воссия мирови свет разума...*

Тут мы с сестрёнкой выныриваем из-под пестрой занавески на печи и подпеваем:

*...Тебе кланяются, Солнцу пра-а-вды,
И тебе ведети с высоты Восто-о-ка.
Господи, сла-а-ва Тебе!*

– С праздничком, с рождеством Христовым! – хором провозглашают остальные дети. Шурик Иванычев вышел вперёд и тонким голоском проскороговорил:

*Маленький юнчик сел на стульчик,
Открывай сундучок, доставай пяточок...*

Бабушка и дед улыбаются, достают из жестяной расписной банки деньги и раздают всем «пятаки», а чаще – гривенники или пятнадцать-двадцать копеек. Перепадает и нам с сестрёнкой.

И снова хлопают двери, трещат мёрзлые доски в сенях, того гляди рассыплются на куски, но все обходится благополучно.

Уже рассвет зимний глянул в окна.

И Вифлеемская звезда спешит по небосклону, чтобы провозгласить во все концы земли: «Рождество Твое, Христе Боже наш...».

ПЕРЕД ПАСХОЙ

новелла

Хмельной метелью пронеслась по селу масленица...

Вчера ещё пекли круглые поджаристые блины, зазывали в гости друг к другу. Тёщи принимали в гости зятьёв. Расстегнув полушубки, лихо сдвинув на затылок шапки, спешно шли они, ведя под руку румяных жён, здороваясь со встречными односельчанами и на вопрос «далёко ли» отвечали горделиво: «К тёще на блины!»

Отзвенели на улицах песни протяжные да задорные частушки под лихую гармонию. Бывало, какой-нибудь озорник вдруг пропоёт козлиным голосом матерную частушку-нескладушку: «Теща..., блинчики пекла...». И тут же, получив увесистый подзатыльник, сваливался в снег, увлекая за собой в сугроб подвернувшуюся молодуху. Хохот, объеденье и пьянство, частенько и мордобой – всякое бывало...

А молодёжь в сельском клубе резвилась, включала радиолу. Вновь и вновь крутилась чёрная пластинка – танцевали иноземный твист, до упаду. А потом все забивались в чью-нибудь избу и веселились до рассвета... «А чево им не веселиться: революцию деды сделали, отцы фашиста побили, а коммунизм можно вот так вот – под твист, брюки в дудочку – строить», – метнёт с укоризной в сторону молодёжи кто-то из мужиков. Но тут же отпор получит от сердобольной мамыши: «И пусть их – радуются, лишь ба войны не было...»

Ребятня, забившись на печку да полати, наблюдали за взрослыми: кто во что нарядился, как пляшут, что поют. Так, бывало, вповалку и засыпали под «Галю молодую», которую казаки увезли с собою, а потом за косы к дереву привязали – такие страсти!

Мальчишки, свесив вихрастые головы с полатей, спросонья таращат глаза на мужиков: кто сколько из них самогонки «выжрет», а потом, забившись в тёмный угол печки, наливали воды в пустую бутылку, «чокались» гранёными стаканами, будто пили бражку «с устатку». И так разгалдят, что и не унять. Проворная стряпуха вдруг шутиливо «боднёт» кого-нибудь ухватом ниже спины. Визг, смех...

Норовили разойтись по домам, пока сельская подстанция свет «крутит» – потом уж зажигали керосиновые лампы и подвешивали их к потолкам.

Любители «погулять» подольше оставались, чтобы выхлестнуть с песней всё, что накопилось на сердце, наболело. Запоют – лампы гаснут. А когда уж дело доходило до «Хас-Булата удалого», то «прекрасные половины» не выдерживали, вытаскивали из избы уже силой своих певунов, скороговоря: «Айда-а, посидел, гости домой уходят. Будет те от

«председателя», коли колхозная животи́на не кормлена останется».

А наутро пьяная лень овладевала людьми. Колхозное руководство, грозя снять трудовни, с ног сбивалось, чтобы наладить дело. Бабушка моя, неся на коромысле ве́дра с водой, выговаривала председателю колхоза:

– Не деревня, а Вавилон-блудница, упоенная вином. Где это слыхано...

– Ничего, ни-че-го-о, трудовни да налоги подстегнут, – отвечал тот с досадой...

Наступил прощёный день.

Мама, принарядившись и приодев меня и сестрёнку, как-то торжественно объявила:

– Пойдём к «нашим» (так она называла своих родителей), прощения просить.

Минуя знакомые дома, уворачиваясь от злых собак, мы отворили наконец скрипучие ворота и зашли в избу. Нас встретили дедушка и бабушка, как всегда, радушно.

– Тятя, мама, простите меня и деток моих, Христа ради! – со слезами в голосе говорит мама.

– Бог простит. И ты нас, Настёна, прости, – отвечают они растроганно.

Какой-то пушистый комок подступает к моему горлу, душит до слёз, отчего сразу захотелось всех пожалеть и простить.

– Бабушка, а почему сегодня воскресенье Прощёное? А тогда другие как называются? – чуть ли не в один голос спрашиваем мы с сестрой.

– А потому необычный воскресный день, что завтра Великий пост перед Пасхой начинается. Да кабы все нонче об этом помнили, может, меньше бесчинствовали бы, – сокрушается она. Бывало, в старину, родственники и знакомые гостили друг у друга, просили прощения, церкви да храмы посещали, поминали усопших родных. А теперь все расхристанные, – а всему тому быть суждено, как сказано в Писании.

Она вздыхает и приглашает всех к столу: – Давайте, милые мои, усаживайтесь – соловья баснями не кормят.

Дедушка, а вслед за ним и мы, дружно встаём у стола. Бабушка начинает читать молитву, и все крестятся перед началом еды.

Вместе с нами за стол садятся убогие странники, Андрюша Полуниин, прозванный в народе «В рот те козу», (такая у него странная поговорка) и Феклуша Алекинская.

Бывало, молясь вместе с бабушкой Богу, почитав Писание и обменявшись библейскими истинами, Андрюша вдруг ни с того ни с сего закатывал глаза и выкрикивал каким-то петушиным голосом, подняв указательный палец вверх:

– Катя, а народ-то ныне Бога не чтит, совесть совсем потерял, в рот те козу!

Мы с сестрёнкой обычно при этих словах прыскаем в кулачок, чтобы не расхохотаться, а бабушка незаметно грозит нам пальцем – над убогими смеяться?..

Дед-фронтвик у нас большой шутник и жизнелюб. Бабушкину привычку – привечать у себя в доме убогих сырых странников – он принимал беспрекословно. Она ведь искренне верит в Бога, много горя повидала на своём веку, но не озлобилась. Я с интересом наблюдаю за гостями.

Важно сидит за столом у окна Феклуша. Она полная, на ней несколько юбок с заплатками, карманами, невидимыми из-за многочисленных сборок. В них она прячет деревянную ложку и кружку. У неё полное, невыразительное лицо, напоминающее непропечённый блин. Мы её побаиваемся и больше молчим в её присутствии, а в деревне расшалившихся детей пугают:

– Смотри, Фёкла с собою «в юбках унесёт!»

Я больше всего люблю наблюдать за Андрюшей. Не знаю, сколько ему лет. Он хрупкий, плечи у него узенькие, покатые, как будто ветки берёзы под снегом. На нём полосатые портки, а поверх них надета сатиновая рубаха, подпоясанная верёвочкой. Светлые усы и бородка.

Бывало, дедушка подстригал его, осторожно минуя пространную лысину со лба до макушки. Насмешки тот сносил всегда смиренно, никогда не гневался. И лицо такое благообразное, похожее на лики старцев, что дружелюбно глядят с бабушкиных икон. Смотрит голубыми глазами

кротко, как голубь. Благодушный и улыбчивый – потому и жаль его.

Странниками бабушка не брезгует: моет их в бане, кормит, чем Бог послал, строчит на «зингерке» юбки, рубахи и дарит. Её многие не понимали и даже осуждали.

– Ничего, не оскудеет рука дающего – просящему даётся, – обычно с улыбкой, благодушно отвечала она, не обращая внимания на пересуды. Всё понимала, всех прощала...

За окном, между тем, словно бабушкина лампада, догорал зимний закат – пора возвращаться домой.

Идём по канавистой дороге, слева от которой чернеется глубокий овраг, а справа на пустыре – храм с поверженными крестами и полуразрушенными куполами, похожими на стайки птиц, которым так и хочется взлететь к небу, но кто-то безжалостно связал им крылья. Пять куполов, как пять бескрылых птенцов.

Я говорю маме об этом, и она, кивая головой, с грустью говорит:

– А когда-то здесь службы шли, пелись молебны, народ валом валил из окрестных сёл, звенели колокола, и так-то радостно на душе было. А теперь всё не то, не то...

– Мама, за что же всё это? – первой не выдерживаю молчания я.

– Во всём есть промысел Божий. За грехи это людские, чтоб опомнились.

Кого Господь любит, того и наказывает.

Что имеем, не храним – потерявши, плачем. Разломали всё, святое порушили, – с грустью заключает она и, остановившись, крестится, глядя на храм.

А мне трудно всё это осмыслить детским разумом...

РАССКАЖИ МНЕ ПРО ВОЙНУ

главы книги «Расскажи мне про войну...»

**Светлой памяти деда,
Силантьева Ивана Семеновича,
Ветерана Великой Отечественной войны,
награжденного орденом Красной Звезды за подвиг**

– Кап-кап – капель, поёт апрель – оттепель! – рифмую я слова в строчки, любуясь новенькими резиновыми сапогами. Прыгаю через весенние лужицы и весело кричу:

– Весенние каникулы! Ура! Ура-а!

Я, радостная, бегу к дедушке и бабушке. Они живут недалеко от школы. Они ждут!

Дед Иван увидел меня в окно, улыбнулся, махнул рукой. Он работает, как всегда: шьёт обувь либо занимается её ремонтом. То и дело поглаживает больное плечо...

– Дедушка, это осколок мучает тебя, который в плече застрял, когда ты на войне был? – участливо спрашиваю я.

– Это, внучка, война застряла навсегда в моём плече, – отвечал он.

– Расскажи мне про войну, дедушка, пожалуйста, – с мольбой в голосе говорю я.

– Что про неё, проклятушую, вспоминать? – неохотно ответил дед Иван.

– А тебе страшно было на войне?

– Страшно бывало, внучка, не скрою... Страшно было за новобранцев, когда они, закрывая уши ладонями, кричали «мама». Восемнадцатилетние, мальчишки, тоже ведь шли за подвигами многие, а находили смерть. Земля, бывало, горела летом, а зимой – снег!

Молодёжь раньше времени седела. Мальчишка совсем – виски будто пеплом присыпанные. Так война перекрашивала нашего брата, солдата, на свой лад. А искалеченных войной сколько, а убитых?

– Дедушка, как же так? Кто ответит за это?

– Нету ответа, внучка, на этот вопрос, нету... Пока люди сами не опомнятся, не ужаснутся от содеянного. Вам бы вот посчастливилось и дальше жить в мире. А нам уж до конца дней не залечить раны...

Я сочувственно смотрю на деда Ивана, потом подхожу к нему, осторожно обнимаю за плечи, ведь в одном из них – осколок! Пять ранений было у него. Нет одной ноги...

И мне так хочется ещё говорить и говорить с ним о «проклятущей» войне. Но дед занят срочной и ответственной работой – нужно добротнo отремонтировать сапоги. Потому

дед нахмурил брови и, кажется, уже не расположен больше к разговору.

Бабушка окликает меня, шепотом говорит, чтобы я не докучала деду расспросами о войне: «Опять валидол ночью принимал, незачем ему лишние волнения...».

В самом деле, про войну долго и много дед не любил говорить. Когда его приглашали на встречу с молодежью, он чаще всего наотрез отказывался: «Что говорить? Живу на одной ноге, как аист. Это и есть моя правда о войне».

Дедушка выживи!

– Тпрр-у-у, миллыя-я! – слышится мужской голос у ворот. Я подхожу к окну, дую на замёрзшее стекло. Получилось прозрачное пятнышко с пятикопеечную монету, глазок, и видно стало, что возле ворот делается...

– Бабушка, похоже, гости пожаловали! Лошадку мужик какой-то у ворот привязывает! – кричу я ей, хлопочущей в кухоньке.

– Плаксин это, друг дедушкин из Чудовки. А Чудовкой называли у нас соседнее село Колунец.

– Бабушка, а почему Чудовкой село Колунец прозвали? – раздирает меня любопытство.

– Чудной народ там проживает. И говорят они не по-нашему, иначе. Вот послушай Плаксина, сама поймёшь...

Плаксин работал старьёвщиком. В народе его называли шобольник. Собирал он по окрестным селам шоболы, т.е. старые вещи, и отвозил на какой-то пункт. Люди освобождались от ненужных вещей и получали хотя и копейки, но тоже очень нужные в хозяйстве. Бывало, заезжал он и к деду Ивану. Гостеприимный дом моего деда, Ивана Семеновича Силантьева, напоминал сказочный теремок: кто только не ежживал к нему! Всем место и угощение находилось...

Разговор наш прервался, потому что вместе с морозным воздухом в избу вошли дед Иван и старьёвщик Плаксин из Чудовки-Колунца. Бывал он в гостях крайне редко, но я теперь узнала его: на румянном лице светятся яркие голубые глаза. Красные губы вишнево-кисельного цвета. Плаксин не спеша

раздевается, снимает тулупчик, ещё покрытый остатками инея. Сноровисто ставит на стол поллитровку советской водки.

И правда, чудно говорит старьевщик, не по-нашему: «Здорово, Катя, ни чаяла, ба-а-й, гостей встрича-а-ть, – нараспев, напирая на «и» вместо «е», будто мяукал Плаксин.

Я радуюсь: сейчас они будут пить, не спеша, «водочку», хрустеть солёным огурчиком из деревянной кадки. И обязательно разговор пойдёт о войне. А после песни запоют – заслушаешься!

Я и сестрёнка Таня забираемся на тёплую лежанку – так уж повелось: чуть гости на порог – мы шашть – на печку. Тепло, и пункт наблюдения подходящий. Угощая гостей, бабушка и про нас не забывала: подавала нам со стороны кухни тарелку с пирогами или лепёшками да кружки с молоком топлёным.

Заняв удобную позицию, чтобы уж не глазеть на приезжего, не смущать, я беру книгу в руки, вроде, как читаю. А сама прямо в слух превращаюсь.

Поговорив про то, про сё, про свои проблемы хозяйственные да служебные, про детей да внуков, выпив чарку-другую, дедушкин друг нараспев, тягуче, по-чудовски, гундел:

– Иван Си-именыч, айда, ба-ай, запи-и-вай!

И сам же первый начинал:

– Ты-ы ни ве-ейся, чё-ё-рнай вора-ан, над мо-о-ею голово-о-ой...

Тут уже дед подхватывал – заслушаешься... так ладно у них получалось...

«Вот бы им по радио петь, не пришлось бы Плаксину шобольником быть, а деду вечно молотком стучать», – подумала я.

Песня про «чёрна ворона» настраивала меня на героическую волну, книги и фильмы о войне тоже будоражили мое воображение, хотелось вершить что-то важное, высокое, нужное людям.

В такие минуты мне особенно хотелось слушать про войну, про подвиги...

Я жду: сейчас дед и его друг напоятся вдосталь, а затем разговоры о войне пойдут. Мне очень хочется услышать всё,

что дедушка Иван рассказывать будет о том, что выпало на его долю там, на переднем крае, на передовой... И за возможность услышать о войне из первых уст я шепчу: «Спасибо, дедушкин друг Плаксин!»

Разговор обычно начинал Плаксин:

– А ить, Иван Си-имёныч, инья ви-ирнулись с войны, ба-ай, не поцарапанные даже. А ты, вона, без ноги-и. Ди-и-тей полон дом! Где она, Божия справи-идливость? – напирал на «и», вместо «е», друг деда, утирая слезу пьяную.

– Не гневи Бога, сват (Плаксин доводился деду и бабушке сватом – правда, седьмая вода на киселе), жив остался – и слава Богу! У каждого – своя фронтовая судьба. После Гражданской войны жив-здоров я вернулся, – успокаивал расстроенного гостя мой мужественный дед.

– Орден, о-орден-то, ба-ай, ни зря получи-ил, Ва-аня, чай, в пириде-елке побывал – нараспев и по-волжски окая, продолжал гость.

– Было дело горячее – не скрою. В Белоруссии уже тогда война шла, под Бобруйском ожесточенные бои разыгрались. И полегло нашего брата – видимо-невидимо...

Вызывает меня начальство: «Дуй, Иван Семёныч, за снарядами. Ох, как нужны! Прёт фашист проклятый – атака за атакой – успеть бы!»

И сам уж я видел, сваток, дело наше – тяжкое. Фриц злее день ото дня становился, потому как нехристя этого поганого все увереннее гнали мы уже и не только со своей земли – своя уж освобождалась и дымила в руинах.

«Есть, товарищ командир, снаряды на передовую доставить!» – козырнул я, свистнул своих лошадок боевых и помчался что есть духу – успеть бы!

Снаряды-то я на паре лошадей возил. Где набраться машин? Грузовики нарасхват были. Да и мне сподручней на лошадках, сельский житель я, и с лошадками всегда дружен был.

– Иван Си-именыч, не томи уж ду-ушу, успел али нет... снаряды довел ли? – умоляюще смотрел на деда гость Плаксин большими голубыми, мокрыми, как у морского окуня, глазами, торопя рассказчика.

- Привезти-то привез, две лошадки резвые были (ухаживал я за ними на совесть: чистил, холил, кормил, ежели время отпущено было для этого), ехал, норовя, где можно было, прятаться за деревьями. Лошадка, она, что ж, там, где грузовичок не проедет, она уж непременно проскочить незамеченной должна.

Только чем ближе подъезжал я к передовой, тем тревожнее на душе становилось: орудийные залпы с нашей стороны всё реже и реже: неужто опоздал? Неужто линию фронта фашисты прорвали? Ближе подъезжаю – Мать Божия – авиация вражеская опередила: всё перемешано с землёй, не счесть убитых! Знать, жестокий налёт был! – тут дедушка взмахнул обречённо рукой, голову понурил...

- Дедушка, – от волнения у меня перехватило голос, – и что же, что? – хочу крикнуть я, свесившись с лежанки, но вовремя получаю деревянной ложкой по лбу – так моё любопытство бабушка остудила...

- Ты что же это? Пускай выскажется, легче ему будет. Вот и получила – не обижайся – за правое дело! Нас, бывало, так и проучивали – не лезь в разговор взрослых. Где это слыхано? – шёпотом увещевает меня бабушка.

Но я не обижаюсь и не слушаю её (мне и не больно вовсе) – главное, чтобы дед дальше рассказывал...

- Да, – продолжал, словно очнувшись от тяжкого сна, мой дед, – клубился чёрный дым над развороченной бомбами и танковыми гусеницами нашей белорусской землёй...

Оборотни немецкие тоже горазды на выдумку были. Ещё на Курской дуге, под Орлом, как сейчас помню, вместе с бомбами фашисты с самолётов сбрасывали продырявленные бочки, отчего свистящий гул был, так что волосы дыбом подымались. Такую вот психическую атаку придумали, чтобы ужас нагнать...

А тогда, под Бобруйском, июнь горячий выдался – по 20 атак в день! Пехоте доставалось. Гибли сотнями.

- Ва-аня, как же ты выдюжил тогда? Страх этаки-ий...

- Оторопь моя сменилась жутким гневом: «Да неужто я под адским огнём зря вёз снаряды на передовую? Неужто фрицу останется это смертоносное оружие? Не дождётесь!»

Соскакиваю на землю: «Тпруу, милые, лошадки мои боевые! Бегите, родимые, спасайтесь! Бог даст – свидимся!» – свистнул я диким посвистом.

Как бросились они, кони мои боевые, да с диким ржанием, в сторону леса (успел их выпрячь)!

Грохот опять такой начался – танки фашистские норовят последнюю оборону прорвать, прут вперёд, а за ними пехота вражеская – вурдалаки в рогатых касках.

Гляжу: брошено наше противотанковое орудие ЗИС-3. Понятное дело – расчёт погиб. Один из бойцов лежал навзничь, жадно глотал воздух, а помочь уж ничем нельзя. Он умирал...

До последней минуты прикрывали отход, до последней...

Артогонь такой – головы не поднять. При поддержке своей артиллерии, за танками и самоходками шли фрицы в полный рост с криками, а в первых рядах ихнее офицерьё команды лаяли по-песьи на своём языке. Иные из них подбирались к нам на 10-15 метров.

Ну, что же, ещё можно успеть? Становлюсь у орудия, заряжаю, команду: «Огонь – по фашистской гадине!»

Вспыхнул немецкий танк (с прямой наводки подбил я его) – отпрянули фрицы, почував опасность.

Дед продолжал дальше свой рассказ...

Но я его не слышу: мне уже видится, будто и я там, на поле боя, рядом с дедом оказалась.

Вот он заряжает только что привезёнными снарядами пушку, которую фашисты боятся, как адского огня (в кино видела, как эти пушки, будто яичную скорлупу, пробивают броню танков, разрушают даже амбразуру ДОТа, проволоку колючую рвут на части, как новогоднюю гирлянду).

А танки прут вперёд. И пехота вражеская, как стая бешеных собак, всё ближе и ближе. И дед один отражает атаку. Пули роятся, но не властны над ним. В левом кармане его гимнастерки – ладанка (иконка малая) защита. Вот почему дед, будто заговоренный, шлет снаряд за снарядом в сторону осатаневших фрицев:

– Помогай, Господи, «Живый в помощи»!

Второй танк подбит: нисколько не преувеличиваю – так в наградном листке написано. Дед мой воевал в Гражданскую, тогда и овладел пулеметом, а потому глаз был наметан. Снарядов пока хватает. Но хватит ли у него сил?

Голос дедушкиного друга вернул меня в реальность:

– Иван Си-именыч, как же ты-и, совладал-то с ими? Около двух рот немцев ты один уложил! Это как же, а?

– На войне, ежели есть орудие, ты – уже богатырь! Личное оружие, опять же, было у меня. Почуял в плечах своих крестьянскую силу!

А дело было так: жажнуло снарядом с их стороны. Мимо... только землей присыпало... Ну и я прицелился (глаз – алмаз) – подбил вражескую пушку: получиай, фриц, гостинец!

Радоваться было рано: враг еще силен и коварен был в ту пору. Стало вскоре ясно: обошли *они* нас. Нужно было выходить из окружения.

И снова попятился фронт...

Я насторожилась: в окружение попали? Фашисты обошли? Выживи, дедушка! А как это было?

Видится мне, будто сначала один хитрый, коварный фашист в рогатой каске крадется к дедушке, потом второй, третий... Им мешает «русс Иван», его 76-миллиметровая пушка? «Дедушка, вот они, крадутся к тебе!» – хочется мне закричать, да только нельзя... Меня же еще не было тогда, 28 июня 1944 года!

Дед погладил плечо, в котором застрял осколок, сказал:

– Вот, на память осколок достался. Оглушило взрывом – жуткая боль пронзила плечо. Рванул зубами подол рубахи, перевязал, как сумел, рану. Надо было спешить, проложить путь выхода из окружения. Четырех немцев, возникших, будто из-под земли, прошил из автомата. Нужно было пробиваться к лесу. Если что – в лесах белорусских можно выйти на партизан. Главное – продержаться до темноты...

И дед замолчал, устремив взор свой куда-то в даль, ведомую только ему.

А я из бабушкиных рассказов знала, *что* потом было, в далекой белорусской земле, с моим дедушкой...

Поравнявшись с опушкой леса, изнемогая от боли в плече, дед Иван осторожно потянулся всем телом, оперся на белеющий в темноте ствол березы. Прислушался...

Фырканье, легкое ржание услышал из зарослей лесных. Тихим посвистом позвал – и не ошибся: его боевые коняги ждали своего хозяина!

– Родные вы мои, Сивки-Бурки, – шептал он, глядя здоровой рукой своих верных друзей, целуя их в трепетно дрожавшие морды.

Мужские слезы, слезы солдата, и слезы коней – все смешалось в одну сплошную, благодатную, соленую влагу.

Идти деду было тяжело – разрывало от боли плечо. Тогда, привязав одного коня к другому, усевшись на одного из них, дед стал пробираться к своим. Я словно бы вижу дедушку в солдатской, дымной плащ-палатке, на лице – кровавый пот. Он один в темном белорусском лесу или не один?

Сердце мое сжимается от страха за него: «Дедушка, прошу тебя, выживи! Я не хочу, чтобы тебя заглотила война!»

Куда направился дед со своими боевыми сивками-бурками? Как отыскал своих? Кто спас его, кто помог? Я уже никогда не узнаю об этом. Мне было девять лет, когда его не стало...

Дед, мой любимый дед, ты не стал великим героем, но ты не был трусом. Спасая себя и других, ты и про лошадок своих боевых не забыл. Ты мог бы уйти сразу, ускакать на одной из них, даже не вступив в бой. Ведь возле орудия – никого в живых: ни командира, ни бойцов... Мог бы? – Нет!

Ты запретил себе даже думать об этом: рядом лежали убитые – некому было оплакать, некому было закрыть их глаза...

Теперь, спустя столько десятилетий с того страшного дня, я говорю тебе:

– Дедушка, родной мой, спасибо!

Ты выжил, победив, оставаясь солдатом-защитником. Ты не знал еще тогда, что вместе с тобой, с того страшного поля боя, выполз твой младший, еще не родившийся тогда сын. Он родится в сорок шестом, твой младшенький, пятый сын Шурка...

МЕДВЕДЕВ
Михаил Федорович –
прозаик, член
региональной
организации
«Тюменское областное
отделение Союза
российских писателей» с
2021 года.

Родился 5 февраля 1940 года в д. Садовщикова Голышмановского района, входившего тогда в состав Омской области. В 1963 г. окончил Ишимский педагогический институт по специальности учитель русского языка, литературы и истории, работал в сельских школах и в учебных заведениях Ялуторовска (Тюменская область). Принимал участие в постановках городского народного театра, активно сотрудничал с газетой «Ялуторовская жизнь» в качестве нештатного корреспондента и автора рассказов, в 2007 г. в связи со столетием газеты был награждён Благодарственным письмом Тюменской областной Думы. Неоднократно печатался в коллективных сборниках, издал книгу рассказов «В последний миг». Член городского литературного объединения «Ялуторовская лира». Живёт в Ялуторовске.

ОДНАЖДЫ ПОД КУРСКОМ

быль

С приходом немцев жизнь в селе, что в двух десятках километров от Курска, стала кошмаром. Фашисты ходили по хатам, искали евреев и партизан.

Второй день своего пребывания в селе фашисты отметили публичной казнью. Был расстрелян отец Ивана «за помощь русским солдатам и ещё за то, что похож на Сталина».

Как-то три подводы, на каждой из которых сидело по два немца с автоматами, подъехали к дому расстрелянного. Иван, парнишка пятнадцати лет, находился во дворе. Увидев фрицев, решил спрятаться, – подумал, что вслед за отцом непрошенные гости и его отправят на тот свет. Но спрятаться не успел.

– Цурюк! Цурюк! – закричали немцы.

Пришлось к ним подойти. Унтер-офицер спросил:

– Во ист дас штро?

Иван ничего не понял. Тогда парня, предварительно крепко побив, повели в штаб. Там ещё раз поиздевались – отстегали плетью. Унтер, бивший Ивана, показал на подводу с соломой, которую немцы везли с поля на подстилку коням, и закричал:

– Штро?

Только тогда парень догадался, что оккупантам нужна была солома, за ней они и приезжали к ним домой.

Однажды утром мать позвала Ивана, работавшего на огороде:

– Иди в дом – немец требует.

Ивану немец заявил:

– Мы задержали двух девушек. Думаем, они советские разведчицы. Говорят, что знают тебя. Пойдёшь со мной в штаб.

В штабе Иван остолбенел: перед ним стояла Шура Надеина, одноклассница. С ней он даже за одной партией сидел. Вторая девушка, Галя, была чуть постарше, класса на два впереди училась. Иван, естественно, подтвердил, что знает обеих.

– Зачем, думаешь, пришли они в село? – спросил начальник штаба через переводчика.

– За солью, скорее всего, – ответил наобум Иван и угадал: девушки только что объяснили, что их послали сюда за солью.

– Ты свободен!

Офицер отпустил парня домой. А девушек увели под конвоем в другое село. Вскоре прошёл слух, что их там повесили.

Отгремела война. Иван окончил институт, стал работать учителем в школе. Жил на квартире у одной пожилой женщины. Однажды он обратил внимание на групповую фотографию, висевшую на стене.

– Ефимовна, – спросил у хозяйки, – вот это кто? – И показал на девушку, похожую на Шуру Надеину.

– Так это моя дочка, в Москве живёт. За военным замужем. Детишек двое у них. Собираются скоро приехать всей семьёй.

И вот долгожданные гости прибыли. Увидев Ивана, Шура бросилась к нему на шею.

Потом, как водится, сели за накрытый стол. Шура рассказала, что Галя тоже жива. Накануне казни им удалось удрать от немцев. Явились они тогда в штаб армии с ценными сведениями. Обе позднее получили награды – ордена Красного Знамени.

В тот день собравшиеся за хлебосольным столом подняли много тостов. Ивану тоже персональный тост достался. Как ни крути, а его удачный ответ фашисту подарил девушкам-разведчицам жизнь. Сказал бы Иван не то, не угадав, немцы могли бы их расстрелять сразу, на месте. Фашисты, они и есть фашисты.

Ну и, как положено на Руси, после пожеланий здоровья живым хозяева и гости вспомнили павших за Родину. И выпили за них молча, не чокаясь.

ФЛЕГЕНТОВА
Галина Владимировна
(литературный псевдоним
– **Галина ШПРИНГЕР**) –
литератор, публицист.
Член региональной
организации «Тюменское
областное отделение
Союза российских
писателей» с 2020 года.

Родилась 13 января 1959 года в городе Кокчетав Казахской ССР. Окончила Новосибирский государственный педагогический университет, по специальности психолог. Член штаба по защите прав инвалидов при губернаторе ХМАО-Югры, руководит представительством Всероссийского общества орфанных заболеваний в ХМАО, награждена почётными грамотами губернатора округа. Автор поэтического сборника «Горит рябиной на снегу моя любовь», познавательной брошюры «Весёлая кинезитерапия», а также «Ковид-19 изнутри». Печаталась в литературно-художественном альманахе «Гиперборей», в коллективном сборнике «Серебряная Обь». Автор и руководитель культурного проекта «Театральная студия «Зазеркалье». Член Международного союза писателей Северной Америки. Живёт в посёлке Приобье (ХМАО – Югра).

ПРИ СВЕТЕ ЛУНЫ

рассказ

В этот выходной ей удалось сбежать от телефонных звонков, от детей, домашних забот и, главное, от работы. Её радости не было предела. Целые сутки можно провести в лесу, далеко от людей, со своими мыслями, наслаждаясь природой и свежим воздухом. Разве не чудесно?!

Вечер медленно перетекал в ночь, а заходить в дом всё не хотелось. И она гуляла по аллеям среди сосен и берёз, припорошенных снежком, со слегка опущенными ветвями. Снег поскрипывал под ногами, морозец прикасался к щекам, дышалось легко и радостно. А впереди – целый выходной!

Она медленно уходила дальше и дальше от дома, и уже фонари остались позади, сумерки стужались. Но желания вернуться не появлялось.

Как давно она не отдыхала, наверное, года четыре или пять. Тогда, таким же зимним вечером, она была так же счастлива, но...

Слеза невольно сбегала по щеке, оставляя ледяную дорожку. А память уносила далеко, далеко... Она шла, не замечая холода. И только свет луны освещал аллею.

Вдруг, словно очнувшись от забытья, она увидела впереди силуэт мужчины. Сердце лихорадочно забилось, застучало так, что отдавало в висках.

Неужели это он?! Не может такого быть... Да нет, он! Она прибавила шаг и вдруг побежала.

В подсознании было – это он! Она бежала, догоняя мужчину, не замечая хлопьями падающего с деревьев снега, холода. Шарф сбился и почти упал, развеваясь на ветру.

Это ОН – стучало набатом, и сердце отказывалось воспринимать то, что нашёптывал ум.

Расстояние сокращалось. Мужчина повернулся. Сделал шаг в её сторону, ещё один... И побежал навстречу.

Луна спряталась за облаками, и сосновая аллея погрузилась в ночь.

А они бежали навстречу друг другу. Пять метров, три, один. Он обнял её и закружил, прижав так, словно ждал этой встречи целую жизнь.

Она тоже обняла его, варежки упали в снег. Она едва доставала ему до плеча. Это был он, сильный, нежный, добрый, любимый, долгожданный. И его запах, смешанный с морозом и запахом елей.

Он целовал её глаза, волосы, шептал что-то, а она зажмурилась и боялась открыть глаза. Её рука нечаянно уронила его шапку. Прикоснулась к щеке. «Небритая», – отметила машинально. Прижалась и замерла.

Остановилось мгновение. Волна нежности обрушилась на обоих, они не могли и не хотели отстраниться друг от друга, им было хорошо и спокойно.

Луна осветила двоих среди зимы.

Она открыла глаза и, посмотрев на него, отстранилась с испугом, понимая, что это чужой незнакомый человек.

Незнакомец удивленно смотрел на неё, и, кажется, тоже ничего не понимал.

Порыв ветра сорвал снежную шапку с дерева и обрушил ей за воротник. Она съёжилась от холода и озноба, зубы выбивали дробь.

Но он решительно шагнул к ней и обнял. Крепко, как будто опасаясь, что она исчезнет в этом заснеженном, почти сказочном, лесу. И тогда она заплакала.

Слёзы лились потоком – от боли, от горечи, от воспоминаний. А он гладил её по волосам, покрытым инеем, и всё крепче прижимал к себе, словно стараясь защитить...

Время замерло, лес притих, и даже фонари стали светить тусклым призрачным светом.

Он поднял её варежки, свою шапку, взял её под руку, они молчали, медленно шли к дому. Прощаясь, она и он понимали, что больше никогда не увидят друг друга, но сохраняют в душе нечаянную радость.

Она зашла в дом, села у зажжённого камина, смотрела на пламя огня, но не могла согреться. Она не знала, что может быть так промозгло в тепле...

И снова одна, как промокшая, нахохлившаяся синица, с перебитыми крыльями, голодная, уставшая... Не было сил сдвинуться и дойти до кухни, налить чай, погреться руками о горячую чашку, не было желания включить музыку.

Пустота и тишина заполняла её душу и сердце. Она закуталась в плед и задремала. И только продолжала стучать боль в висках: «Не он...».

Сон укутывал её в грёзы, уложив в мягкую перину сновидений, словно добрый волшебник, уносил на крыльях счастья в далёкую радость и забвение молодости, беспечности. Этот мерцающий лунный свет, словно тонкая нить из прошлого, подарил незабываемые мгновения и любимого рядом. ...Её голова, с копной пышных волос, лежала у него на коленях, а он своей большой ладонью гладил её по волосам, и, наклонившись, шептал: «Любимая! Я всегда буду рядом, хорошая моя». Она ощущала тепло его руки, безграничную любовь, защищенность и спокойствие.

Луна, словно пожалев её, ярко осветила своим волшебным светом комнату, пытаясь согреть и подарить надежду.

А на проводах, заснеженной гирляндой, сидели нотными точками снегири, покрытые серебристым инеем. И притихший лес, под покровом снежного покрывала, спал.

МАНАЕВА

Галина Петровна
(литературный псевдоним
– Галина **ПОЛЯНИНА**) –
публицист, литературовед.
Член региональной
организации «Тюменское
областное отделение
Союза российских
писателей» с 2021 года.

Родилась в селе Нижняя Тавда Тюменской области. Окончила факультет журналистики Уральского государственного университета, работала главным редактором в региональных СМИ Тюменщины.

Проекты Г. П. Манаевой – передвижные краеведческие чтения «Волшебное имя – Пушкин! Взгляд из XXI века» и сборник «Театральная Феодосия в зеркале культурного контекста» – отмечены Дипломами XII Международного Славянского Литературного Форума «Золотой Витязь – 2021». Опубликовала более трех тысяч статей и очерков, автор книг «Жизнь как многообразие опыта» и «Феодосия Серебряного века». Награждена общественной медалью РФ «За заслуги в культуре и искусстве». Член Союза журналистов России и международного Союза писателей Северной Америки. Живёт в Тюмени.

ДВЕ СУДЬБЫ – ДВА СВИТКА

очерк

В давние времена, лет так сорок назад, среди областных журналистов и писателей существовала хорошая традиция. При посещении того или иного района, города они обязательно заходили в редакцию местной газеты, где узнавали текущие новости. И, что называется, «сверяли курс», реальную ситуацию со своими впечатлениями. Неоднократно бывал в редакции газеты «Светлый путь» легендарный писатель И. М. Ермаков (1924–1974), взрывавший атмосферу блеском своего юмора. Как-то приехал в Нижнюю Тавду и литератор, собкор тюменского радио З. К. Тоболкин (1935–2014). Он должен был подготовить очерк о знаменитом председателе колхоза «Большевик», Герое Социалистического Труда П. П. Прокопьеве (1925–1997).

Известный руководитель имел непростой характер, часто вступал в спор по поводу посевной компании с властями. Секретарь горкома КПСС, например, настаивал на том, что её надо начинать первого мая, а Поликарп Петрович говорил, что будет выводить сельскохозяйственную технику на поля четвертого. И всегда поступал по-своему, за что его крепко критиковали. Но по осени, когда урожай зерновых значительно превышал средний показатель по области, Прокопьев обычно получал благодарности.

Что-то у Зота Тоболкина, позвонившего своему предполагаемому герою из редакции, с самого начала диалог не заладился, так и закончившийся неудачно. Литератор был явно расстроен, и тут мне пришла мысль предложить ему другую кандидатуру. Оказавшись в безвыходной ситуации, он согласился. Когда мы потом встретились, Зот Корнилович сказал: «Когда я слушал этого человека, я мысленно благодарил Вас...». Очерк получил большой отклик среди тюменских радиослушателей. **В день, когда шла трансляция, к приемнику прильнула одна женщина – педагог из Увата. Но об этом чуть позже.**

В передаче шла речь об учителе русского языка и литературы Нижнетавдинской средней школы Наталье Петровне Бизиной. К тому времени стаж её педагогической

деятельности в Нижней Тавде составлял более четверти века. Я училась у Натальи Петровны все старшие классы, и без преувеличения скажу – она для меня была непререкаемым авторитетом. К урокам литературы, помню, готовилась, списывая школьную тетрадку. Именно в Нижней Тавде расцвел профессиональный талант Натальи Петровны. Преподавание литературы этого учителя обычно называли уроками жизни, уроками-всплохами, мечтой, путешествием в мир прекрасного. Во время занятий Наталья Петровна была как актриса на сцене, увлекая учеников в мир литературных героев, нравственных исканий, в дискуссии о добре и зле, истине и красоте. Педагог своим ораторским искусством, знаниями, особой внутренней энергией завораживала учащихся.

Она прекрасно пела, динамично вела родительские собрания, читательские конференции. Например, провести обсуждение только что вышедшего романа тюменского писателя К. Я. Лагунова (1924–2001) «Так было», написанного в 1966 году, учителя пригласили в райком партии. Н. Бизина справилась и с этой задачей.

Мастер импровизации, она могла провести урок совсем по-другому, не по плану. Например, начать с прочтения статьи в газете, предлагая обсудить её содержание. Ей важно было научить нас самостоятельному мышлению. Если Наталья Петровна чувствовала личностное отношение ученика к автору изучаемого произведения, она могла простить забытую дату его создания. Интересовалась другими областями знаний. А то могла и вовсе отменить урок и повести учеников на встречу с известными людьми. Так, например, произошло, когда в Нижнюю Тавду приехал талантливый мансийский поэт А. С. Тарханов (1936–2017). Он блистательно выступал в районном Доме культуры. До сих пор помню поэтическую тархановскую строку, примерно звучащую так: «Мама! К восходу солнце скорей торопи!» Спустя много лет при встрече в Ханты-Мансийске я рассказала об этом событии самому поэту. О реакции, думаю, не надо рассказывать.

Многие восторгались учителем Бизиной, некоторые побаивались, третьи – завидовали, особенно ученическому поклонению. Наталья Петровна любила общаться с нами во

внеурочное время, вела литературный и драматический кружки. Я не помню случая, чтобы она ушла на больничный, а если ты получишь пятерку у Натальи Петровны... О! Это становилось событием во всём районе. Мне Наталья Петровна выставила «5» в последней четверти одиннадцатого класса – так она поднимала планку для учеников, подвигая их к непрерывному росту. Зато всем её ученикам, поступавшим без труда в гуманитарные вузы, хватало знаний на первые два курса. Наша дружба продолжалась и после окончания школы.

Как-то в один из вечеров уже перестроечного времени я почувствовала, что Наталья Петровна хочет мне сказать что-то важное. Так оно и произошло. Она поведала о тех страницах своей жизни, о которых раньше умалчивала. Не могла она об этом рассказать тогда и Зоту Тоболкину.

Она родилась в семье старообрядцев-раскольников, которые не захотели признать никоновских новшеств. Наталье в детстве нельзя было пить, плясать (а как раз именно этого больше всего хотелось), пить воду с другими из одной кружки. Особенно строгой была мать. Однажды Наташу послали на слёт ударников. Все дети веселятся, а Наташа сидит и молчит, два дня крошки хлеба в рот не брала. Когда приехала домой, Анна Львовна строго спросила: «Что? Смешалась?» Горько заплакала девочка: и мать ей не верит. Детство Наташи было голодным, холодным, без детских радостей. Ей тогда казалось, что все вокруг хотят есть, как она.

Наташа Хридина (девичья фамилия Бизиной) поступила учиться в Тамбовское педучилище. Расстояние в пятьдесят километров от своего села Текино до Тамбова прошла пешком. Здесь Наташа обрела свободу. В 1938 году молодая учительница работала на Алтае, кстати, вместе с отцом космонавта Германа Титова – С. П. Титовым. Наташа никогда не уставала. Одновременно вела хоровой кружок в старших классах, обучала русскому языку трактористов и работников НКВД. Последним это ничуть не мешало, а, скорее, облегчало вести тщательное наблюдение за Натальей Петровной. Почему?

Из истории известно: Тамбовщина, а особенно, деревня Текино, где родилась Наташа Хридина, являлась оплотом антоновского движения. Отец Наташи, П. К. Хридин, офицер

царской армии, был образованным человеком, талантливым оратором, писал стихи, рассказы. Наташа находила в книжном шкафу отца самоучители по иностранным языкам, в его письмах обнаруживала слова на немецком и французском.

Наталья Петровна так и не узнала, где похоронен её отец. Видимо, он играл не последнюю роль в белом движении. Но она старалась об этом ни с кем не говорить.

В 1947 году Наталья закончила Тамбовский пединститут, где училась с удовольствием, стала единственной отличницей в группе. Она с благодарностью вспоминала своих преподавателей, русских интеллигентов – М. Ф. Панина, В. И. Маркова, Н. П. Щукина, С. М. Клипина, А. И. Броудо, А. И. Мандрыкину, М. И. Гаврюшину. С многими из них она переписывалась, знакомила меня с этими письмами, в которых так много было заветного смысла, ненавязчивых, деликатных наставлений и добрых пожеланий. Я читала их просто из-за любопытства, тогда ещё не понимая, какую цель Наталья Петровна вкладывала в этот ритуал. Она ведь хотела этим развивать интерес к жизни. Как стать полезной обществу, уметь наполнять свой духовный мир: то, чем человек обогатит себя в юности, никогда ему так не пригодится, как во взрослой жизни. После окончания вуза она получила назначение в Уват, где и начиналась её жизнь на Тюменщине.

В самом начале я упомянула о том, что радиопередачу о Наталье Петровне слушал ещё один человек. Это была Н. Н. Суханова, преподаватель немецкого языка Уватской средней школы. Наталья Петровна, тогда молодой учитель, вспоминала: «На первом же уроке меня привлекла немолодая женщина, не похожая на других. Высокая, в тёмном длинном платье, она напоминала мне кого-то из прошлого. Я заинтересовалась ею. Учителя (одни – с иронией, другие – доброжелательно) рассказали мне, что это Н. Н. Суханова, из Москвы, ведёт в школе немецкий язык, живёт на улице Ленина. Ей бы надо идти на пенсию, но стажа нет. Эти сведения не удовлетворили меня, и я попыталась узнать поближе Наталью Николаевну. Меня тянуло к ней как магнитом. Как-то незаметно мы подружились. И я стала поверенной тайны ссыльной аристократки».

С тех пор и началась их дружба. Все, кто знал Наталью Николаевну в то время, отзываются о ней как об удивительном человеке.

Вот что рассказывает о Наталье Николаевне другая молодая коллега, впоследствии учитель истории Нижнетавдинской средней школы, К. И. Желтовская: «Всегда она была доброжелательной, весёлой, говорит с тобой на равных. Нам, молодым, делала замечания по манерам поведения всегда один на один. Я до сих пор помню, как она тихо мне подсказала: «Громко смеёшься, это некрасиво, надо быть нежной...» Она до конца своей жизни осталась примером для своих коллег, учеников и просто жителей. Следила за собой. Зимой ходила в шапочке, валенки не носила. Волосы красиво убраны. Летом она ездила отдыхать на юг. Он давал ей силы...»

Один из любимых учеников Натальи Николаевны, **Г. М. Бронников (1929–2021), член Союза российских писателей**, посвятил ей тёплое, искреннее стихотворение.

Когда Наталья Петровна переехала в Нижнюю Тавду, переписка педагогов длилась до самого ухода из жизни Н. Н. Сухановой. Я храню переписку этих двух просветителей, которую мне передала Бизина. Перелистываю пожелтевшие страницы, написанные свыше пятидесяти лет назад этой удивительной женщиной. У Натальи Николаевны Сухановой – каллиграфический почерк, обращения чаще всего такие: «Милая, дорогая Наталья Петровна». В них – нежность, сердечность, мудрые советы. Наталья Николаевна непременно сообщает, где она будет отдыхать летом, и обязательно приглашает Наталью Петровну. Она рассказывает скупко о своих поездках, делах в школе. И часто подпись в конце письма: «Ваш друг Н. Н.»

Во всех письмах, коротких, содержательных – желание увидеться, поделиться, помочь душевному равновесию своей близкой по духу коллеге:

– «Дорогая Наталья Петровна, по всей вероятности, я буду в Тюмени между 25/VII – 1-5/VII. Остановлюсь на Республике, 15в, кв. 119, у Э.П. Козубовской... Очень хочется повидаться...»

– «Наталья Петровна, я слышала по радио, как хорошо к вам относятся учащиеся. Это большая радость и поддержка».

– «Дорогая Наталья Петровна!

Меня очень тронуло Ваше письмо. У меня много хороших знакомых, но нет таких, которых бы могла назвать своим другом, а Вас могу».

– «Стараюсь заполнить время разными делами. Решила поставить «Егора Булычёва» по случаю 100-летия со дня рождения Горького».

– «Мать – лучший друг... Как бы мне хотелось заменить её Вам».

– «Друг мой, несколько дней тому назад получила ваше письмо. Очень хотелось бы с вами повидаться. Я всё мучаюсь с постановкой пьесы Левады «Мария». Мало осталось артистов-мужчин, и все они часто ездят в командировки».

– «Я пережила всех близких людей и много друзей, но все они умерли, умерли...»

– «Готовлю для девятого Мая отрывок из пьесы Катаева «Синий платочек». Хочется ещё поставить «Квадратуру круга». Собираюсь к знакомым, на Украину, в Миргород».

– «Я недовольна многим. Заканчивают институт учителя, а культуры нет, кругозор узок...»

– «Очень занята постановкой пьесы Алешина «Строгая девушка».

– «Говорю словами Маяковского: «В моей душе ни одного седого волоса».

– «Все мои ученики знают и по-русски, и по-немецки пословицу: «Мужество потеряно – все потеряно...»

Так кто же эта женщина? Обратимся к некоторым страницам её биографии. Перед Натальей Китаевой, дочерью дворянина, открывались блестящие перспективы. Переезд вместе с родителями из Екатеринбурга в Петербург заставил засиять жизнь ещё более радостными красками. Наташа с упоением учится в Литейной женской гимназии, на высших женских Бестужевских курсах, затем в Германии, где изучала французский и немецкий языки.

Наталья выходит замуж в 1910 году и уезжает в Польшу, затем супруги возвращаются в Москву, где застаёт их первая мировая война. Двадцатипятилетняя красавица, с твёрдым

характером, тонко чувствующая мир прекрасного, не хочет находиться на иждивении мужа. Наташе нравится быть в гуще событий, которые потрясают Россию. Она устраивается на работу, сначала заведующей бюро вырезок в ВСНХ (Высший Совет Народного Хозяйства), затем в Наркомтруд (Народный комиссариат труда), Издательство ЦК РКП (б). Семейная же жизнь не ладится, первый брак распадается, а затем и второй.

Неожиданно Наташа увлекается давним знакомым их семьи – публицистом Н. Сухановым. Николай Николаевич по убеждениям был меньшевиком-интернационалистом, выразителем социалистических течений. Идеи Н. Н. Суханова нашли воплощение в семитомном труде «Записки о революции».

Известно, что мать Наташи, Е. П. Китаева, работала в журнале «Летопись», куда влился и журнал «Современник», который и возглавлял Н. Суханов. Основателем «Летописи», как известно, был А. М. Горький, хорошо знавший и ценивший Екатерину Петровну. Здесь и зародилась любовь между двумя молодыми людьми – Наташей и Николаем. Оба имели семьи. Если у Наташи жизнь не складывалась в силу несходства характеров, то у Николая – из-за идейных противоречий. Суханов являлся убежденным противником революции. Он страстно доказывал в своих статьях: большевики рано или поздно потерпят крах. Жена же Суханова, Флаксерман, была их яркой сторонницей. Мало того, их квартира (о чём Николай и не подозревал) – стала явочной, где и состоялось историческое (10 октября 1917 г.) заседание ЦК РСДРП(б), на котором принимались решения о мятеже.

Наташа и Николай пока мало задумываются о своём будущем. Они вместе слушают в редакции «Летописи» Леонида Собинова, Владимира Маяковского, Сергея Есенина, Василия Качалова. Они мечтают о дальних путешествиях. А самым любимым развлечением были весёлые беседы на немецком языке, который оба знали в совершенстве. Не сомневались – их любовь так сильна, что ничего не страшно, они всё преодолеют. Но ни тот, ни другой и не предполагали, какие тяжкие испытания выпадут на их долю.

Н. Суханов лояльно относился к властям. Большевики же не потерпели свободолюбивого «Вольтера». В 1931 году

фабрикуется известное дело «Союзное бюро меньшевиков». Суханов приговаривается к десяти годам лишения свободы. Арестовывают и Наталью. Три года она проводит в ярославской одиночке, затем два года – в Кустанайской ссылке. Николая после четырех с половиной лет заключения отправляют в ссылку в Тобольск. Туда приезжает и Наташа. Она берёт фамилию мужа (свадьбу они сыграли в конце двадцатых годов). Однако через два года – в тридцать седьмом – Николая вновь арестовывают. Просидев два года в тюрьме, Суханов так и не признал своей вины.

Затем ещё два года полной неизвестности. О Суханове никому не давали сведений, и только в 1940 году Наталье Николаевне официально сообщили о расстреле мужа в Омске.

Страдания Н. Н. Сухановой, о которых она никому не рассказывала, были безмерны. Однако ей предстояло пережить новые испытания. По чьему-то доносу, уже в 1944 году, её снова сажают в тюрьму, а потом арестовали и семидесятилетнюю мать. Впоследствии Наталья Николаевна только самым близким людям поведала тайну той страшной апрельской ночи, когда она, раздетая и разутая, прошла через весь Тобольск. И все это только за то, что она хранила книги мужа.

Эти волевые женщины и под истязаниями не признали себя виновными. День Победы встречали в тюрьме. Несломленные, они вышли на свободу уже в августе 1945 года. Их хотели сослать в разные места, но опять же благодаря внутренней силе и личному мужеству женщинам удаётся соединиться и отправиться на поселение в Уват.

Было в ту пору Сухановой пятьдесят шесть лет. Тяжело пережила Наталья Николаевна смерть сына, погибшего на фронте. Она находилась под неусыпным оком органов. Ей разрешили преподавать в школе немецкий язык. Суханова страстно любила театр, русскую литературу, ставила спектакли, сама в них талантливо играла, находила одарённых детей и привлекала к участию в художественной самодеятельности. Её искренне любили, ценили за образованность, энциклопедические знания, простоту в общении.

Наталья Николаевна пыталась заняться реабилитацией мужа, писала письма в Москву и продолжала служить народу самоотверженно и бескорыстно. Умерла Н. Н. Суханова 28 декабря 1972 года. Важно поблагодарить коллег за большой вклад в изучение биографий Сухановых – Р. Гольдберга, А. Антонова, В. Филиппова.

Немало испытаний выпало на долю Натальи Петровны, похоронившей мужа, преподавателя этой же школы, а потом и своего единственного сына. Сергей вырос одарённым человеком. Он, пожалуй, до сих пор остаётся единственным в Нижнетавдинском районе выпускником Ленинградского института киноинженеров. Сергей Витальевич работал на Саратовской военной киностудии, облучился, от лечения отказался.

И все-таки надо признать, что поколение Натальи Петровны Бизиной, как и Натальи Николаевны Сухановой, оказалось непобеждённым, ибо до конца дней своих сохраняли они достоинство и внутреннее сияние души, хорошо осознавая, что им есть, что оставить потомкам. Две замечательные женщины. Две личности. Две Натальи. Две удивительные, трагические, прекрасные, печальные судьбы, память о которых живёт в учениках, впитавших в себя их духовные заветы.

Если суметь приподняться над историями жизни двух педагогов, то сквозь время, просвеченное сегодня до предела, можно отчетливо разглядеть некоторые общие черты трёх поколений ушедшего столетия. Сегодня так важно хранить преемственность лучших традиций, опыта наших земляков, выразителями которых являлись Н. Н. Суханова и Н. П. Бизина.

НЕРАДОВСКИХ
Вадим Ибрагимович –
поэт, прозаик.
Член региональной
организации «Тюменское
областное отделение
Союза российских
писателей»
с 2021 года.

Родился 5 марта 1951 года в Алма-Ате. Детство и отрочество прошли в деревнях и селах юга Тюменской области, где родители работали учителями и получали назначения то в одну школу, то в другую. Окончил Свердловское суворовское военное училище (1969) и Свердловское высшее военно-политическое танко-артиллерийское училище (1973). Профессиональный военный. Ныне в отставке. Службу проходил на территории Белоруссии, Венгрии, Казахстана.

Литературным творчеством увлечён с юности, но раньше писал лишь прозу, а к стихам обратился после шестидесяти лет. Почитатель венков сонетов. С 2021 года сотрудничает с альманахом «Гиперборей».

Живёт в Тюмени.

ПЕНАТЫ КОКТЕБЕЛЯ

Поразительно, с какой скоростью развиваются иной раз события. Ещё не выветрился типографский запах со страниц альманаха «Гиперборей» №1(4), где разместилась моя статья «В поисках русского сонета», как из редакции мне переслали письмо: «Передайте, пожалуйста, автору, что возглавляемая мною Школа сонета охотно посотрудничала бы с ним. В частности, желательно было бы переслать ему письмо-приглашение на очередной 14-й симпозиум в Крыму...»

Корреспонденция исходила от Федотова О.И., с которым читатели «Гиперборей» знакомы по его критической статье о венке сонетов Николая Шамсутдинова¹. Приглашение доктора филологических наук, профессора МПГУ было неимоверно заманчивым и льстило моему самолюбию, но я колебался.

Дело в том, что это послание я прочёл с большим опозданием из-за болезни и ещё не вполне оправился от последствий коронавирусной инфекции. В этой ситуации самой ужасной оказалась потеря способности к вербальному общению: через пару минут после начала разговора мой голос «садился» и переходил в сиплый кашель...

Но, с другой стороны, аудитория была очень привлекательной. Участники Международного научно-творческого семинара Школа сонета – это учёные-сонетологи и поэты-сонетисты. Трудно себе представить более заинтересованных слушателей для изложения своего открытия механизма автоматического возникновения сквозных рифм в венках сонетов. И я решился.

А как же проблемы с голосом? – спросит читатель. «Не бывает безвыходных положений – бывают отчаявшиеся люди», – говаривал в подобных случаях командир полка, в котором мне довелось начинать военную службу. Выход нашёлся такой: записать доклад на видео и если ко дню конференции голос не восстановится, то прокрутить эту видеозапись в аудитории вместо живого выступления.

---

¹ Федотов О.И. К венку веков привить венок сонетов. «Гиперборей» №1(4), 2021. С.29-41.

Олег Иванович Федотов, доктор филологических наук, профессор кафедры русской классической литературы МПГУ, литературовед, член союза писателей России, председатель Международного научно-творческого семинара «Школа сонета» и попечительского совета Всероссийской школы поэзии.

Снимать ролик можно фрагментами по две-три минуты (насколько хватает голоса), а потом «сшить» отснятый материал в каком-нибудь видеоредакторе, – получится полноценная видеозапись.

Это решение мы обговорили с Федотовым, и я с энтузиазмом приступил к работе над докладом. До начала всех мероприятий в Крыму ещё оставалось полтора месяца – вполне достаточно для качественной подготовки. По ходу дела мы обменивались письмами. При этом каждое своё письмо ко мне Олег Иванович начинал словами: «Дорогой Вадим Ибрагимович...», – это, по-человечески тёплое, обращение именитого столичного учёного к неизвестному провинциалу воспринималось как проявление отеческой заботы и добавляло уверенности в успехе...

Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, – эта поговорка напомнила о себе, как только текст выступления был написан: я не мог прочесть его вслух от начала до конца а, значит, не мог определить, сколько же он может длиться по времени...

Но самое страшное началось, едва я перешёл к съёмке промежуточных роликов: выяснилось, что у меня нет для этого необходимых знаний и навыков, да и оборудования. Та легкость и простота записи «крутого видео», которую обещали блогеры с Ютуба, оказалась мнимой. Многочисленные «онлайн-учителя» на проверку ничему не учили, а лишь красовались с экрана, демонстрируя собственное умение владеть компьютером. Между тем передо мной стояла непростая задача: не просто отснять «говорящую голову», но ещё и показать слушателям необходимые по ходу изложения тексты и таблицы, и чтобы курсор по экрану бегал как указка, направляя внимание аудитории. И началось: лихорадочный сбор информации об основах видеозаписи, поиск программ для монтажа, их практическое освоение...

А время меж тем стремительно летело.

Уже начался и закончился первый (пятидневный) этап XIV Международного научно-творческого семинара Школа сонета, проходивший в Щелкине, а его участники переехали в Коктебель, чтобы влиться в состав XIX Международного

научно-творческого симпозиума «Волошинский сентябрь»; уже Светлана Василенко² провела презентацию поэтического альманаха-навигатора Союза российских писателей «Паровозъ», литературного альманаха «Линия фронта» и своей новой книги «Капустин яр», а я всё ещё в Тюмени.

Лишь к исходу одиннадцатого сентября дня склеен последний фрагмент и, наконец, есть возможность просмотреть запись всего доклада целиком. Увы! Мне не удалось уложиться в отведённые для выступления пятнадцать минут! Но времени на пересъёмку уже нет: через четырнадцать часов самолёт на Анапу, – я отправляю видеозапись электронной почтой Федотову и начинаю собирать чемодан в дорогу...

Ночная Анапа встретила неожиданностью: над головой жадно толклись комары!

– Откуда вы тут, братцы?

– Тюменские мы, – нагло вызванивает над ухом комар.

– Но-но! шутник! – погрозил я пальцем комару. – Лети отсюда, пока цел! У нас таких и в помине нет...

Утренняя электричка несёт меня в Феодосию. Я нетерпеливо сверяю названия пролетающих станций со схемой маршрута на стенке вагона. Наконец, вот она! За окном стремительно мелькают белые стропила арки Крымского моста; глаз едва успевает уловить очертания каких-то корабликов в Керченском проливе, – десять секунд восхищения и лихорадочного щелканья затвором камеры. Оглядываюсь на попутчиков – никто не разделяет моих восторгов: для местных поездка на полуостров по мосту уже стала обыденностью.

Курортная Феодосия озадачила своим «сервисом»: к железнодорожному вокзалу не подходит общественный транспорт, только такси. Перспектива тащиться по жаркому городу с чемоданом в поисках автовокзала или хотя бы автобусной остановки меня не прельщала, и я выбрал такси до Коктебеля, чтобы сразу подъехать (как я надеялся), к Дому-музею М. А. Волошина для регистрации.

---

² Василенко Светлана Владимировна, первый секретарь Правления Союза российских писателей, прозаик, поэт.

Но подкатить вплотную к дому не удалось: таксист высадил меня в начале какого-то переулка, перегороженного шлагбаумом, и махнул рукой: «Где-то там». И я поволок свой чемодан по узкому, в три-четыре шага, проулку по направлению к морю, как уверяли встречные. Но приближения моря совсем не чувствовалось. Справа и слева щетинились ржавью стальные заборы какого-то старого, неухоженного парка. Местами они сменялись глухими стенами обшарпанных строений и линиями баннерами. Наконец разбитый асфальт переулка перешёл в бетонную брусчатку. Начиналась набережная, как мне сказали. Но моря и тут не было видно за сплошными рядами магазинчиков, и лишь мелькнувшая в небе чайка указывала: оно где-то здесь.

Я двинулся вдоль набережной среди толпы отдыхающих, по коридору из бутиков, ларьков, кафе и ресторанов. Наконец в этой нескончаемой череде лавок с едой, напитками, сувенирами, панамками, очками и прочими курортными атрибутами появился просвет с открывшейся в нём далью моря. На берегу, на постаменте, стоял бронзовый Волошин, и смотрел на двухэтажный особняк за голубым решётчатым забором с каменными столбами. Это был тот самый Дом-музей М. А. Волошина. Резанула нелепость композиции ансамбля: поэт изображён спиной к морю и лицом к своему дому. Но вникать в детали сейчас не было возможности: теперь мне нужно было скорее найти себе пристанище и избавиться от ставшего ненавистным дорожного чемодана.

На углу забора стояло небольшое строение, где продавали билеты в музей, и находилась девушка-регистратор участников симпозиума. Однако она ничего не могла сказать относительно места в гостинице, но объяснила, как до неё пройти. И я отправился по указанному маршруту, фотографируя по пути объявления о сдаче жилья в наём за «разумную» плату. Заявку на бронирование места в гостинице я подавал, но ответа не последовало, и я теперь пребывал в неизвестности относительно того, где мне удастся снять угол. Позвонить же по приезду в Коктебель ни в гостиницу, ни Федотову я не мог: связь отсутствовала. Но всё закончилось благополучно. Меня ждал номер в пансионате с чудным названием «Творческая волна», а в номере – сосед – Леонид

Фокин³, который объявил, что он тоже из Школы сонета и что через час у него рабочая встреча с Федотовым в его номере, на которую мы можем пойти вместе.

Федотов встретил меня приветливо и бурно запротестовал при моей попытке снять обувь у порога. Это был высокий сухощавый мужчина – назвать его стариком язык не поворачивается, хоть он и разменял девятый десяток. Несмотря на то, что плечи его приобрели уже некую покатошь, чувствовалось, что в этом подвижном теле живет и физическая сила, и энергия молодого спортсмена. Говорил он негромко, но каждое слово доносилось до моего слуха отчетливо и ясно. Вскоре выяснилась и цель нашего позднего визита: должна была состояться очередная интерактивная лекция Федотова «Гумилев? Убит на гражданской войне».

Здесь я должен вам пояснить, что «Волошинский сентябрь» это обширная программа, в которую вошёл целый ряд культурологических проектов, как то: Литературный фестиваль имени М. А. Волошина, Литературный Волошинский конкурс, Международная Волошинская премия, пленэр художников «Коктебель – 2021», симпозиум Школы сонета, музеологический семинар «Время и пространство “Genius loci” в музеях-заповедниках», философско-культурологическая конференция «Киммерийский топос: мифы и реальность», факультатив Крымской музеологической школы «Museum Studio». Зачастую они проходили параллельно в разных местах: в Доме-музее М. А. Волошина, в конференц-залах пансионатов «Творческая волна» и «Голубой залив», либо на какой-то одной площадке, последовательно сменяя друг друга в плотном графике мероприятий. И, как водится, здесь, как и во всяком масштабном проекте, могли возникать «накладки», да и коронавирусная обстановка вносила свои бесцеремонные коррективы. И вот тогда всепредусмотрительный Федотов придумал использовать в качестве резервной площадки для Школы сонета свой гостиничный («штабной», как он выражался), номер. Для этого он просто приглашал очных участников симпозиума к

---

³ Леонид Фокин. – Фокин Леонид Владимирович, заместитель председателя правления Фонда реализации социальных программ (г. Москва), поэт, исполнительный директор Школы сонета.

себе, а для остальных организовывал участие в мероприятии посредством интернета.

В номер вошла пара: профессор Пинаев⁴ с супругой, и хозяин занялся налаживанием видеосвязи с Одессой⁵, Банской-Быстрицей⁶, Варной⁷... Меня он усадил рядом, намереваясь представить новичка онлайн участникам Школы сонета. Я же, наблюдая, как Олег Иванович легко управляется с неизвестной мне программой Zoom и непринужденно начинает рассказ о Гумилеве, вспоминал собственные потуги во время записи видеоклипа. И, наверное, невольно «накаркал», так как со связью что-то разладилось. Пошли разговоры о том, что западные доброхоты блокируют крымчан, и Федотов с сожалением объявил, что лекцию придётся прервать, а завтра он запишет своё выступление на видео и разошлёт по адресам. Хозяйка предложила гостям вино и фрукты, и вскоре все разошлись.

На следующий день поутру, возвращаясь из столовой, я невольно остановился на дорожке напротив одного из корпусов пансионата. Моё внимание привлекла размеренная, негромкая, но отчетливая речь, доносившаяся из-за приоткрытой стеклянной балконной двери какого-то номера на первом этаже. Тюлевая штора скрывала говорящего, но голос был очень знакомым. «Да это же Олег Иванович записывает свою Гумилёвскую лекцию!», – дошло до меня, наконец. Я заслушался, было, но потом, устыдившись своего двусмысленного стояния под окнами, отправился к себе. Сколько же энергии в этом человеке! Уже свыше четверти века под его эгидой действует Школа сонета, а он всё так же истово печется о своём детище!

---

⁴ *Профессор Пинаев* – Пинаев Сергей Михайлович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета ФГБОУ ВПО «Российский университет дружбы народов».

⁵ *Одессой* – в Одессе проживает Луговцев Сергей Александрович, библиофил. Знаменит своим собранием венков сонетов, которое превысило цифру пять тысяч.

⁶ *Банской-Быстрицей* – Банска Быстрица – город в Словакии, место жительства и работы одного из корифеев Школы сонета (по определению О.И. Федотова), поэта, доктора филологических наук, профессора кафедры русской литературы университета имени Матяя Бала Сугай Ларисы Анатольевны.

⁷ *Варной* – из Варны (Болгария) принимал участие в симпозиуме Капренко Илья Евгеньевич – кандидат филологических наук, доцент Российского университета дружбы народов

День четырнадцатого сентября был свободным от мероприятий Школы сонета, и это было мне наруку. Ситуация позволяла осмотреться в новой обстановке, ознакомиться с залом где завтра предстояло выступить. Будет ли это живое общение с аудиторией или прокрутка видеозаписи, – ещё не было ясно. Оставалось готовиться к любому возможному варианту. Новые впечатления мне сейчас только помешали бы, поэтому ни в посёлок, ни даже в дом Волошина в этот день я не пошёл и замкнул себя на территории пансионата.

Пансионат «Творческая волна» это несколько жилых корпусов и два открытых бассейна, расположившихся на территории парка Коктебель. Явными центрами притяжения для постояльцев были бассейны с шезлонгами и лежаками для загара – парк же был пустынен и заброшен.

Я бродил в уединении по трещиноватым асфальтовым дорожкам советских времён пока не наткнулся на хозяина этих мест – большого серого кота, который сидел под деревом и вопросительно смотрел на пришельца. Потом кот поднялся, перешёл на освещённый солнцем пяточок на траве и улёгся, оборотившись в мою сторону. Похоже, это была демонстрация границы, за которую мне не дозволялось заходить, и я свернул на боковую дорожку, которая привела меня к разрушенному фонтану. Тут, став в тени кипариса, я достал свою рукопись и стал читать вслух. Где-то на половине текста голос сменился сиплым натужным шёпотом, подступил кашель – о выступлении на публике нечего было и думать.

Своими опасениями я поделился с Федотовым, который ободряюще сказал мне, что завтра вместе со мной и специалистом по связи займется этим вопросом. Проблема в том, что нужно было не только обеспечить слышимость в зале, но и видеосвязь с онлайн участниками конференции, а там свои трудности с точным соблюдением поминутного графика.

К вечеру я решил ослабить режим «самоизоляции» и в сумерках отправился на набережную.

Узкая набережная наполнилась курортным народом и напоминала вокзальный переход во время прибытия поезда: так плотно друг другу фланировали пары и одинокие пилигримы. Лавочки не жалели электричества для подсветки своего лежального ассортимента, превращая небо в

чёрную дыру. Лотошники загромоздили каждый пустовавший ещё днём закуток своими раскладными столами, разложив в изобилии перстни, браслеты, бусы, гальку, камни, ракушки, «крымскую косметику», «целебные» травы, корни... Блатная музыка из ларька с чачей соперничала с джазом из ресторана...

Все зовёт: купи! купи! Всё здесь живёт за счёт курортников, даже бродячие кошки. Одна такая профессиональная попрошайка невозмутимо уселась прямо посреди людского потока с точным расчётом, что вот сейчас сердобольная рука протянет ей беляш из соседнего ларька. И ей не приходится долго ждать...

Помнят ли здесь о том, кому обязана «Страна Коктебель» своей славой писательской Мекки? Кажется, помнят. Вот текст на стене кафешки извещает, что каждый писатель непременно посещает это заведение и оставляет автограф. Далее следует длинный список «знаменитостей» и приглашение присоединиться. А что? Оставил отзыв в книге посетителей – уже писатель! А поодаль старушка торгует «волошинскими венками» из сухоцветов и полыни. Предприимчивый молодой человек норовит сунуть тебе в руки посох: «Точная копия волошинского!»...

Чем ближе к музею, тем агрессивнее китч с претензией на искусство. Вдоль голубого забора по-хозяйски расположились «художники-пейзажисты», заслонившие своими «шедеврами» баннер симпозиума «Волошинский сентябрь». Но нашлось место и «прорицателю»: за столиком, покрытым чёрной бархатной скатертью с золотой бахромой, сидит грузный, весь в белом, румяный старик с белой окладистой бородой и длинной гривой белых волос, и что-то говорит сидящей перед ним женщине, которая доверчиво развернула на столе перед «кудесником» обе свои ладошки. Рядом истошно лабает саксофонист. Какая-то парочка поднимается со скамейки, оставив на ней пустую бутылку и недоеденный беляш. Я плохо запоминаю чужие стихи, но здесь в сознании мгновенно высветились строки:

*Там расселяются теперь домовладельцы,
Сдающие внаём рокочущий простор,*

*И резче всяких букв свидетельствует сор:
Здесь люди не жильцы, здесь жители – пришельцы⁸.*

Прохожу мимо «вернисажа» в калитку, ведущую в музейный двор, где в глубине светится открытая площадка и виднеется покрытый белой скатертью стол. За столом я вижу сидящего перед микрофоном вчерашнего профессора Пинаева. Вот оно как! Пока я предаюсь праздности, другие работают! Смотрю в программу симпозиума, но Пинаев уже сам объявляет рокоchущим голосом: «Пьеса-протокол заседания диссертационного Совета в эпоху ковидемии с элементами постмодернизма и перехлестами абсурдизма». И поясняет, что произведение сатирическое и отчасти рассчитано на определённую аудиторию слушателей – работников ВУЗа, имеющих непосредственное отношение к работе диссертационных Советов, но не только. Автор начинает читать – аудитория понимающе смеётся.

В это время на скамейку рядом со мной усаживается какая-то пожилая пара и женщина, склонившись ко мне, спрашивает вполголоса: «Что здесь?». Я узнаю в подсевшей женщине только что увиденную мной клиентку румяного «ясновидца» и пытаюсь вкратце объяснить ей суть происходящего. Она начинает слушать, временами похохатывает, но, в конце концов, поднимается с места: «Не Жванецкий...». Тут я замечаю, что на площадку подошёл Олег Иванович и удерживаю её: «Останьтесь – будет интересно. Не пожалеете». Пара остаётся.

Пинаев заканчивает чтение своей пьесы и передаёт микрофон Федотову. Олег Иванович, немного посетовав, что начали раньше, чем намечалось, начинает своё послесловие к только что озвученной пьесе. Он говорит по-прежнему негромко, но с первых же слов заставляет присутствующих внимательно слушать. Казалось, что даже бесстыжий саксофон за забором поумерил свои стоны. Профессор Федотов доходчиво объясняет, что сюжет пьесы отражает плачевное состояние гуманитарных наук и их служителей, вынужденных работать в неподобающих условиях, чему причиной коммерциализация науки и культуры и

---

⁸ Второй катрен из сонета Владимира Миклушевича «Карадаг», написанного в 1983 году.

оторванность чиновников от реального состояния дел. Его рассказ позволял разглядеть в пьесе Пинаева не однодневное произведение для капустника, но взыскующий глас интеллигенции, обращённый к самым верхам власти.

– Кажется, я кое-что поняла, – сказала, улыбаясь, соседка, когда Федотов под аплодисменты присутствующих закончил своё взволнованное выступление.

Пятнадцатое сентября – второй день работы философско-культурологической конференции «Киммерийский топос: мифы и реальность», где мне предстоит выступить на второй его секции «Сонет и его окрестности». С утра конференц-зал отдан музейщикам, для проведения своего семинара, но мы с Федотовым приходим сюда пораньше, чтобы обговорить технические вопросы. У музейщиков что-то не ладится, оператору не удаётся добиться устойчивой связи с каким-то городом. Он нервничает и не торопится вступать с нами в контакт. И тут Федотов говорит: «Один из наших докладчиков по ряду причин теперь не рвётся к микрофону – мы его обрадуем, а высвободившееся время используем, чтобы прокрутить ролик с вашим длинноватым выступлением». Я выдохнул с облегчением: наступила определенность.

Однако судьбе было угодно подвергнуть нас ещё одному испытанию: семинар музейщиков затянулся на лишние полчаса, это означало, что из двух часов, отведённых на работу нашей секции, оставалось только полтора. И тогда Федотов, открывая конференцию, принимает волевое решение: «Нам всем придётся урезать свои выступления. Я сокращаю свой доклад вдвое, остальных тоже попрошу излагать покороче. Исключение сделаем только для представителя Тюмени».

При этих словах я краснею от стыда, понимая, какой ценой заплачено за мою неспособность вместить своё сообщение в отведённое для этого время. Согласитесь: моментально сократить вдвое тщательно подготовленный и выверенный научный доклад, не повредив при этом его содержание, невозможно.

Федотов смог.

Его доклад, которым начиналась конференция, назывался «О двух сонетах Ивана Елагина». Олег Иванович

поведал нам лишь об одном из двух сонетов, оставив продолжение своего рассказа «на потом».

Так легендарный пеликан, разрывая клювом собственную грудь, кормит выступившими каплями крови своих птенцов...

Вечером после конференции я долго не мог уснуть в пустом номере. Видеозапись моего выступления была воспроизведена перед присутствующими, но времени на обсуждение уже не осталось. Конференция Школы сонета проходила в перерыве семинара «Время и пространство в музеях заповедниках», но музейщики, которые украли у нас полчаса в начале конференции, не собирались его компенсировать и «стояли над душой», и мы были вынуждены освободить зал, не подведя итогов. И это не давало полного удовлетворения. Оставалось чувство незавершённости. Но, как бы то ни было, цель, ради которой я примчался в Коктебель, достигнута. До обратного самолёта ещё больше суток, – имею «законное право» на отдых!

Первым из объектов для знакомства с курортом был выбран, конечно же, Дом-музей М. А. Волошина, тем более что там по плану Дня крымской музеологической школы «Museum Studio⁹» намечалась экскурсия. Я отпочковываюсь от литераторов, у которых в графике мероприятий образовалась пауза, и присоединяюсь к музейщикам.

При свете дня во дворе дома-музея обнаружили ещё две скульптуры Волошина, помимо той, что на площади пред домом. Кто-то явно перестарался в желании увековечить «вечного Странника». Особенное недоумение вызывало скульптурное изображение хозяина дома, стоящего во дворе с посохом: он что, с посохом ходил по двору? или гостей так встречал? Похоже, что китч, оккупировавший всё пространство на подступах к Дому поэта, прорвался уже и в святая святых, на радость фанатов селфи.

Группу сопровождает босой экскурсовод в рубаше навыпуск и широких полотняных штанах. Наверное, так выглядели знаменитые «обормоты» – любимцы этого дома. Я

---

⁹ Кстати. Кто мне ответит: почему и зачем мы стали использовать для названий русских учреждений культуры (и не только) иностранный язык?

слушаю рассказ о перипетиях, связанных с этим особняком, когда Волошин тщетно пытался договориться с властями о создании здесь Дома бесплатного отдыха для писателей и всё жду чего-то. Какого-то поворота, за которым явится нечто обнадеживающее в этой истории, затянувшейся в измененном варианте до наших дней... Но, чу! Кажется, что-то такое прозвучало... Ослышался?

– Правда, снесут? – переспрашиваю с надеждой.

– Правда. Вот тот ресторан справа от площади перед музеем.

– Ну, хоть что-то... По мне так проблему надо решать радикально: не ставить по три скульптуры на одном пяточке, а освободить возле дома Волошина километровую зону побережья от кабаков и присвоить статус заповедника. Торговцев и кошек из храма вон!..

Катер, стилизованный под парусный кораблик, стремительно несётся по заливу в сторону Карадага. Все взоры обращены на зубчатую стену прибрежных скал вулкана, где воображение рисует контуры мифических героев и зверей. И вот, наконец, нетерпеливый взгляд различает стоящую у берега одиночную скалу, похожую на высокую арку с двумя остроконечными пиками-башнями, – это «Золотые ворота».

Золотые? Нет, скорее чёртовы: из воды торчит пугающий силуэт рогатой головы с разинутой пастью, готовой поглотить катер.

Закатное солнце бьёт в глаза – чёрной тенью набегают зловекий силуэт ворот на наш кораблик – капитан бесстрашно правит в тесный проход в скале – ощущения Одиссея, у входа в Аид...

Мгновение – и мы по ту сторону арки. Напряженная пауза сменяется оживлением: спутники вспоминают про зажатые в кулачках пятаки и швыряют их в сторону ворот, – недалёт!

Оборачиваюсь – над искрящимся лазурным морем победно высится триумфальная арка, отливающая в тёплых лучах вечернего солнца золотым блеском каменного шафрана.

Откуда ты,
прекрасное дитя?

ГУБИНА

Ольга Степановна –

поэт, прозаик.

Член Союза российских писателей с 2020 года

Родилась 26 июня 1960 года в селе Станичное Исетского района Тюменской области. В 1984 году окончила медицинское училище. Первая публикация состоялась в 1967 году в Исетской газете «Заря». Затем печаталась в периодических изданиях «Текстильщик», «Тюменская область сегодня», «Тюменские известия», «Московский литератор», в коллективных сборниках «Люблю тебя», «Признание в любви», «Живое слово», «Лишь Слову жизнь дана...», «Горю поэзии огнём», в литературных журналах и альманахах «Лиффт», «Гиперборей», «Образ», «Дела сердечные». Автор книг для детей.

Дипломант и лауреат международных, региональных и городских конкурсов, член Союза писателей Северной Америки. Живет в Тюмени.

ХРАБРЫЙ ЛЕО

сказка

Далеко-далеко – на Дальнем Востоке в национальном парке «Земля леопарда», когда в тайгу неслышно пришла весна, снег начал оседать и сереть, в тёплом логове, что находилось в пещере, родился маленький котёнок. Он был крохотный, слепой и слабенький. Его шкурка, густая и пушистая, была покрыта тёмно-бурыми и чёрными пятнышками, а на широком лбу было особое пятнышко, как будто, кто-то взял да и прижал крохотную пуговицу. Прямо между бровей новорожденного котёнка.

Котёнок не знал, что он не просто маленький котёнок, а самый редкий и красивый дальневосточный барс или леопард. Он просто ел, спал и рос. Рядом была тёплая, заботливая мама, которая кормила его, умывала и грела своим теплом.

В июне, когда всё вокруг цвело и зеленело, Лео впервые, на закате солнца, вышел из своей пещеры. Он уже подросток, научился есть пищу, которую ему приносила мама.

По ночам мама учила Лео охоте, ступать бесшумно. Охота начиналась перед заходом солнца и длилась до полуночи, но иногда, увлекшись, они охотились почти до утра.

Лео был очень сильным и умным, он быстро учился всему. За лето он превратился в сильного гибкого подростка, смелого и осторожного.

К его первой зиме шкура у молодого барса стала густой и пышной, желтовато-рыжей с золотистым оттенком. Умные янтарные глаза с вертикальным зрачком, который в темноте становился круглым, были зоркими. Его тёмно-шоколадные, с белыми концами, когти мягко убирались в «ножны», но при охоте они, как клинки, врезались в жертву.

Эту первую зиму Лео жил ещё с матерью, но уже мог один уходить на охоту, бродить по тайге, наблюдать за всем, что происходит вокруг его.

Однажды Лео угодил в ловушку. Его поймали странные звери, передвигающиеся на задних лапах. Они пахли дымом, говорили громко. Лео трясло от испуга и омерзения. Горло сжимала ярость на свою глупость, как он мог не заметить ловушку, как смог подпустить к себе этих хищников. Лео

скалил зубы, бил хвостом по прутьям клетки, рычал, но двуногие его не боялись.

Потом клетку с Лео погрузили в вонючую, тёмную железную пещеру, которая рычала, плевалась дымом и бежала на круглых лапах по широкой тропе.

Потом Лео лежал, его укачало, ему было безразлично, где он и что с ним. Он просто понимал, что больше никогда не увидит закат среди сопок, свою маму, логово...

Он очнулся, когда его клетку поставили на землю. Вокруг был парк, деревья, где-то лаяли собаки, Лео знал, что они его заклятые враги.

Принесли кусок оленины, воду, но Лео отвернулся от еды, хотя живот предательски жалобно мяукал и кололся ежом, прося еды.

Так было дня два-три. Люди подходили, качали головами и уходили.

Однажды вечером к клетке подошёл небольшой человек, от него не пахло дымом, а глаза блестели от слёз, он тихо-тихо подошёл к клетке, его губы тряслись. Лео видел, как тому страшно, и поэтому, лежал не шевелясь.

Мальчик торопливо стал шептать ему: «Ты не бойся, я тебя выпущу и собак отвлеку. Ты только не умирай, пожалуйста. Ты такой красивый. Я про тебя в интернете прочитал. Вас осталось совсем мало. Беги домой к своей маме».

Лео с удивлением понял, что он понимает слова этого маленького человека.

Мальчик подошёл к клетке, с большим трудом открыл её, со страхом глядя на Лео, но тот понял, что надо лежать, дать уйти этому смелому мальчику.

Мальчик ушёл, где-то вдалеке раздался его радостный смех, послышалась весёлая возня.

Лео осторожно поднялся, его качало от голода, и он с жадностью съел кусок мяса, которое ему подкладывали каждый день свежее, убирая то, что давали накануне. Попил воды. Голова кружилась, Лео тряхнул головой, напряжился и крадучись скользнул к выходу из клетки...

Он перепрыгнул изгородь, чутко лоя воздух, он шёл на еле уловимый запах тайги, воли. Как тень он скользил среди деревьев, двигаясь на восток.

Он не видел, как мальчик подходил к пустой клетке, как закрывал её, как искал взглядом его, как заметал, взятой в сарае, метёлкой следы Лео. Как убежал в дом со счастливой улыбкой.

Не видел Лео и того, как утром, обнаружив его пропажу, люди подняли переполох, организовали погоню за ним.

Но Лео был уже далеко. Он делал небольшую лежку, отдыхал и снова, пёстрой молнией, мчался, доверяя своему инстинкту, домой.

Лил дождь, серая пелена окутывала сумеречным светом всё вокруг, и Лео радовался этому. Он охотился просто по пути, съел зайца, когда-то перекусил оленёнком, подбирал даже падаль, чтобы не терять время, и бежал, бежал.

Вот в его ноздри забрался знакомый запах, рядом было родное логово, мать.

Лео подошёл, в логове спала мать, он проскользнул вовнутрь, улёгся, свернувшись клубочком, и уснул...

За два часа до заката Лео проснулся, изогнулся своим гибким телом, широко зевнул и потёрся головой о бок матери.

Потом Лео ушёл, чтобы, сделать своё логово на скальном выступе, приглянувшемуся ему во время его большого путешествия.

Лео стал взрослым барсом. Он вырос. Но иногда, когда Лео спал в своём логове, ему снился маленький мальчик со светлыми слезами на глазах, который протягивал к Лео руки и говорил ему: «Ты только не умирай, пожалуйста. Ты такой красивый».

А ещё через год, в январе Лео встретил красивую грациозную кошку, сильную и независимую. Они играли и любили друг друга целых три дня. Потом Лео ушёл. Но он знал, что в апреле, когда в тайгу придёт неслышно весна, в логове молодой самки леопарда родятся его дети, новые котята. А ещё через много-много лет, в Приморском крае будет уже больше сотни сильных и красивых дальневосточных леопардов или, по-другому, барсов. Храбрых и прекрасных.

КАРЕЛИНА

Лариса Федоровна – поэт,
прозаик, публицист,
переводчик, кандидат
филологических наук, член
региональной организации
«Тюменское областное
отделение Союза российских
писателей».

Родилась 5 июня 1951 года в Павлодарской области Казахской ССР. Окончила Донецкий государственный университет. Филолог. Преподавала русский язык в школе, а так же для иностранных граждан в Донецком университете. С 1984 года живёт в Тюменской области. Работала директором школы. Преподавала украинский язык в Тюменском госуниверситете. Защитила диссертацию о взаимодействии украинского и русского языков в речи украинской диаспоры Тюменской области. Переводчик с украинского языка Тюменской областной нотариальной палаты. Автор научных статей, очерков, рассказов и стихов. В 2021 году издана её книга лирики «Исповедь славянки». Лауреат Международного литературно-художественного конкурса им. де Ришелье, Всероссийского литературно-краеведческого конкурса им. Н. В. Зубарева и победитель конкурса литературного творчества Тюменского областного фестиваля им. С. И. Мамонтова. Живёт в Ялуторовске.

СИНИЕ СУМЕРКИ

рассказ

Короткий зимний день по обыкновению завершился сумерками. В этот час Олеся вместе со своей мамой вышли из вагона пригородного поезда на маленькой станции. Сюда они приехали навестить родственников, бабушку Галю и дедушку Луку. Мама сказала Олесе, что сегодня самый подходящий день – Святой вечер перед Рождеством, и ей обязательно нужно проведать бабушку Галю, которая была её крёстной, а дедушка приходился ей дядей. Когда мама утром предупредила Олесю, что они после обеда поедут к ним, девочка очень обрадовалась. Да и как было не радоваться! Дни стояли погожие, яркое январское солнце так и манило детвору на улицу – побегать, покататься на санках.

Олеся училась в первом классе, и это были её первые зимние каникулы. Она не раз бывала в гостях у стариков, ей там очень нравилось. Обычно они с мамой ездили к ним летом, а тут вдруг зимой собрались. Душа её пребывала в тревожной радости от поездки, в ожидании чего-то нового, неизведанного.

Поезд оставил приехавших пассажиров на платформе и покатил дальше, постукивая колёсами. Олеся с мамой перешли через железнодорожные рельсы и спустились с насыпи на дорогу, которая вела к небольшому посёлку.

Сумерки сгущались. Яркий свет пристанционного фонаря остался позади, а впереди и вокруг становилось всё темнее. Лишь вдалеке светились огоньки в домах. Мама держала Олесю за руку, в другой руке она несла сумку с гостинцами. Они шли не торопясь по хорошо утоптанной дороге в тишине и безмолвии. Звуки уходящего поезда долго ещё доносились до них, но и они растаяли в чистом морозном воздухе, только валенки чуть поскрипывали под ногами. После городского шума и суеты было непривычно тихо и безлюдно. Эта сумеречная тишина странным образом очаровывала, завораживала Олесю.

Снежные сугробы по обе стороны дороги создавали чудный, сказочный пейзаж, на который с изумлением смотрела девочка. Чем дальше шли они с мамой, тем больше возрастало

её удивление. Наступал тот необыкновенный, редкий момент в природе зимнего вечера, когда неуловимая грань между днём и ночью переходит в синие сумерки. Этот короткий промежуток в народе называют колдовским временем. Согласно поверью, тот, кто однажды увидел и сознательно пережил состояние синих сумерек, становится причастным к тайнам природы, постигая её язык и глубинную сущность.

Олеся ничего не знала об этом, она шла и с возрастающим восхищением видела совершенно синий снег, синие сугробы, деревья и дома тоже стали синими. А главное – морозный январский воздух стал синим. Он был таким прозрачно-синим, кристальным, что хотелось его потрогать, прикоснуться к этому волшебству. Душа девочки была распахнута навстречу огромному, безбрежному синему небу. Её чистое, ничем не замутнённое сердце, каждой частичкой, каждой клеточкой вбирало в себя божественную красоту мироздания, соединяясь с ним в единое целое.

И вдруг девочка увидела, как на небе зажглась яркая звезда.

– Мама, мама, смотри, какая красивая звезда! – воскликнула она.

– Да, Олеся, вижу. Это первая вечерняя звезда, она рождественская, значит, наступает Святой вечер. Уже недолго нам осталось идти.

Вскоре они подошли к небольшому домику. И тут их ожидало разочарование: калитка была плотно закрыта, а на двери дома виднелся замок. Наверное, хозяева сами ушли в гости. Однако мама не растерялась. Она знала секреты своих родственников и быстро разобралась, как открыть калитку. На крыльце дома она задумчиво произнесла:

– Они ведь знали, что мы приедем, значит, где-то должен быть спрятан ключ. Но где?

И этот секрет Олесина мама разгадала. Ключ был найден, они открыли замок и вошли в дом. Тот встретил их теплом жарко натопленной печки и запахом пирогов. Пироги стояли на столе в миске, прикрытые рушником. А на печке, а точнее, на припечке, лежал кот Василий. Сначала он с удивлением уставился на гостей, которые потревожили его безмятежное сонное царство, а потом, решив, что для беспокойства нет причин, снова прикрыл глаза. Тем более что гости тихонько

сидели у стола. В ожидании хозяев прошло несколько минут. И тут мама сказала:

– Давай-ка мы, Олеся, залезем на печку к Василию, пока дедушка с бабушкой придут, согреемся там. Ты, наверное, дочка, озябла, пока открывали дом?

Действительно, девочка почувствовала в тёплой комнате, что морозец пробрал её основательно, и она с большим удовольствием поддержала мамину идею. Они нашли старенькое одеялко, расстелили его, хотя Василий был сильно озадачен вторжением, и собрались уже было лечь, как мама вдруг говорит Олесе:

– А давай мы сделаем так, чтобы никто сразу не догадался, что мы приехали.

Мама сходила на улицу, поправила затвор у калитки, потом приладила замок, чтобы он висел ровно, и аккуратно закрыла за собой дверь. Потом они с Олесей спрятали свою одежду и валенки в другой комнате и, наконец-то, улеглись. За окном наступила ночь, синие сумерки растворились в её темноте.

Печка, на которой устроились Олеся с мамой, была, в общем-то, обычная, но она имела хорошую лежанку, довольно вместительную, длинную. И так уютно было согреться на ней после вечерней прогулки по морозу!.. А ещё для конспирации гости накрылись старым кожухом, полушубком деда. Погасили свет и стали ждать.

Но вот послышались голоса, скрипнула калитка. Потом хозяева долго не могли взять в толк, что же это за причуда такая: замок на месте, как положено, но дверь-то открыта!.. Замок, оказывается, для видимости, на одной скобке повешен... Вскоре старики вошли в дом, включили свет, продолжая обсуждать, чтобы всё это могло значить. Дедушка Лука предположил, разумеется, что какие-то воры, а скорее всего, соседские мальчишки разыграли такую шутку:

– Вот, сорванцы, я им завтра взбучку задам!.. – грозился он.

– Ладно тебе, Лука Иванович, может кто-то другой у нас тут похозяйничал, – пыталась успокоить деда бабушка Галя.

– Да кто же может быть ещё другой? – продолжал возмущаться он, снимая полушубок. Бабушка тоже разделась и внимательно осмотрела одежду на вешалке. Не обнаружив

ничего необычного или подозрительного, она присела к столу и задумчиво сказала:

– А может это Валя с Олесей приехали? Они ведь собирались к нам сегодня.

– А где их одежда, ты вот мне скажи на милость? – резонно заметил дедушка. – Они, что же, ушли куда-то? Да и куда можно уйти на ночь глядя в мороз? И ещё дом оставить открытым? Чудно прямо-таки!

А тем временем на жарком припечке под старенькой шубой деда, согнувшись калачиком, сидеть становилось невмоготу. И тут Олеся, надышавшись овчины, громко чихнула, в нос ей попала шерсть. Секрет был раскрыт!

Они с мамой, весёлые и очень довольные своей шуткой, слезли с печки. Вот смеху было!.. Мама попросила не обижаться на них. Дед Лука, сначала, правда, нахмурил свои лохматые брови, но потом, хмыкнув себе под нос, улыбнулся и примиряюще махнул рукой:

– Да что там, пошутковали и ладно. Давайте вечерять будем, небось, проголодались, пока нас ожидали? Мы-то в гостях были, а вы с дороги.

– Давайте, девочки, садитесь за стол. У меня пироги для вас приготовлены, – засуетилась бабушка Галя. – И компот я сварила из своих абрикос, да и вишен добавила, и груш. Вкусны-ы-й! И тут мама сказала:

– Мы тоже вам гостинцы приготовили.

Она вышла в соседнюю комнатку, которая обычно служила спальней для гостей, и вернулась с сумкой. Она захватила так же и их с Олесей одежду и повесила на вешалку, валенки тоже поставила на место.

– Вот оно, значит, где они одежонку припрятали! – воскликнул дед Лука, – ну и придумали же, как стариков разыграть!

А мама развернула свёртки с подарками. Она обняла бабушку Галю, свою крёстную мать, поцеловала её и набросила ей на плечи красивый платок, полушалок:

– Поздравляю вас с Рождеством Христовым!

Дедушку, который приходился ей родным дядей, она тоже обняла и подарила ему тёплый вязаный шарф и такие же

варежки. Лука Иванович, польщённый неожиданным вниманием, сначала даже немного сконфузился, потом сказал:

– Ну, спасибо, уважила старика. Хорошие рукавицы, а шарф мне, наверное, ни к чему. Непривычно мне это. А может, когда в гости пойду и надену?..

На стол мама расстелила новую клеёночку с нарядными узорами.

– Это к празднику! Ещё она поставила на стол небольшую мисочку, завёрнутую белым полотенцем.

– А это кутя, всё как полагается, когда приходишь в Святой вечер к крёстной матери.

– Ох, Валечка, спасибо тебе, крестница моя дорогая! Хорошо, что ты нас не забываешь, своих-то деток Господь нам не дал. Да как же ты, Валя, помнишь всё, что и как надо делать?

– Помню, всё помню, хоть и было это давным – давно, в детстве...

Удивлялась маминым поступкам не только бабушка, но и Олеся в особенности. Как же это её мама, школьная учительница математики, может всё-всё знать про какое-то Рождество? И про Святой вечер? И даже про кутю... И что всё это уже было в её детстве. А ведь она никогда ничего не рассказывала об этом!..

Дедушка, пока женщины разговаривали, тихо сидел в стороне, посматривая на них. Потом он решительно встал и также решительно скомандовал:

– Ну, давай, Галя, стопки, наливочки нальём да помянем нашу родню, которой нет с нами!

Бабушка Галя с мамой стали накрывать на стол, расставлять посуду. Оказалось, что она тоже приготовила кутю, только у неё она была из пшеницы, а мамина – рисовая. Сверху каждое блюдо было украшено ягодами, в кутю добавлены изюм и орехи. И когда уже все приготовления были закончены и дед собрался поднять стопку с наливкой, бабушка вдруг сказала:

– Да подожди ты, не вводи нас в грех!

Она включила свет в другой комнате и позвала всех туда. Справа в углу были иконы, под ними горел огонёк.

– Что это? – спросила Олеся.

– Это лампадка. Лампадка зажигается в честь Рождения Спасителя нашего Иисуса Христа. Видишь, Олеся, это икона

Богородицы Девы Марии с сыном Иисусом Христом. Рождественская звезда давно уже зажглась, давайте помолимся.

Бабушка прочитала молитву.

Потом все принялись за угощение.

Пироги у бабушки Гали удались на славу: и с капустой, и с картошкой, и с грибами, и с рыбой! Гости ели да нахваливали угощение, запивая ароматным компотом, вспоминали о щедрых дарах лета. Так и вечер прошёл, стали собираться ко сну. Бабушка взглянула на окно и сказала:

– Вот вывездило как под Рождество! И месяц молодой сияет, такая хорошая ночь выдалась!

– Где, где? Мне не видно! – подхватила Олеся, пытаясь что-либо разглядеть сквозь замёрзшие стёкла. Но ничего увидеть ей не удалось, морозные узоры полностью затянули окна, с улицы их освещало звёздное сияние.

– Раздевайся, Олеся, будем укладываться, – велела мама дочке и ушла в спальню.

Дедушка уже устроился на большой софе под своим любимым козыхом. Он всегда так укрывался, даже летом, никаких одеял не признавал. Говорил, что козых – это и есть самое лучшее одеяло, потому что оно живое. Переубедить его не было никакой возможности, хотя бабушка и сердилась на него за это.

Мама выглянула из комнатки:

– Олеся, что же ты не разделась ещё? Я тебя жду.

Наконец, Олеся, так и не увидев ничего, отошла от окна.

– Мама, мне очень хочется посмотреть на звёзды и на молодой месяц! Можно я выйду на улицу ненадолго? Ну, всего на пять минуточек!

– Посмотреть на звёзды?.. Да как же ты пойдёшь одна, я ведь уже разделась, – мама стояла в ночной сорочке.

– Давай, Валя, я с нею схожу, – предложила бабушка Галя, – я ещё в тёплом, пусть девчонка посмотрит.

– Это куда же вы засобирались? Какие такие звёзды? Ишь, чего удумала! – раздался негодующий возглас деда. – Тебе давно уже спать пора, Олеска! Ложись и не выдумывай!

Дед, оказывается, всё слышал.

Олеся, её мама и бабушка продолжали стоять в растерянности: то ли быстренько сходить на улицу, то ли дома остаться?.. Неизвестно, сколько бы ещё они так простояли, да только дед вдруг сбросил кожух и сел на софе:

– Э-э-эх! Да и то подумать надо, ну, какие в городе звёзды? Одни только дома, дома, этажи, этажи!.. Всё небо закрыли эти этажи! Собирайся, Олеська, сходи уж, посмотри на звёзды, раз тебе так хочется их увидеть. С бабушкой идите вдвоём. Когда ещё придётся, кто знает...

Дедушка Лука сильно напирал на букву «о» и получалось у него «О-о-о-леська!» Когда-то высокий, а теперь сутулый, седой старик Лука Иванович всегда ходил внаклон. Много лет он работал обходчиком путей на железной дороге, проверял составы и за этой работой незаметно сгорбился. Выйдя на пенсию, он много трудился в саду и на огороде вместе со своей женой Галей. Его натруженные руки не знали усталости, он всё время что-нибудь делал. Зима останавливала его неутомимую деятельность. Вынужденное безделье, если не считать работы по уборке снега во дворе, он коротал за дегустацией своих наливок, которые производил из разных ягод и фруктов. Это, кстати, было непростым делом. Нужно было многое знать, помнить всякие премудрости, тонкости, соблюдать разные правила, а, главное, иметь большое терпение. Дед Лука обладал всеми необходимыми качествами винодела, поэтому его наливки отличались отменным вкусом. Это признавали все гости, пробовавшие их когда-либо.

Косматые брови деда придавали ему грозный вид, но стоило ему только поднять голову и глянуть из-под них, как его небесно-голубые, какие-то детские, незащищённые, глаза выдавали всю его добродушную натуру. Этому светлому, доброму взгляду не переставала удивляться Олеся. И сейчас он также из-под лохматых бровей посмотрел на девочку и добродушно повторил:

– Иди уж, полюбуйся на звёзды, пока они светят.

Олеся мигом оделась, сунула ноги в валенки, и вот она уже на улице, бабушка вышла следом за нею.

Красота распахнувшегося перед нею звёздного неба ошеломила её. Необыкновенно светлая ночь притягивала взор мириадами звёзд, сиянием молодого месяца, искрящимися на

морозе снежинками. Олеся почувствовала, как царившее вокруг глубокое морозное безмолвие снова заволаживает её, так же, как и в самом начале вечера, в синих сумерках, только теперь оно было ещё сильнее. Не хотелось двигаться, говорить, только смотреть и смотреть... Она ощущала, что растворяется в этом безмолвии, в сиянии мерцающих звёзд... А сердечко её поднимается высоко-высоко, к звёздам.

– Олеся, да ты никак застыла? Почему не отзываешься? Может быть, пойдём уже, насмотрелась, наверное? – окликнула её бабушка Галя.

– Сейчас, сейчас, бабушка, миленькая!

– Ну, девонька, так и простудиться недолго. Хоть бы побегала, что ли, а то ведь стоишь и стоишь! Пойдём, милая, чтобы мама на нас не рассердилась. – Бабушка обняла Олеся и увела в дом

В спальне Олеся быстро разделась и нырнула к маме под одеяло. Грубка натопленной днём печки всё ещё продолжала отдавать тепло. Девочка к тому же едва ли не с головой утонула в мягкой пуховой перине бабушки Гали и поэтому быстро согрелась. В тёплой постели её охватила сладкая истома, и она вскоре заснула.

Ей снился удивительный зимний сон. Будто бы идёт она по лесу, а деревья, высокие ели и сосны, и справа, и слева – синие-синие – расступаются перед нею. И снег тоже синий, сугробы вокруг намело глубокие.

«Как же по сугробам-то таким идти?» – подумала во сне, а тут кто-то ласково приподнял её, и она, как по волнам, поплыла дальше, слегка приподнимаясь на вершинах сугробов и так же плавно опускаясь. «Что это?» – спросила во сне девочка. «Это Рождество!» – ответила ей нарядная синяя белка, и звонко рассмеялась, покачиваясь на ветках. «Рождество, Рождество!» – закричали синие зайцы под елями, подхватили Олеся за руки, и вместе понеслись они дальше, туда, где сияли звёзды и разливался чудный голубой свет. Чем ближе, тем ярче, ослепительнее он становился. В переливах серебристо-голубого сияния рождались звуки необыкновенной красоты музыки, которая поднимала девочку всё выше и выше, унося в неизведанный, манящий звёздный мир. Дальше, дальше...

НОВОГОДНИЕ ПОЖЕЛАНИЯ

Поглядите-ка в окно,
Там – волшебное кино:
На стекле –
                    морозный иней,
И не счесть узоров,
                    линий!

За окном - белеет холст
Весь в охапках
                    снежных звёзд.
Это вовсе не приснилось,
К нам, видать,
                    зима явилась.

Я хочу, чтоб,
                    словно в сказке,
сами мчались бы салазки,
и бежали бы коньки
сами наперегонки.

Пусть у мамочки всегда
будут добрые глаза,
ни грустинки, ни слезинки –
не случится никогда!

А ещё, чтобы семья
наша дружною была,
чтобы в радости жила,
загадал желанье я.

МАРТЫНОВА

**Вера Викторовна – поэт,
прозаик, сатирик.
Член региональной
организации «Тюменское
областное отделение
Союза российских
писателей»**

Родилась 16 ноября 1981 года в селе Поперечное Еравнинского района Республики Бурятия. Получила неоконченное высшее образование в Бурятском государственном университете (филологический факультет). Свою трудовую деятельность начала журналистом в газете «Красный Север». Член международного Союза писателей Северной Америки (Канада). Публиковалась в литературно-художественном альманахе «Гиперборей», в региональных коллективных сборниках и в московском журнале творческого проекта «Джин». Является номинантом Первого международного конкурса «Поэзия ангелов Мира» (Красноярск, 2019-2020). Увлекается художественными переводами корейских песен. Стипендиат 2021 года Министерства культуры Российской Федерации. Многодетная мать, живёт в историческом городе Ялуторовске Тюменской области, занимается воспитанием детей.

ОСЕНЬ

Наступила осень. Я, конечно, рад!
С мамой направляюсь в наш десятый сад.
Время не теряем по дороге мы.
Дружно изучаем деревья и кусты.

Белые берёзы, липы тоже есть.
И рябин по пальцам всех не перечесть.
В золоте осины, сосны, тополя.
До чего ж красивая осенью земля.

Холодок на улице с каждым днём сильней,
И на юг летит уже стая лебедей.
Мы подходим к садику и вздыхаем: «Ах!
Белоснежным кружевом иней на ветвях».

ЛЕТО

Кукарекает петух на заре.
«Просыпайтесь!» – говорит детворе.
Летом важное нельзя пропускать.
Ох, пора мне с петухами вставать.
Пробегуся я босиком по росе,
Посчитаю поросят: «Ой, не все!»
Заплутавшего в канаве найду,
Загоню в сарай и к маме пойду.
Молочка парного с пенкой напьюсь,
Вместе с папой у телят приберусь.
А когда согреет солнышко дом,
Мы с сестрёнкой покупаться пойдём.
По пути нарвём всем вкусный ремень.
Замечательный какой летний день!

ЧАЙНИК

сказка

Чайник был уже совсем стар. Ручка из чёрного пластика от тепла местами потемнела и покрылась пузырями, как кожа после ожога. Да и когда-то блестящие бока были вдоль и поперёк в глубоких царапинах-морщинах от жёсткой щётки. Время не щадит никого...

Но чайник не грустил, ведь он до сих пор исправно выполнял свою работу, созывая свистом домочадцев к столу. И радостно булькал кипятком, предвкушая, как кухня оживет от разговоров и детского смеха, как мама будет нахваливать вкусный чай, а папа малиновое варенье.

Чайник стоял на плите и от удовольствия пускал пар носиком, ведь это он собрал всю семью за одним столом. Ночами же, когда вода в нём остывала, он вспоминал о том, как за столом собирались бабушка и мама хозяина, как тихо, словно туман поутру, текли разговоры – о будущих внуках, о цветах, уродится ли нынче картошка...

Всё это слышал наш чайник. Слышал он плач и слова прощания, когда не стало сначала мамы, а потом и бабушки. Слышал первые слова маленького сынишки, шушуканье дочки с мамой о нарядах и мальчиках...

Многое слышал он, многое делил с хозяевами. Радость и слёзы, горе и счастье. Три поколения этой семьи выросло под бульканье и урчание старого чайника. Но как подходит к концу человеческий век, так и век чайника был не вечен. Однажды ручка всё-таки отгорела.

– Не починить!.. – вздохнул папа.

– Жалко, хороший был чайник, – опустив глаза, сказала мама.

Недобрая тишина воцарилась в квартире.

«Ну, вот и конец», – подумал наш герой.

А через какое-то время он услышал довольные голоса хозяев. Весело улыбаясь, они внесли на кухню коробку, из которой достали новенький, блестящий, модный чайник. Новичок был раздут от ощущения собственной значимости и количества комплиментов в свой адрес.

А наш друг, тихо булькал остывающей водой и уже смирился с неизбежным уходом. Хозяйка убрала его с плиты и поставила новичка, который принялся активно шуметь, всем своим видом показывая, какой он молодец. А наш герой стоял в углу кладовой пустой и грустный. Вечером, когда пришла пора прощаться, мама долго крутила его в руках, а потом сказала:

– Знаешь, у меня рука не поднимается его выбросить.

– Ну, куда его девать? Этот хлам, – пробубнил в ответ папа.

Мама же загадочно улыбнулась и поставила чайник в мойку. А через неделю он стоял начищенный до блеска, с оплетенным носиком, на такой же красивой плетёной подставке и радовал всех – цветами.

Да, наш чайник продолжил свою жизнь цветочным горшком. И это его нисколько не огорчало, ведь он по-прежнему жил и приносил радость своей любимой семье. А разве может быть что-то важнее? Разве есть что-то лучше улыбок близких и искренней радости, которую ты приносишь?

И если это возможно, то, по-моему, любой, даже самый важный чайник, согласится быть простым цветочным горшком.

ВАХРУШЕВА
Тамара Николаевна –
прозаик, член
региональной
организации «Тюменское
областное отделение
Союза российских
писателей»

Родилась 24 июля 1956 года в селе Богдановка Самарской области. Окончила ГПТУ по специальности «Крановщица». Принимала участие в строительстве спортивных объектов «Олимпиады-80» в городе Москве. В конце семидесятых переехала на постоянное место жительства в Ялуторовск. Работала в школе-интернате для слепых и слабовидящих детей. Публиковалась в районной газете «Ялуторовская жизнь», коллективном сборнике «...Чувства добрые я лирой пробуждал», литературно-художественном альманахе «Гиперборей», в 2021 году выпустила сборник рассказов «Житейские истории». Член литературного объединения «Ялуторовская лира» и международного Союза писателей Северной Америки (Канада, 2020). Живёт в городе Ялуторовск Тюменской области.

МАЛЮТА И ВАНЬКА

байка

Работали мы с мужем на стройке в одной бригаде, получили двухкомнатную квартиру в новом доме. В то время дома в нашем Ялutorовске строили на самой окраине. Поэтому многие новосёлы обзавелись кое-какой скотиной. Вот и мы построили сарай и вскоре по счастливой случайности купили корову Малюту. Чуть позже в сарае поселилась пуховая козочка, мы её назвали Катькой. Немного попривыкнув, она уже паслась вместе с Малютой в стаде.

В первых числах декабря корова отелилась. Её телёнка Буяна мы сразу же отделили от коровы. Она два дня жалобно мычала, пытаясь облизать его через перегородку.

Прошла неделя. На дворе, как и положено в декабре, уже стояла зима, было холодно. Но в один из дней разгулялась сильная метель, подул северный ветер, температура снизилась почти до минус сорока. Мы решили проверить скотину, постелить больше соломы и дать на ночь корм.

Когда зашли в сарай, то сразу поняли, что-то было не то. Включили свет и увидели, что куры забрались на спину коровы и тихонько там переговариваются. Корова, не шевелясь, смотрела в угол и тихо мычала. И вдруг мы услышали слабое блеяние козлёнка. Он лежал на соломе, совсем ещё мокрёхонький со слипшимися чёрными кудряшками, но пытался встать на разъезжающиеся тоненькие ножки. Его мамаша, коза Катька, стояла в стороне и испуганно смотрела на него. Корова начала переступать с ноги на ногу и сильно принюхиваться, глядя в упор на козлёнка. Мы с мужем, недолго думая, побежали домой за одеялом, чтобы забрать козлёнка домой.

Когда же мы вернулись обратно, то увидели следующую картину. Мама коза прыгнула на насест к курам и оттуда с испугом и удивлением смотрела вниз. Корова лежала в какой-то неестественной позе на подстилке (это нас в первую минуту сильно испугало) и блаженно мычала. Крохотный кудрявый комочек лежал на огромном вымени, видимо, уже облизанный коровой, и с удовольствием причмокивая, сосал.

Вся мордочка козлёнка была не на много больше соска. До сих пор удивляемся, как он умудрился присосаться. Когда мы попытались приблизиться к козлёнку, корова угрожающе затрясла головой, пытаясь отогнать нас. Тогда мы решили оставить козлёнка с новой мамой, закидав его соломой, ушли домой.

Шло время. Козлёнок быстро рос, скакал по сараю, гоня бедных кур, пытался бодать меня и корову, а коза вообще не знала, куда ей деться. Он её гонял целыми днями, не давая покоя. Козлёнка мы назвали Ванькой.

Наступила весна, пришло время выгонять корову на пастбище. Расставание было долгим. Корова ни за что не хотела оставлять козлёнка. Нам с трудом удалось отогнать её в стадо. Ванька ревел до хрипоты, отказывался от корма. И так продолжалось несколько дней.

Вскоре корова привыкла к стаду и спокойно ходила на пастбище. Козлёнок же не мог с этим смириться, целыми днями орал, носился, как демон, по пригону, пугая телёнка и кур. Но вот однажды я, видимо, плохо закрыла дверь сарая. Ванька мгновенно выскочил на свободу, потянул ноздрями воздух, оголив зубы, и с места рванул в поле.

Я, конечно, расстроилась, подумав, что мне его не догнать. И вот пока я горевала и размышляла над этой проблемой, на поле неожиданно увидела свою корову. Бежит моя Малюта, ревёт, а сзади Ванька толкает и бодает её изо всех сил и тоже ревёт, гонит домой. Я едва успела калитку открыть и отскочить в сторону. Они пулей влетели в пригон. Немного отдышавшись, корова начала нежно облизывать Ваньку. С той поры мы больше не ходили встречать стадо и Малюту. Вечером выпускали Ваньку на волю, и через некоторое время они вдвоём неслись с рёвом домой.

О ЛЮДИ!
ЖАЛКИЙ РОД,
ДОСТОЙНЫЙ СЛЁЗ И
СМЕХА!

ДУЛОВА

Елена Владимировна – поэт, сатирик, переводчик. Член региональной организации «Тюменского областного отделения Союза российских писателей»

Родилась 25 ноября 1971 года в городе Тобольск Тюменской области. Окончила Тобольский колледж по специальности правоведение и Западно-Сибирский гуманитарный институт. Победитель и призёр городских и российских литературно-культурных фестивалей и конкурсов. Публиковалась в литературно-художественном альманахе «Гиперборей» и в коллективных сборниках в издательствах Москвы, Тюмени, Саратова.

Номинант национальной литературной премии Российского союза писателей «Поэт года» за 2020 год.

В 2021 году награждена Российским союзом писателей за вклад в развитие русской литературы медалью «Иван Бунин 150 лет».

Живёт в Тобольске, руководит городским литературным объединением «Тоболеск» при котором созданы группы из начинающих литераторов: младшая – подростковая, молодёжная и возрастная.

СЛУЧАЙ

В больнице случай был, я расскажу –
Скрутило адвоката. Приступ. Больно.
И корчась, пробурчал он недовольно:
«Коль, что не так – простите, засужу!»

Но жизнь не суд, а буден проза.
Главврач был тоже не дурак.
Сказал: «Коль, что пойдёт не так –
Не выводите из наркоза...»

ОПЫТ

С годами только опыт, да и тот –
Лишь нам на память, а не в банк на счёт.
И коль ума к характеру не дали,
То жмём на грабли, будто те – педали!

ОПОРА

Ища в мужчине силу и опору,
Заботу и умелых пару рук,
Сначала пилим спором и укором,
А подпилив, вгоняем под каблук.

ДИАЛОГ

– А что за синяки на вашем теле?
Соседка, округлив глаза, пугается.
– По бутикам ходила на неделе,
А цены в них, как водится, кусаются...

ОН БЫ

Он любил бы её при свечах,
Посвящал бы стихов сборники,
И носил бы всю жизнь на руках...
Да руки – коротки!

КАРАНТИН

Царевне спящей хорошо лежать.
Пусть снег метёт и злобствует инфляция.
Юна, забот не зная, и свежа...
В гробу она – на самоизоляции...

РЕАЛЬНОСТЬ

Унылый двор.
Качели сон укутал.
И ветер с горок сам катает снег.
Один ребенок (наважденье будто) –
Несчастный...
Дома интернета нет...

МУЖИК РАСТЁТ

Перчатки грязные в карманах,
Ботинки мокрые в углу,
На стол пролитая сметана,
Носков созвездье на полу.
Из брюк на кресле чудо-юдо,
Дневник, брошенный в комод,
У пасты незакрытый тюбик –
Мужик растёт!

КАНИКУЛЫ

Осталось учиться каких-то три дня!
Будильник не будет тревожить меня,
Уроки, задачи, стихи наизусть...
Уйдет безвозвратно учебная грусть.
Рубашки не гладить, носки не стирать...
УРА! Так каникулы радуют мать.

МАЗКОВА

**Александра Зотеевна
(литературный псевдоним
– Аля АРХАНГЕЛЬСКАЯ) –
поэт, прозаик, член
региональной организации
«Тюменского областного
отделения Союза
российских писателей»**

Родилась в 1952 году в селе Архангельское Исетского района Тюменской области.

Окончила Тюменский инженерно-строительный институт, факультет промышленное и гражданское строительство. Работала по специальности инженером-строителем.

Свое любительское стихотворчество начала примерно с 20 лет, а прозой увлеклась с 30 лет. Регулярно посещает литературное объединение при Тюменском региональном отделении Союза писателей России, также мастер-классы, проводимые известным в России и за рубежом поэтом Николаем Шамсутдиновым. Его пятитомное собрание сочинений «Избранное», вышедшее к 70-летию писателя в 2019 году, является для Александры Мазковой «настойной книгой». Творческий потенциал её ещё не исчерпан: публикуется в коллективных сборниках, региональных альманахах. Живёт в городе Тюмень.

ПОТЕРЯ

Как ускользает в бездну мысль!
И не пытайся – не догонишь...
А так торчала словно мыс,
Предупреждала: «Проворонишь!»

Как жаль мне выверенных строк,
Что мне в автобусе являлись!
Но вот я дома, вот порог.
Слова ж куда-то потерялись...

Лишь ими бредит голова.
От них струился свет высокий!
Так, где же рифмы, где слова?..
Душе без Музы одиноко!

СЕРАЯ МЫШКА

Под ритмичное томное танго
Танцевала я в юности ранней,
Представляя – не нижнего ранга –
С дон Жуаном себя донной Анной.

И мечтала, что я – в красном платье,
Кудри чёрные с алою розой,
И фламенко могу отбивать я,
Репетируя страстные позы.

Как я пела одна в шумной ванной
(где уж точно меня не услышат)!
Как Синявская меццо-сопрано
Выводила я, ниже и выше.

И такой, как принцесса и леди,
Не видала меня мать родная,
А не то, что друзья и соседи.
Перед зеркалом дома одна я.

И поэтому серою мышкой
Я казалась другим в этой жизни.
Почему же я скрытная слишком?
Всё кляню я себя с укоризной...

ТАБАКЕРКА

Ненароком подмечено было
Одним типом с сарказмом унылым:

«Коль у дамы во рту сигарета,
Ей дарить бесполезно букеты.

У ней чуйка на дым и на пепел,
А «Шанель» – недоступная степень.

Не конфет шоколадных изыски –
Вкус способен пронять только виски».

Я ведь также грешила когда-то.
Бронхи – словно бурил перфоратор.

Жить хотелось, и – прочь сигареты!
Я горда личным подвигом этим.

Покатила судьба моя – бричка
Веселее без вредной привычки.

Но жалею я тех, кто не бросил,
Их скрипучую ржавую осень...

ПО ВСЕМУ РОДНОМУ ОКОЛОТКУ

Очень, очень,
        очень грязный город,
И ужасно грязные машины.
Сапоги испытывают голод,
Грязным крапом
        брызгаются шины.

По обледенелым тротуарам
Виртуозно двигаются люди.
Безнадежны
        черепашьи пары.
Вот втроём, пожалуй,
        лучше будет.

Неудачно грохнулась молодка,
И каблук летит своей орбитой.
Штабелями стариков –
        по сводкам –
Все рекорды прошлые побиты.

С каждой крыши нам грозит увечье –
Зим непредсказуемых капризом.
И нежданно в жизни человечьей
И сосулька метит стать сюрпризом.

Ох, ребята, мне не до морали –
По всему родному околотку
Про погоду нам опять соврали.
Лишь натурой мы
        проверим сводку...

ЦЕЛЫХ

Сергей Михайлович – поэт, сатирик, член региональной организации «Тюменского областного отделения Союза российских писателей»

Родился 23 мая 1951 года в с. Вознесенка Приишимского (Бишкульского) района Северо-Казахстанской области. После учебы в профессионально-техническом училище служил в рядах Советской Армии, работал на заводе, окончил радиотехнический факультет Уральского политехнического института. В 1984 г. уехал в Ханты-Мансийский автономный округ. Публиковался в газетах, журналах, поэтических сборниках, один из постоянных авторов альманаха «Гиперборей».

В 2008 г. вышла в свет поэтическая книга «Чтобы сердцем...», в 2018 г. опубликован сборник стихотворений «Бунтарь». Член Союза писателей Северной Америки, награждён Почётной Грамотой СПСА (Канада, 2020), а также юбилейной медалью Сергея Есенина (2020), удостоен «Гран-при» Районного онлайн-конкурса чтецов «Слово о родном крае» – 2021 (ХМАО – Югра, Пойковский район). Сейчас живёт в Тюмени.

БАРАНЫ

басня

На сочных пойменных лугах
Паслись бараны, на рогах
У них туманы повисали,
Когда они, резвясь, скакали.
Столь были сказочно огромны,
Что по лугам текли, как волны.

А пастушок их вел туда,
Где корм и чистая вода.

Так и паслись, тревог не зная.
И вдруг...

                    напала волчья стая,
И кровь овечки молодой
На землю хлынула струёй.
Увидев кровь, бараны махом
Забегали по лугу в страхе.

Лишь пастушок не растерялся
И стойким в схватке оказался.
Он им кричал: «Вставайте рядом,
Начнём крушить поганых гадов,
Пускай узнает волчья сыть,
Как неприятно жертвой быть!
Не забывают одного:
Их горстка малая всего.
И если встать плечом к соседу,
В бою одержим мы победу!».

Взывал напрасно пастушок,
Был у баранов страшный шок.

Разумных слов не понимали
И в страхе трепетном бежали.
И лишь уйдя от волчьей стаи,
Потери с болью посчитали
И увидали: плохо дело –
Отара резко похудела.

* * *

Мораль? Какая тут мораль?
На сердце лишь одна печаль.
Морали в прошлом все остались.
Хочу лишь, чтоб вы догадались,
Собрав мозгов своих осколки,
Вы кто – бараны или волки?
И знайте, в роли пастушка,
Увы, не вижу вас пока.

ЛЕВ И ШАКАЛЫ

басня

Раз лев удачно потрудился.
Мясцом по случаю разжился.
Но лишь собрался пообедать,
Как навалились сразу беды.

Шакалов стая налетела
Так агрессивно, быстро, смело,
Что лев (хоть чёрт ему не брат)
Слегка попятился назад.

Ну а потом... Достали, гады!
Решил уйти, на них не глядя,
И, хоть манила требуха,
Ушёл, подальше от греха.

А меж шакалов бой начался –
Из них ведь каждый собирался
Кусок побольше получить,
Чтобы утrobiщу набить.

Но мал кусок. И вот в азарте,
Поставив жизнь свою на карту,
Шакалы за кусок мясца
Кусают брата и отца.

* * *

Мораль, конечно, всем понятна.
Но повторю ещё раз – внятно:
Всё то, что в дикой есть природе,
У нас сегодня происходит.
Когда мы с вами поглупели –
Иуды стaeй налетели,
А вот теперь пора настала –
Грызутся хуже тех шакалов.

ЛЕЙСЯ, ПЕСНЯ!

ПЕЧЁНКИНА

Светлана Ивановна
(литературный псевдоним
– **Светлана ХОХЛОВА**) –

поэт.

Член Союза российских
писателей с 2021 года.

Родилась 11 октября 1957 года в городе Тюмень.

Работала сборщиком-регулировщиком на Тюменском электромеханическом заводе, была удостоена звания «Ударник коммунистического труда».

Первые стихи опубликовала в сборнике гражданских стихов и песен «Листая жизни календарь», автор поэтических сборников «Старый календарь», «О Родине я буду говорить», «Мой калейдоскоп», книги для детей «Приключения лягушонка Квакуши», документального очерка «Сибиряки помнят»; а также автор-составитель литературно-краеведческого альманаха «Поэзия земли Тюменской».

Член Тюменской областной общественной организации «Русская культура». Живёт в Тюмени.

БЕЛАЯ НЕЖНОСТЬ

Припев:

**Белая нежность – что это за чудо,
Кто мне подскажет: явилось откуда?
Кружится вальсом, на плечи ложится,
В солнечном свете снежок серебрится.**

I

Белая нежность меня обнимает.
Белая нежность сады прикрывает.
Лес и поля - всё окутала снежность –
Первая пробная зимняя свежесть.

Припев:

**Белая нежность – что это за чудо,
Кто мне подскажет: явилось откуда?
Кружится вальсом, на плечи ложится,
В солнечном свете снежок серебрится.**

II

...Я подставляю для чуда ладошку –
Раз и поймала блестящую крошку.
Таает в ладони снежинка-малютка –
Славная первая зимняя шутка...

Припев:

**Белая нежность в слезу превратилась,
Прямо с ладони на землю скатилась...
Вытерев руки, надела перчатки,
В белую снежность ушла без оглядки.**

Здравствуй,
племя младое,
незнакомое

ИВЛЕВА

Полина Викторовна –
поэт, член региональной
организации «Тюменское
областное отделение
Союза российских
писателей».

Родилась в 1990 г. в деревне Босоногово Тюменской области. В 2013г. окончила Тюменский государственный архитектурно-строительный университет (специальность экономист-менеджер). Публиковалась в газете «Тюмень Литературная», литературно-художественных альманахах «ЛиК», «Крафт», «Гиперборей», журнале «ЛиФФт», коллективном сборнике «СЛОВО о Тюмени» и других изданиях. Неоднократно награждалась за творческие успехи дипломами и почётными грамотами, в том числе – Международного общества Пушкинистов (США). Победитель молодежного инклюзивного слэм-турнира «Стихи без преград» (Тюмень, 2021 г.). Лауреат Всероссийского конкурса современной поэзии «Поэзия. Полдень. 21век» в номинации журнала «Юность» «Не спи, моя душа» (2021 г.).

* * *

А на луне мелькнула тень,
Как будто кто ступил ботинком.
И стыл февраль озябшей льдинкой,
И ночь оплакивала день.
Качаясь мерно в облаках,
Луна, не грея, согревала...
Как много нужно нам – и мало! –
Чтоб целый мир дарить в стихах.

ПТИЦА

Бойтся даже тот, кто не бойтся.
Дистанцию мы стали сохранять.
А на плечо моё уселась птица,
Когда я вышла воздухом напиться,
Ну что её теперь мне – прогонять?

Как хорошо, что нет границ у птахи
(Инстинкт сегодня дал какой-то сбой).
Я постирала все свои рубахи,
Чтобы от них не веяло тобой.

Бесстрашен ли отчаявшийся выйти
За линию, которая у ног?
Смогу ли я, чтобы потом не выть и
Не биться в дверь, как выгнанный щенок?

Страх учит обходить углы и камни,
Решает, что нам делать или – нет.
Но если на плечо вдруг утром ранним
сидится птица с белыми крылами, –
Ты не спугни и передай «привет».

ЕСТЬ ШАГ

Есть шаг – решительный, на вдохе,
когда войдя в крутой вираж,
презрев приметы и подвохи,
рассеивая, как мираж,

фантомы маний и сомнений,
растапливая страхов льды,
дух, возродившись, словно Феникс,
сюжет меняет у судьбы.

Одежду тёплую проходим
раздав, забыв про календарь,
ты ощутишь душой продрогшей –
в тебе закончился февраль.

Жалеть – что толку? – перестанешь
себя. Пробьётся в окна свет.
Переродишься и восстанешь,
и осознаешь – боли нет;

откроешь двери без опаски
в мир солнца, ветра и мечты.
Мы часто в жизни носим «маску»...
Но снял её сегодня ты!

БОРЩ

**Илья Дмитриевич –
начинающий поэт,
член городского
литературного
объединения
«Ялуторовская лира»**

Родился 23 апреля 2000 года в городе Сергеевка Северо-Казахстанской области Казахстана. Семья несколько раз переезжала с одного места жительства на другое, поэтому мальчику пришлось учиться в разных школах. Среднюю общеобразовательную школу окончил в г. Ялуторовске. Здесь же поступил в Ялуторовский филиал Тюменского медицинского колледжа и продолжает учёбу на четвёртом курсе. В четырнадцать лет увлекается поэзией: В. Шекспиром, Э. По, А. Блоком. Первые стихи были опубликованы в газете «Ялуторовская жизнь», затем в коллективных сборниках: «Чувства добрые я лирой пробуждал...» (Ялуторовск, 2017, 20019), «Слово о Тюмени» (2021) и в литературно-художественном альманахе «Гиперборей» (Тюмень, 2019, 2021).

Участник литературных городских конкурсов, из них: дипломант конкурса литературного творчества «Проба пера» – 2016. Живёт в Ялуторовске.

СТАТУЭТКА

Дух птичий, застывший стрелой в полёте,
огнем бога Ра опалённый не зря,
навек окольцован ты каменной плотью –
мелькание крыл и неистовый клёкот
таятся в мерцании глаз янтаря.

О, демон бунтующий, запертый в склепе!
Мучительный плен свой не в силах терпеть,
презрев всех бескрылых, в неистовом гнев
ты рвёшься наружу в бескрайнее небо,
мечтая покинуть проклятую твердь.

* * *

Змеится в закат
асфальта река.
Уходят, скрипя,
как фрегаты, судьбы.
Сжимает мне горло
тишина.
«Стреляйте в грудь,
больнее не будет!» –
кричит надрывно
моя струна.
В припадке бьётся
пульсаром сердце.
Любовь вновь чести
лишена.
Я жгу резину –
хочу согреться.

ЖИЛИНА

Ксения Владимировна – начинающий литератор, член региональной организации «Тюменское областное отделение Союза российских писателей».

Родилась 11 мая 1991 года в Тюмени. Спустя 20 лет переехала в Ялуторовск. По образованию дизайнер и педагог дополнительного образования, работает в школе искусств и заочно учится в Курганском государственном университете. Начала писать прозу со школьной скамьи, первая повесть «Отпуск не по назначению» издана отдельной книгой в 2020 г., на следующий год была опубликована повесть «Полёт для двоих». Помимо прозы пишет стихи, которые издавались в коллективных сборниках и в литературно-художественном альманахе «Гиперборей». Дипломант городского конкурса литературного творчества «Проба пера» в номинации «Поэзия» 2016г., III Областного (открытого) конкурса молодых авторов «Легкое перо» 2017 г. Член городского литературного объединения «Ялуторовская лира».

ПОЛЁТ ДЛЯ ДВОИХ

отрывок из повести

Сразу за околицей сиротливой деревушки раскинулось огромное поле со стогами сена. Туда мы и направились. Живописные виды здесь были великолепны. Величественный пейзаж, бескрайнее поле, бесконечное небесное пространство, необозримый простор и мощь русской природы. Травы буйно стелились кругом, россыпи цветов радовали глаз. От этой всей красоты и чистого свежего воздуха у меня слегка закружилась голова. Мы прошли уже достаточно далеко от машины, я достала свой фотоаппарат и начала снимать всю эту красоту. Недалеко от нас стояли высокие стога сена, которые пленили своей красотой. Сделав более десятка фотографий, решила ещё снять несколько интересных кадров. Недолго думая, положила фотоаппарат в стог сена так, чтобы он был направлен в нашу сторону и поставила на автотаймер.

– Макс, подойди быстрее, – крикнула я ему, и мы успели сделать совместную фотографию.

Я подбежала к фотоаппарату и включила опять. Максим неожиданно взял меня на руки, и у нас получилось ещё одно совместное фото.

– На этой фотографии мы больше похожи на влюблённую парочку, – не удержалась я от комментария, просматривая снимок. – Помоги мне залезть на стог сена, сфотографируешь меня.

– А ты не будешь говорить, что я опять смотрю тебе под платье? – тут же поинтересовался он.

– Давай уже поднимай! – настаивала я на своём.

Макс послушно скрестил руки, я встала, держась за его мускулистые плечи, и с трудом поднялась на стог сена. Глупо было сомневаться, что он не смотрел мне под юбку, всё было видно невооружённым глазом. Сама виновата, не надо было надевать такое короткое платье. Поднявшись на верхушку, я приняла красивую позу, распустила свои длинные волосы, и Максим запечатлел меня. Я сменила положение, и он щёлкнул меня ещё пару раз, затем я собралась спускаться.

Так как стог сена был очень высокий, слазить, как и подниматься, было нелегко. Максим заметил это, и пришёл на помощь, положив фотоаппарат на землю рядом с ключами от машины.

Яначала осторожно опускаться на землю, юбка задралась наверх, Макс подхватил меня за попу и аккуратно опустил на землю. Мы стояли, тесно прижавшись друг к другу. Мои руки упёрлись в солому. Наши глаза встретились.

На голубом небе не было ни единого облака. Яркое солнце светило во всю мощь. Капельки росы на траве были похожи на тысячи маленьких бриллиантов, разбросанных по поляне. Было слышно лишь пение птиц. В воздухе витал аромат свежих полевых цветов. Казалось, что в этом месте время остановилось. Он смотрел на меня с любовью, а я – с большим трепетом, руки его поднялись выше к талии, сердце замерло в груди.

– Я люблю тебя, – тихо прошептал он, дотронулся большим пальцем до моего лица и мягко погладил по щеке.

Сердце забилося сильнее, предательские мурашки вновь окутали моё тело. Максим аккуратно взял моё лицо в свои руки и медленно начал тянуться к моим губам. Я и не думала сопротивляться, поцелуй был настолько сладким, что оторваться было не в моих силах.

– Хочешь, спрячемся от палящего солнца и положим в сене? – охваченно спросил он, на секунду отстранившись.

– Давай, – нежно прошептала я в ответ.

Максим чмокнул меня в губы и начал выкладывать лишнее сено из стога, чтобы мы смогли залезть туда вдвоём. Я опустилась на траву рядом и с улыбкой наблюдала за ним. Его признание в любви ошеломило меня, я не могла сказать ему в ответ, что тоже его люблю, так как сама этого ещё не понимала. Меня сильно тянуло к нему, хотелось вновь и вновь окунуться в его поцелуи и не бояться потом пожалеть об этом. Солнце пригревало, и я вся пылала, то ли от жары, то ли от возбуждения.

– Всё, готово! Залазь, – предложил он, и я полезла в соломенный дом.

Макс забрался следом и оказался сверху на мне. Места было настолько мало, что ноги вылезали на траву.

Мой друг долго смотрел мне в глаза, а потом начал испуганно целовать, я стала отвечать ему взаимностью. Его руки залезли мне под платье, а мои обвили его шею. Возбуждение нарастало...

Он пытался снять зубами лямки с платья, но ничего не получилось. Тогда в приступе нахлынувшей страсти он руками опустил бретельки и потянул декольте вниз, обнажив мне грудь. Не теряя ни секунды, снял свою футболку и принялся, как заведённый, окутывать поцелуями мои губы, шею, грудь.

Тело начала бить мелкая дрожь, в этот раз я даже не сопротивлялась, полностью доверившись ему. В порыве безумия я не заметила, как руки Макса обнажили моё тело, и он проникнул в меня, крепко прижав к себе.

Я издала чувственный стон. Макс дотронулся губами до моих губ, они показались слаще меда. Этот вкус дурманил меня, как и всё остальное, я пребывала в состоянии неземного счастья и сладкой эйфории. Наши взгляды на секунду встретились, в его глазах читалось: «Всё будет хорошо».

– Я люблю тебя, – прошептал он вновь.

– Я тоже, – опьянённо прошептала я в ответ.

Порыв нашей страсти не останавливался ни на минуту, я испытывала одновременно счастье, радость и шквал эмоций. А что испытывал Макс, для меня оставалось загадкой, по крайней мере, этого он ждал долго...

Летний день медленно клонился к закату, становясь более свежим и прохладным. Жучки, бабочки и стрекозы попрятались в закрывшиеся на ночь бутоны цветов. Голенастые кузнечики прильнули к зелёным стеблям или притаились под замершим безветрием листочками. Стайки птиц подались к засыпающей роще, чтобы спокойно переночевать в своих надёжных гнёздах.

Багряное зарево пылало во всё небо, постепенно затухая и натягивая на себя ажурную шаль тёмно-сиреневых перистых облаков. Поднебесье стало похожим на догорающий костёр, а в зелени вечернего луга зазолотились его отблески. Густая мгла опустилась воздушной вуалью на живописную долину. Тысячи светлячков зажгли свои фонарики, чтобы они мерцали до зари, пока не растворятся в первых лучах рассвета.

Я плохо помню, как мы покинули поле и приехали домой. Закрывая глаза, я не раз перематывала нашу близость и больше ни о чём не хотела думать.

Уже сидя в машине, Макс предложил мне переночевать вместе.

– Давай не сегодня... – уклончиво начала я.

– Всё хорошо? – помедлив, спросил он.

– Более чем, – ласково произнесла я, и наши губы вновь сомкнулись в поцелуе.

– До завтра, – попрощался он, смотря на меня влюблёнными глазами.

Всю ночь я не могла сомкнуть глаз, так как думала о нём. Заснула я только под утро...

КУДИНОВА

Надежда Викторовна – поэт, член региональной организации «Тюменское областное отделение Союза российских писателей» с 2020 года.

Родилась 14 января 1981 года в г. Ялуторовске. В двухтысячном году окончила Голышмановское педагогическое училище по специальности «Учитель начальных классов». Вернувшись в родной Ялуторовск, работала воспитателем в детском саду, заочно окончила Тюменский институт культуры по специальности «Библиотечно-информационная деятельность».

До переезда в город Тюмень работала методистом в Централизованной библиотечной системе г. Ялуторовска. Стихи пишет с 20 лет, публикуется в коллективных сборниках и литературно-художественных альманахах, активно участвует в городских творческих конкурсах. Стипендиат 2021 года Министерства культуры Российской Федерации. Член городского литературного объединения «Ялуторовская лира».

В настоящее время живёт в Тюмени.

НОВЫЕ ОГНИ

Моё дыханье встретилось с твоим,
И наши руки рядом, чуть касаясь,
Как две души парят, во мгле сливаясь,
И в небе светят новые огни.

ОЖИДАНИЕ

Бегу к тебе я на свидание,
И так приятно ожидание:
Ты вновь придёшь с букетом роз,
Мой добрый странник нежных грёз.
Тебя я жду, и счастьем сердце
Окутает мой тихий мир.
Я лишь тобой могу согреться,
Мой добрый странник, мой кумир!

ОСТРОВОК

Моя рука в твоей руке...
Мне так уютно и тепло.
На этом милом островке,
Где сердце к сердцу приросло.
В душе моей живёт покой.
А мир вокруг такой прекрасный,
И льётся песней голос твой,
Меня хмурый день на ясный.
Сейчас не нужно лишних слов...
Утонем мы в глазах друг друга.
Соединенье двух миров –
В том матушки-судьбы заслуга.

В ПЛЕНУ ПОЭЗИИ

В плену Поэзии томлюсь,
И этот плен такой манящий.
Я к ней, как к солнышку тянусь,
Как парус, по волнам скользящий!

ДАРИТЕ ЖЕНЩИНАМ ЦВЕТЫ!

Дарите женщинам цветы!
Дарите им минуты счастья
И исполняйте их мечты,
Укрыв надёжно от ненастья.
Взамен получите любовь,
Тепло и ласку, и вниманье.
От нежных чувств взиграет кровь,
Пленив вас робостью желанья.
Цветы и женщины прекрасны,
Они цветут из года в год.
Ежеминутно, ежечасно,
Вершат любви круговорот.
Дарите женщинам цветы,
Чтоб миг казался чудной сказкой!
Пусть вновь сбываются мечты,
Раскрасив мир волшебной краской.

* * *

Любите тех, кто с вами рядом,
И не жалейте нежных слов.
Нам Бог послал любовь в награду,
Как дар волхвов...

ТУРОВИНИН

Иван Сергеевич –

**начинающий прозаик,
член городского
литературного
объединения
«Ялуторовская лира».**

Родился 2 июня 2005 года в городе Ялуторовск Тюменской области. Выпускник детской школы искусств имени С.И.Мамонтова, учащийся десятого класса средней школы. С пятнадцатилетнего возраста пробует силы в жанрах рассказа и очерка. В марте 2021 года рассказ начинающего автора о декабристах победил в конкурсе интернет-портала «Наш Урал». В начале ноября с.г. на всероссийском конкурсе «ЛитКон» жюри высоко оценило путевые заметки Ивана «Высокогорный край или четверо в Дагестане». На страницах литературно-художественного альманаха «Гиперборей» И. Турвинин дебютирует сказкой «Амулет для Хадко». Произведение создано по мотивам фольклора северных народов Российской Федерации, рассказывает об их быте, обычаях и культуре. Живёт в Ялуторовске.

АМУЛЕТ ДЛЯ ХАДКО

сказка

В одном отдалённом селении Севера жила семья: муж, жена и их ребёнок. Мужа звали Хадко, жену Кюске, а маленького сына Нягэ. Чтобы прокормить семью, Хадко вместе с другими мужчинами селения ходил на охоту и рыбалку. Кюске же поддерживала домашний очаг, следила за Нягэ и ухаживала за домашними питомцами: полярной совой Митавой и северным оленем Иэном.

Однажды вечером, когда Солнце уже село за горизонт, в чум Хадко зашёл старейший обитатель их северного поселения – Овидий.

– Доброго вечера чуму Хадко! Можно присесть рядом с вами?

Получив одобрительный кивок, старик тяжело опустился на тёплую оленью шкуру близ очага.

– Хадко, я пришёл к тебе с недоброй вестью... Вчера недалеко от наших чумов охотники нашли свежие следы амая. Кюске, которая сидела рядом и кормила оленьим молоком маленького Нягэ, чуть не выронила из рук глиняную плошку.

– Как амай?! Ведь их давно не было рядом с нашими чумами!

Хадко встал, недолго походил вокруг очага. «Если амай совсем рядом, то это значит лишь одно – угроза людям и домашним животным. Но ведь сейчас время, когда медведь должен спать», – размышлял Хадко. Затем спросил:

– Что ты предлагаешь делать, Овидий?

– В том-то и дело, что не знаю. Я сталкивался с амаем лишь три раза за всю жизнь. И видел только издалека.

Кюске, чувствуя, что разговор становится более серьёзным, ушла с Нягэ в дальний угол жилища.

– Я предлагаю взять самых лучших охотников, снарядить самые лучшие упряжки с собаками и выследить амая. Рано или поздно он снова вернётся в наше селение, и тогда мы должны будем дать отпор.

С таким предложением выступил Хадко. Никогда он не чувствовал такого животного страха перед зверем. Он столько раз ходил на охоту, но никогда не боялся, а тут ...

Долго они сидели в тишине и попивали травяной чай из старинных чашек с красивыми узорами. Они достались Хадко от его отца, а отцу от деда, деду от прадеда... Лишь Бог снежной пустыни знает, сколько им лет. Уже и Кюске вернулась к очагу. И тут Овидий поставил чашку на столик рядом с очагом.

– Доброй ночи, Хадко. Доброй ночи, Кюске. Мне ещё нужно навестить шамана, чтобы он попросил духов о победе над амаем. Встречаемся завтра около полудня, возле моего чума. Возьми, Хадко, с собой Иэна и Митава, они могут нам помочь.

– Доброй ночи, Овидий! Так и будет, я буду в полдень у дверей твоего чума.

Овидий вышел в холодную ночь, полную неизвестности...

Хадко ещё долго искал всё необходимое для охоты на медведя, представлявшего угрозу селению. А совсем рядом в загоне стоял олень Иэн, а на деревянной балке сидела сова Митава.

На другом конце северного поселения был чум шамана, там также полным ходом шёл обряд в защиту охотников: звучал бубен, сделанный далёкими предками, раздавались молитвы Богу снежной пустыни.

Наконец всё стихло. Лишь кое-где хрустел снег под копытами передвигавшихся по стойбищу оленей. Пахло дымом.

Рассвет. Самое холодное время зимой. Кюске проснулась. Чтобы муж не услышал, оделась и аккуратно, словно кошка, вышла из чума. Под ногами хрустит снег, солнце краснеет на горизонте, где-то лают верные спутники жителей севера – хаски и лайки. Добралась Кюске до чума шамана и, приоткрыв полог, тихонько спросила разрешения войти.

Тишина.

«Наверное, шаман ещё отдыхает», – мелькнула мысль. Но раздались еле слышные шаги, и у входа появился хозяин чума. – Здравствуй, Кюске! – Лицо у шамана было заспанным. – Что тебя привело в столь ранний час?

– Доброе утро! Наши мужчины идут на битву с амаем. Помоги, дай что-нибудь, что защитит Хадко. Я очень переживаю за него.

Шаман, просивший духов о защите охотников всю ночь, на короткое время задумался. Потом произнёс:

– Хорошо. Я сейчас.

Кюске осталась ждать около входа. Шаман вернулся через несколько минут.

– Вот, держи. Этот амулет пригодится твоему мужу в самый трудный час битвы. Пусть наденет его на шею и не снимает. Да помогут ему духи тундры: Великий Кедр, Сильная Река и Владыка Снег.

– Спасибо! Я побегу обратно, чтобы поскорее отдать его Хадко!

Шаман смотрел вслед женщине, пока её силуэт не исчез из виду.

Кюске вошла в чум. Хадко, в красивых носках, которые взяла ему бабушка, уже пил чай.

– Держи! – сказала жена. – Надень на шею.

– Что это?

– Амулет от шамана.

Хадко начал рассматривать необычный предмет: на прозрачном камне чёрной краской нарисован медведь с раскрытой пастью.

– Спасибо тебе, моя хранительница! – Хадко надел амулет на шею.

Начались сборы. Хадко взял самое необходимое: немного хлеба и воды, меч и нож.

– Я обязательно вернусь, Кюске!

Он погладил Нягэ по голове и вышел из чума. Там его ждали помощники – Митава, устроившись на рогах Иэна, мирно дремала. Хадко оседлал оленя, и они все вместе направились к чуму старого Овидия.

Приехав, Хадко резво спрыгнул с Иэна. Сова проснулась и уже в оба глаза глядела вокруг. Вскоре появились с оленями и собаками другие охотники. Из чума вышел старец и объявил:

– Всем доброго полдня! Вы знаете, зачем мы собрались – не допустить амая в наше селение! Сейчас мы разделяемся на группы и занимаем свои места вокруг поселения.

Раздались одобрительные возгласы. Но вдруг краем глаза Овидий заметил огромную тёмную фигуру на фоне белого снега. Резко развернулся в ту сторону, и охотники расслышали:

– Амай! Уходит за чум!

Воины быстро сообразили, что нужно делать: в сторону, где старец увидел медведя, полетело несколько стрел. Но всё оказалось тщетно.

– Хадко, попробуй его обойти! – распорядился Овидий.

Хадко поскакал на олене в противоположную от медведя сторону. Как только он это сделал, амай появился с другой стороны. Огромный зверь с тёмной жёсткой шерстью и страшным оскалом острых клыков ревел и медленно, постепенно набирая скорость, шёл на толпу охотников. Все быстро залегли за сугробами.

Но это не спасло отважных воинов. Каждый, к кому прикасался амай, становился глыбой льда. Когда Овидий выглянул из своего убежища и попытался выстрелить в медведя из лука, то увидел, что от толпы умелых охотников остались единицы. В этот момент амай настиг Овидия одним прыжком. Мгновение – и тот, превратившись в ледяную фигуру, уже не мог больше шевелиться.

Тут на амая налетела Митава. Она начала клевать и щипать врага, издавая звуки, способные навести ужас на любого. Медведь пытался отбиваться, но все попытки сводились к новым повреждениям. К несчастью, амай зацепил сову лапой, и она камнем упала на снег.

Тогда и появился Хадко на своём верном Иэне. Соскочив с оленя, Хадко достал из ножен меч своих предков и бросился на врага. Началась ужасная схватка.

Амай был силен и коварен. В какой-то момент он повалил охотника на снег. И, словно играя, практически сел на Хадко – вот-вот раздавит. Но тот, вспомнив об амулете, изловчился и потёр его пальцами.

В этот момент случилось чудо. Иэн вдруг ударил копытом о снег, и полыхнула волна, похожая на северное

сияние. Амая оглушило. Ударил второй раз копытом олень, пошла новая волна, и медведь ослеп. Ударил третий раз о снег Иэн, возникла третья волна, и спали чары амая – ожили все охотники, обращённые ранее в глыбы льда.

Воины, отряхиваясь от снега, радовались победе над страшным зверем. Тут решил Овидий глянуть на врага и увидел вместо него человека.

– Ты кто?! – воскликнул поражённый старец. – И где ужасный амай?

– Я и есть Амай. Я – злой колдун. Мне нужно было получить пропитание, поэтому я напал на ваше селение. Но я не думал, что вы дадите такой магический отпор.

Охотники стояли в смешанных чувствах. Неужели, если бы он попросил пропитание, то они ему отказали?! Нет, конечно! На таких обычаях и строится Север.

Однако колдун не дал времени на раздумья. В одно мгновение, превратившись в чёрного ворона, он стрелой полетел вдаль.

– Ловите его! – закричал Овидий.

Но Митава, едва очнувшись от чар колдуна, не смогла взлететь – не хватило сил. Поэтому Амай смог скрыться.

Бравые воины, вернувшись в свои чумы, сообщили родным о невероятных событиях, с благодарностью упоминая Шамана, Хадко, сову Митаву и оленя Иэна.

Кюске встретила мужа, как истинного победителя. Они сидели за праздничным ужином, Хадко разговаривал с женой, потирал амулет с медведем и радовался возвращению домой. А уже с утра его ждала повседневная жизнь.

Вот так добро победило зло на севере Сибири.

ЭПОХА В ЛИЦАХ

На фотографии: группа молодых писателей на Днях литературы в Ереване – 80-е годы XX века, Н. Шамсутдинов пятый слева.

На фотографии писатели (слева направо): Николай Шамсутдинов, Николай Коняев, Павел Плюхин, Валентин Овсянников

Мартиролог...

Отмечая юбилей Союза российских писателей, мы обязаны упомянуть тех, кого сегодня уже нет с нами – литераторов земли Тюменской, внесших свой посильный вклад в российскую словесность. Мы их помним и уважаем, ценим творческие достижения и заслуги в развитии отечественной и региональной литературы.

Первым в этом списке по праву стоит К. В. Тихомиров, поэт, редактор газеты-альманаха «Апрельский литератор» (ныне – «Живое слово»), автор книги стихов «Тотальный романс» (опубликована посмертно). Жизненный путь Константина Викторовича оборвался очень рано. Но он навсегда остался в истории Тюменского областного отделения СРП, как один из инициаторов (вместе с Н. М. Шамсутдиновым) его создания. Сегодня наша межрегиональная организация насчитывает более тридцати прозаиков, поэтов и публицистов. Их творчество широко представлено на страницах юбилейного номера «Гиперборея». Теперь настало время вспомнить имена писателей-коллег, уже ушедших из жизни. Но не из литературы. Ибо, по мудрому мнению древних римлян: «Жизнь коротка, искусство вечно».

Как заметил однажды Константин Тихомиров: «В поэзии первоначален не звук, а личности завет...»

Помним, ценим, благодарим...

Тихомиров К. В. (1964–1995) – поэт, публицист.

Бронников Г. М. (1929–2021) – поэт, прозаик.

Болотова А. Г. (1955–2018) – прозаик.

Галязимов Б. И. (1939–2009) – поэт, прозаик.

Гончан Ю. А. (1950–2018) – поэт.

Гришин А. А. (1948–1998) – прозаик, поэт.

Исмагилов А. А. (1955–2021) – поэт, бард.

Конопелькин А. Д. (1952–2013) – поэт, бард.

Кузнецов В. А. (1956–2021) – поэт, прозаик.

Либов Л. И. (1921–2015) – прозаик.

Марласов А. М. (1943–2016) – поэт.

Матвеев В. С. (1943–2016) – поэт, прозаик.

Овсянников В. П. (1934–2018) – прозаик.

Рогачев В. А. (1940–2004) – литературовед, публицист.

Титова (Светлая) С. В. (1962–2021) – прозаик, поэт.

Царенко Т. М. (1935–2017) – прозаик, поэт.

Правление Тюменского областного отделения СРП

На фотографии писатели (слева направо): **Константин Тихомиров**,
Николай Шамсутдинов, Игорь Иртенъев, Михаил Мишин – 90-е г. XX века

НЕ СУДИ

Памяти Константина Тихомирова

Не суди, хоть судимы... Слепя,
Непрощённая, на сердце осень,
Растворившая в «нетях» тебя,
Что с промозглой судьбой соотносим

В дробной жизни... Чему ни учусь
У теть и потерь, утолимым
Переключкой освистанных чувств,
Непроломными зимами чтимых, –

Неизбежность диктует своё
И – не в поводырях ли у смерти? –
Стол, понурую лампу, жильё
Непробудным молчанием метит.

Ты уже в ирреальности, там,
Где догадкой тебя не достанут, –
Уподобленный зрячим перстам,
Запалённо влагаемым в рану,

Как ни просит тщета: «Отзовись...»
Оттого ль воспалённую память
Ещё пуще палит – атавизм?.. –
Не задобрить судьбу, не займись...

Ты, обретший условный покой,
Отлетевший, как выдох, – не с нами,
Повсеместен... Хотя б не рукой –
Вздохом куц, дуновением сна ли –

Знак бы дал! Недоступен злобе,
Недомолвкам ли, ждущим излиться,
Ты замкнулся, изгнанник, в себе,
Чтоб в иных эмпиреях открыться,

В назидании нам. А пока,
Покаянный, с душою – в кавернах,
Не скажу «человек тупика», –
Одинокий среди одномерных,

Плоских лиц. Ты по ним не читать –
Отчуждаться учился... Забвеньё
Учит, с сущим прощаясь, прощать,
Небыли поверяя сомненья.

Без угла, гедонист, без пальто,
Под дождём, искупающим прану,
В эту жизнь заглянув, ты – в НИЧТО
Так, её ужаснувшись, отпрянул,

Что душой, отшатнувшейся от
подлой яви с распадным дыханьем,
Начертал свой исход. Твой уход
Осязаем, прости, не сознанием,

Но – застенчивой тучкой, дождём,
Парком в горестном недоуменье –
Словом, всем, что молчит за окном
В несминаемом оцепененье.

Ты, бесплотней, наперсник, чем свет,
Небыль длишь, немоте наставляя,
Отлетевшим дыханием – след
На промозглой душе оставляя.

Там – к чему, песнопевец?.. – в пути,
Нас, уже отхлебнувших из Леты,
На излёте уже, не суди...
Обираемый слухами, где ты? –

В синеве, осеняющей наст
Декабря, в хрусте веток ли? – сгусток
Пустоты, примиряющий нас
Общей нотой продрогшего чувства,

То ль вины, то ль прощанья... На страх
Поселянам, пеняющим лету,
Ностальгически вьюга в полях
Продувает студеную флейту,

Обжигая пространства. И ты,
Облетающий звёзды неловко,
Неприкаян, – в щепоти тщеты,
Ибо смерть, без сомненья, обмолвка

Бытия. Не ревнуя к пустым
Прорицаньям, сопутствуя Виям,
Что стихи? – подмалёвок к иным,
Безразличным и грозным, стихиям.

В тяжбе сакраментальных систем –
Обиталище камерной боли,
Ты – глашатай, не более, чем
Приложенье безадресной воли,

Помещаемой ныне в Творце.
Ах, софисты... Обуглена взглядом,
Даль прозренья – в ненастном лице –
Преломляема вещим распадом,

Где смеркается осень, слепя,
Насыщаема изнеможеньем,
Где душа – постигая себя,
Настигаема нашим забвеньем...

1996 Н. Шамсутдинов

На фотографии: председатель правления ТОО СРП Н.М. Шамсутдинов и
управ. делами ТОО СРП И.М. Дмитриенко

«Дорогие коллеги, друзья, земляки-северяне!

Поздравляем Вас с юбилеем!

**Здоровья Вам, добра и неиссякаемого
творческого вдохновения!»**

До новых встреч на страницах альманаха!

«Гиперборей» – собирает друзей!

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Богданов Юрий	124
Борщ Илья	293
Бочкарёва Мария	106
Вахрушева Тамара	270
Володина Екатерина	73
Голозубов Александр	98
Гостева Елена	83
Губина Ольга	252
Дулова Елена	274
Жилина Ксения	296
Журавлёва Лидия	121
Журавский Александр	70
Ивлева Полина	290
Карелина Лариса	256
Каркишко Геннадий	137
Кириллов Игорь/Северский	78
Комар Анатолий	140
Кривчиков Константин	58
Кудинова Надежда	301
Култышев Михаил	179
Лапина Татьяна	134
Лексина Нина	200
Лыткина Любовь /Миляева	88
Мазкова Александра/Аля Архангельская	277
Манаева Галина/Полянина	228
Медведев Михаил	221
Мартынова Вера	266
Меркушина Елизавета	102
Моор Светлана/Вета Моор-Люшенге	112
Нерадовских Вадим	238

Неряхина Любовь/Сокол	163
Петрова Юлия	116
Печёнкина Светлана/Хохлова	286
Сошникова Любовь/Баженова	126
Ткаченко Людмила/Мила Романова	93
Туровинин Иван	304
Флегентова Галина/Шпрингер	224
Хабушева Татьяна	130
Целых Сергей	281
Шамсутдинов Николай	4
Ядне Нина	144
Язовских Маргарита/Лебедева	66

СОДЕРЖАНИЕ

Анонс	3
«Критика – наука открывать красоты и недостатки в произведениях искусств и литературы»	23
«Зоркое зрение души», рецензия на книгу «Избранное» Н.Шамсутдинова в пяти томах, И. Матвеева-Баранова	24
«Эпоха в лицах» фотогалерея	40, 310, 313
«Гость альманаха»: Галина Погожева	44
Александр Радашкевич	52
«Минута – и стихи свободно потекут»	57
«О чём, прозаик, ты хлопчешь?»	143
«Откуда ты, прекрасное дитя?»	251
«О люди! Жалкий род, достойный слёз и смеха!».....	273
«Лейся песня!»	285
«Здравствуй, племя младое, незнакомое»	289
«Мартиролог»	311
Алфавитный указатель	318
Содержание	319

Литературно-художественный альманах
юбилейный выпуск к 30-летию
Союза российских писателей

ГИПЕРБОРЕЙ

№4(7) 2021

Автор идеи и куратор издательского проекта:
Шамсутдинов Николай Миркамалович,
Сопредседатель Правления Союза российских писателей

Редактор-составитель:
Дмитриенко Ирина Михайловна,
E-mail: i.matveyka@mail.ru

Ответственный за выпуск:
Кривчиков Константин Юрьевич

Литературные произведения и тексты в авторской редакции.
Сохранены особенности пунктуации и орфографии авторов.

Вёрстка и оформление обложки: Матвеева И.М.
При оформлении обложки использована репродукция картины
известного российского художника Угланова А.Б.

Подписано в печать 10.12.2021
Формат 60x84/16 Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. 17,48. Тираж 300. Заказ №1934

Отпечатано в АО «Тюменский дом печати»
625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81
Тел: (3452) 56-56-50
E-mail: dom@dom-pechati.ru

УГЛАНОВ

Александр Борисович

родился в 1960 году в городе Тверь. В 1979 году окончил художественное училище им. Венецианова. Участвовал в выставках городского, областного, республиканского уровней, в зарубежных выставках. Часть работ находятся в частных коллекциях стран: России, Беларуси, Польши, Греции, Германии и Франции.

Многие художники посвящают свою творческую жизнь изображению женских образов, и лишь маленькая часть углубляется в изучение истории, и воссоздаёт образы давно прожитых времён. Литературно-художественный альманах «Гиперборей» представляет на обложке каждого номера очередную картину художника-живописца, который имеет свою неповторимость и своеобразную индивидуальность. Чарующий мир образов полотен художника наполнен волшебными красками и повествует о сказочной Гиперборее – древней Руси. На обложке настоящего альманаха – репродукция картины «Ось Земли».

**Авторский сайт художника-гиперборейца:
uglanov-tver.ru**

**«СОЮЗ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ»
ТЮМЕНСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ**

2021